

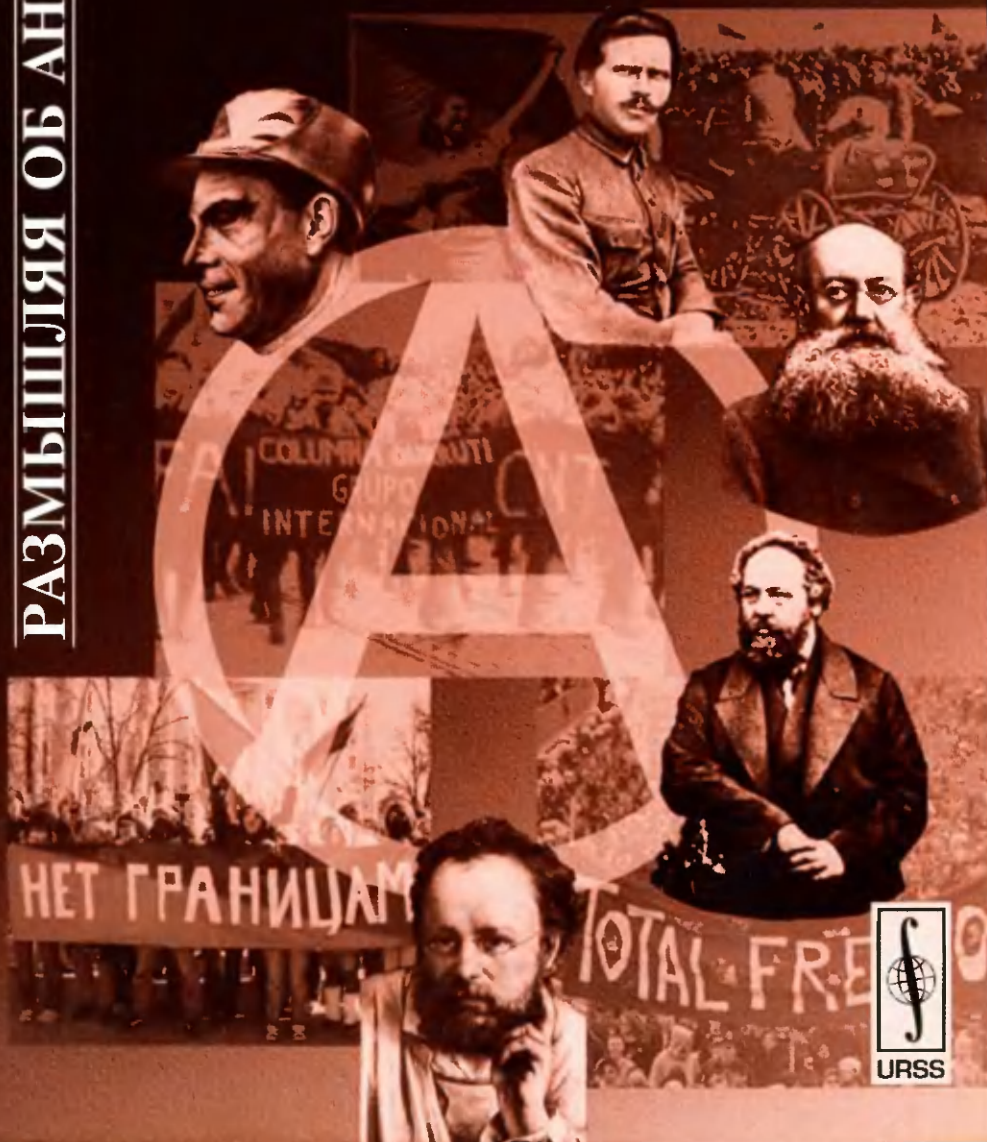

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АНАРХИЗМЕ

В. Н. Черкезов

ПРЕДТЕЧИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Доктрины марксизма

Размышляя об анархизме

В. Н. Черкезов

**ПРЕДТЕЧИ
ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

Доктрины марксизма

Вступительная статья
кандидата исторических наук
Д. И. Рублёва

Издание второе,
дополненное

URSS
МОСКВА

ББК 60.5 63.3 66.0 87.6

Черкезов Варлаам Николаевич

Предтечи Интернационала: Доктрины марксизма / Вступ. ст.
Д. И. Рублёва. Изд. 2-е, доп. — М.: КомКнига, 2010. — 208 с.
(Размышляя об анархизме.)

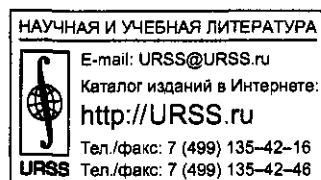
Вниманию читателей предлагается книга отечественного мыслителя, участника революционного движения, анархиста В. Н. Черкезова (1846–1925), в которой собраны его работы, посвященные критике идеологии и тактики социал-демократического движения. Автор стремится развенчать создаваемый марксистскими публицистами конца XIX – начала XX вв. культ марксизма как последнего достижения в области общественных наук; вклад марксистов в развитие социалистического учения он трактует как искажение идей «действительных отцов современного социализма» (сенсимонистов, фурьеристов, прудонистов, народников), идейно близких анархистам. В приложении автор приводит статью видного итальянского теоретика-марксиста Артура Лабриола, отчасти подтверждающую его точку зрения.

Рекомендуется историкам, политологам, обществоведам, социальным философам, всем заинтересованным читателям.

Издательство «КомКнига».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 13. Зак. № 3309.
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-484-01190-2

© КомКнига, оформление, 2010

Грузинский и русский анархист, критик Маркса и Энгельса

Имя Варлаама Николаевича Черкезова мало что скажет современному читателю. Безусловно, он гораздо менее известен в наше время, чем основоположники марксизма, в отношении которых он сделал, во многом, обоснованные обвинения в плагиате трудов других исследователей. Между тем, в начале XX века труды Черкезова имели большой резонанс в социалистическом движении. Так, после их издания в Германии защитником чести классиков марксизма выступил сам Карл Каутский — один из наиболее видных идеологов социал-демократического движения начала XX века. По приглашению грузинских социал-демократов, с критикой трудов Черкезова в газете «Квали» выступил основатель школы русского марксизма Г. В. Плеханов. В числе лиц, полемизировавших с Варлаамом Черкезовым, были и будущие лидеры Советского государства. Так, 3–6.03.1903 в Париже он участвовал в публичной дискуссии с В. И. Лениным, читавшим реферат по вопросу об аграрных программах эсеров и социал-демократов. Интересно, что как Ленин, так и Черкезов считали себя победителями в дискуссии. Немало места уделил критике работ Варлаама Черкезова в своей брошюре «Анархизм или социализм» молодой грузинский большевик И. В. Сталин. Кто же он, этот человек, обративший на себя внимание многих, незаурядных политиков и мыслителей своего времени?

Творчество и деятельность В. Н. Черкезова до сих пор остаются малоисследованной страницей истории анархистского дви-

жения. Ему посвящены лишь небольшой очерк Б. Николаевского в журнале «Каторга и ссылка»,¹ а также — ряд небольших статей в энциклопедических словарях-справочниках.² Вышедшая недавно статья П. В. Рябова является наиболее полным, на сегодняшний день, исследованием идей В. Н. Черкезова.³ Уделяют определённое внимание Черкезову и ряд др. известных исследователей русского общественно-политического движения XIX в. (В. Я. Гросул, Ф. М. Лурье, Н. М. Пирумова).⁴

Настоящие имя и фамилия этого человека — Варлаам Асланович Черкезишвили. В анархистской литературе он бы известен под псевдонимами «Джан Асланович» и «Марвели». Черкезов родился 16 сентября 1846 года в Тифлисской губернии. Происходил он из дворянской семьи. Его отцом был обедневший грузинский князь. В 1864 Черкезов окончил вторую московскую военную гимназию. Затем, в 1865–1866 годах он учился в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. С июля 1864 года, примкнув к кружку ишугинцев, Черкезов начинает активную деятельность в революционном движении. После покушения Д. В. Каракозова на императора Александра II он был арестован за недонесение о деятельности революционеров и приговорён к 8 месяцам тюремного заключения. В 1867 году Черкезов поступил в Петербургский университет, но уже в 1869-м оставил учёбу, целиком посвятив себя революционной деятельности. В 1867–1869 гг. в Петербурге молодой революционер становится лидером бакунистского кружка «Сморгонская академия». Но как вспоминал впоследствии сам Черкезов, анархистом он осознал себя уже в 1868 году. В конце сентября 1869-го в Москве он был принят С. Г. Нечаевым в организацию «Народная расправа», в кружках нечаевцев вёл пропагандистскую работу среди студентов. Во многом благодаря помощи Черкезова Нечаеву удалось скрыться за границу. В конце

¹ Николаевский Б. И. В. Н. Черкезов (1846–1925) // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 222–232.

² См., например: Кривенький В. В. Черкезов // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 675–676.

³ Рябов П. В. Мыслитель-анархист Варлаам Черкезов: «наука человечности» против «науки партии» // Либертарная мысль. № 2. январь – март 2009. С. 27–38.

⁴ Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990; Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001; Лурье Ф. М. Нечаев. Созидатель разрушения. М., 2001.

ноября – в декабре 1869 года он был арестован, хотя к убийству Иванова был непричастен. На процессе нечаевцев (18.08.1871 года) Черкезов был приговорён к лишению прав состояния и ссылке в Сибирь.⁵

Здесь, в тюрьме, он написал свой первый теоретический труд — брошюру «Требования науки и требования жизни». Рукопись была арестована. До нашего времени о ней дошли лишь отдельные упоминания в воспоминаниях революционера-народника О. В. Аптекмана, доказывающие, что, оставаясь анархистом, в это время Ч. находился под влиянием идей П. Л. Лаврова, близких программе кружка «чайковцев». Так, в брошюре он проводил факты о необходимости длительной пропагандистской работы и организации революционных сил, как этапе, предшествующем подготовке массового крестьянского восстания.⁶

С ноября 1873 г. Черкезов был выслан в Томск, однако уже в январе 1876 г. бежал из ссылки в Лондон. За границей он первоначально примыкает к лавристам, в мае – декабре 1876 года в журнале «Вперёд!» ведёт разделы «За две недели» и, отчасти, «Летопись рабочего движения». Осенью того же года, после переезда в Женеву вновь примкнул к бакунистам. В 1878 году Черкезов ведёт «Хронику» в анархистском журнале «Община». В своих статьях этого периода он выступал сторонником синтеза тактических установок лавристов и бакунистов. Их споры о первенстве методов продолжительной пропаганды или бунтовских актов Черкезов считал несущественными перед лицом нарастающей в условиях становления капиталистических отношений пауперизации крестьянства. «Неужели мы, социалисты-революционеры ещё долго будем блуждать в области бесплодных споров о бунтах и пропаганде? ... Живой, мыслящий, цельный организм не знает этой двойственности; не понимает этого и народ, творящий свою историю не фразами, не абстрактными идеями, а строим жизненных отношений и борьбой за них», — писал он.⁷ Острой критике он под-

⁵ Здесь и далее биографические данные В. Н. Черкезова даются нами по следующим публикациям: Письма П. А. Кропоткина к В. Н. Черкезову // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 8–28; *Anarchistes en exil: Correspondance inédite de Pierre Kropotkine à Marie Goldsmith, 1897–1917.* Paris. 1995; *Кривенький В. В.* Указ. соч.; *Гросул В. Я.* Указ. соч.; *Рябов П. В.* указ. соч.

⁶ *Николаевский Б.* Указ. соч. С. 225–226.

⁷ *Община.* № 2. Февраль 1878. С. 15.

верг и идеи о возможности союза социалистов-народников с либералами в совместной борьбе за введение конституции в России. В то время часть революционных народников рассматривала этот шаг как способ получить легальные возможности пропаганды социалистических идей. Варлаам Черкезов полагал, что в условиях России II половины XIX века политические свободы могли быть введены правительством только в весьма урезанном виде. Таким образом они ничего не дали бы для свободной пропаганды социалистических идей.⁸ Весьма критическими были и его статьи о внешней политике правительства Александра II. Так, русско-турецкая война 1877–1878 гг. оценивалась им, как следствие завоевательных стремлений великих держав Европы, и в первую очередь — правительств России и Турции.⁹

В Женеве Черкезов примкнул к группе анархистов, возглавляемых П. А. Кропоткиным. Постепенно, под влиянием Петра Алексеевича он становится анархистом-коммунистом. В 1880-е годы Черкезов сотрудничал в анархистской газете «Le Revolte», участвовал в деятельности Парижской и Женевской секций и Юрской федерации Анархистского Интернационала. В 1890-е – 1900-е гг. он сотрудничает в наиболее влиятельных анархистских периодических изданиях Западной Европы и России. Таких, как «Les Temps Nouveaux», «Freedom», «Хлеб и Воля». Главным направлением его публицистики в это время становится критика идеологии и тактики социал-демократического движения. Его идеи этого периода характеризуют такие труды, как «Страницы социалистической истории» (1896), «Предтечи Интернационала» (1899), «Путешествие по Бельгии» (1900), «Раскол среди социалистов-государственников» (1901), «Наконец-то сознались» (1907).

Черкезов выступает приверженцем позитивистской философии, «индуктивного научного метода». С этих позиций он критикует несколько упрощённо понятое учение о диалектическом материализме. Черкезов воспринимал диалектику, как спекулятивный метод, построенный на «софизмах», манипуляциях понятиями, «которым можно доказать всё, что вам угодно смотря по тому, что взято за тезис».¹⁰ «Метафизическому сумбуру гегелевской филосо-

⁸⁾ Община. № 5. Май 1878. С. 14.

⁹⁾ Община. № 6–7. Июнь – июль 1878. С. 30.

¹⁰⁾ Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. Пб. М., 1919. С. 115.

фии» он противопоставлял «индуктивную науку», основы которой были сформулированы Ф. Бэконом, Д. Локком, затем — французскими философами эпохи Просвещения и позитивистами.

Анархо-коммунистические идеи Черкезов воспринимал не как политическую доктрину, а скорее как тенденцию, неотъемлемо присущую народным движениям всех эпох в истории человечества: «Каждый раз, когда массы поднимались против угнетателей и эксплуататоров, они формулировали почти в одних и тех же выражениях вековые стремления: свобода для всех, справедливость в пользовании благами жизни для всех ... Требования масс всегда оставались одними и теми же: земля и её богатства для всех, уничтожение эксплуатации человека человеком, личная свобода в свободной коммуне».¹¹ Социализм XIX века, по его мнению, изначально имел анархические корни: «Отсюда название „социалистическое“, данное будущей организации: под этим словом подразумевался порядок, устроенный самим обществом и для общества. Кто говорит социализм, отрицает в действительности Государство и Капитал».¹²

Вклад марксистов в развитие социалистического учения он трактовал как искажение идей «действительных отцов современного социализма» (сенсимонистов, фурьеристов, прудонистов, народников), идейно близких анархистам и проповедовавших непосредственный переход средств производства к негосударственным самоуправляющимся объединениям (ассоциациям) трудящихся: «И до того это предубеждение стало всеобщим, что социализм, — учение антигосударственное ... — превратили в синоним государственности, а нас, коммунистов, революционеров и врагов государства, стали представлять как врагов социализма».¹³ Черкезов указывал и на присущий марксистскому учению антигуманизм как в представлениях о прогрессивности тех или иных процессов социально-экономического развития, так и в представлениях об идеале строя будущего: «На всех языках славят их науку, по которой крестьяне все для блага человечества должны обнищать, потерять землю, а рабочие работать на капиталистов».¹⁴ Он показы-

¹¹⁾ Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. С. 11.

¹²⁾ Там же. С. 58.

¹³⁾ Там же. С. 94.

¹⁴⁾ Там же. С. 180.

вал, что учение Маркса и Энгельса внесло «фатализм и предопределение концентрации капитала, и вместо свободы, братства и автономии — учение о подчинении личности дисциплине и о всемогущем, всеподавляющем гегелевском государстве».¹⁵ Доминирование же марксизма в российском и европейском революционных движениях Черкезов трактовал, как следствие эпохи реакции, наступившей после разгрома Парижской коммуны во Франции и революционного народничества в России. Социальную революцию Черкезов трактовал как антигосударственное выступление трудящихся, направленное на реорганизацию экономической жизни на социалистических началах. На примере неудач французских социалистов-государственников в ходе революции 1848–1849 гг., он стремился показать бесперспективность доктрины «социального переворота» сверху, парализующей народное действие и народную инициативу: «Эта доктрина „социального переворота“, сверху, посредством законодательной и диктаторской власти, парализовала народное действие и народную инициативу».¹⁶

В брошюре «Концентрация капитала» и своих статьях в газете «Freedom» Черкезов подверг критике марксистские представления о концентрации капитала, показав на основе статистических данных, что число частных предпринимателей в различных странах мира с середины 1840-х гг. не уменьшается, а напротив, — возрастает.¹⁷ Марксист. схеме классового деления общества, радикально разделявшей интересы крестьянства, рабочего класса и ремесленников, Черкезов противопоставил понятие «народ», в котором объединялись «производители, управляемые, эксплуатируемые». Эту позицию он противопоставлял присущей для работ теоретиков-марксистов («господ четвертого сословия») «ненависть к босякам и крестьянству». Понятие «классовые интересы», воспринимались Черкезовым, как утратившее своё прежнее значение и заменялись им категорией «принципов, идеалов», не имеющих чётко очерченного классового значения: «Социализм поставил себе целью освобождение не того или иного класса, а всего народа от эксплуатации и грабительства».¹⁸

¹⁵⁾ Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. С. 118.

¹⁶⁾ Там же. С. 59.

¹⁷⁾ Concentration of Capital. London, 1912.

¹⁸⁾ Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. С. 146, 147.

По мнению Варлаама Черкезова «перерождение» социал-демократии из революционной партии в партию реформ в духе учения Эдуарда Бернштейна, было изначально предопределено учением Маркса и Энгельса. Ведь в своих трудах, полагал Черкезов, они обосновали ведущую роль **эволюционного** развития производственных отношений в истории, стремились доказать историческую необходимость укрепления и развития капитализма, ввести классовую борьбу рабочих в русло расширения трудового законодательства и парламентской политики социал-демократических партий: «Социал-демократы в Европе, с их доктриной марксизма, с формулой о всё решающей роли производственных отношений в социальной жизни являются тоже мирными реформаторами. Производственные отношения — результат эволюции производства и обмена, а не инициативы и деятельности революционеров. При доктрине производственных отношений нет места революционерам. Прямым тому доказательством служит сама социал-демократия. <...> Она направила все усилия на мирный захват власти путём парламентских выборов».¹⁹

Центральным для трудов Черкезова было стремление развенчать создаваемый марксистскими публицистами конца XIX – начала XX вв. культ марксизма, как последнего достижения в области общественных наук. Проводя текстологический анализ, он указывал на факт плагиата со стороны Маркса и Энгельса трудов выдающихся авторов своего времени. Мы не будем здесь пересказывать аргументы Черкезова. Его правоту или заблуждения может определить сам читатель. Скажем лишь, что предлагаемые вашему вниманию тексты сделали его всемирно известным автором. Их переиздавали на русском, французском, английском, немецком и др. языках во многих странах Европы. Отчасти, его точка зрения получила признание даже среди видных теоретиков-марксистов (например — Артуро Лабриолы).

Известность Черкезов получил также как участник и один из идеологов националистического движения в Грузии. Он активно отстаивал идею её независимости в европейской печати, а в 1907 — даже на конференции Лиги мира в Гааге. Черкезову принадлежало соавторство проектов программы Партии социалистов-федералистов Грузии, при обсуждении которых он старался привнести анар-

¹⁹⁾ Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. С. 188–189.

хистские принципы децентрализма и отрицания парламентской борьбы.

После издания Манифеста 17.10.1905 года Варлаам Черкезов вернулся в Грузию. Здесь он участвовал в организации анархистской группы «Коммуна» в Кутаиси, входил в редакции газет на грузинском языке, выпускавшихся анархистами. Таких, как «Хма» (май 1906), «Нобати» (май – июнь 1906), «Муша» (июнь – сентябрь 1906). В июле 1906 он эмигрировал в Англию. Будучи обвинён частью лидеров анархистской эмиграции России в грузинском национализме, что, отчасти, было верно, он отошёл от политики и посвятил себя издательской работе. В 1912–1916, как редактор, Черкезов готовил к изданию десятитомное собрание сочинений М. А. Бакунина на русском языке. В годы I мировой войны, вместе с рядом старых лидеров анархистского движения (П. А. Кропоткин, Ж. Грав, Х. Корнелиссен, Ш. Малато и др.) он подписал «Декларацию» 16-ти анархистов-оборонцев, объявлявшую правящие круги Германии виновником военного конфликта, оценивавшей международную политику германского правительства, как угрозу «не только против наших освободительных надежд, но и против всей человеческой эволюции». «Стремясь к примирению народов, включая и немецкий народ, мы думаем, что надо бороться с нападающей силой, которая представляет собою уничтожение всех наших надежд на освобождение», — таков был вывод «Декларации», с которым полностью был солидарен Черкезов.²⁰

Весной 1917 года, после февральских революционных событий, он вернулся в Грузию, ставшую вскоре независимым государством. Когда же в 1921 г. Грузия после непродолжительных военных действий была занята частями Российской красной армии, Черкезов не желавший примириться с этим фактом, выехал в Лондон. В последние годы жизни он отошёл от политической деятельности, работал над воспоминаниями, которые так и не были окончены. Из более ранних мемуарных работ Варлаама Николаевича до нас дошли лишь небольшой очерк о его друге, студенте-революционере Долматове, увидевший свет без подписи имени автора на страницах редактируемой П. Л. Лавровым газеты «Вперёд», неоконченный очерк о Н. П. Огарёве, а также — «Заметка

²⁰) Политические партии России. Документы и материалы. Т. I. Книга вторая. М., 2001. С. 266.

о Ножине» опубликованная Е. Е. Колосовым в работе «Молодое народничество 60-х годов».²¹ 18 августа 1925 года Черкезов умер.

Читатель может по-разному оценивать взгляды Варлаама Николаевича Черкезова на учение классиков марксизма. Несомненно одно: Черкезов был авторитетным и уважаемым мыслителем, изучение взглядов которого необходимо для понимания анархизма, марксизма, психологии их сторонников и критиков. Надеемся, его книга приблизит читателя к этой цели.

Д. И. Рублёв,
кандидат исторических наук

²¹⁾ См.: Николай Платонович Огарёв // Община. Апрель 1878. № 3–4. С. 19–20; Колосов Е. Е. Молодое народничество 60-х годов // Сибирские записки. 1917. № 3. С. 126–127. На эту работу, в частности, ссылается Е. Л. Рудницкая в своём исследовании творчества Н. Ножина. См.: Рудницкая Е. Л. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975. С. 24–25, 102, 179, 180, 182, 209, 211, 214.

Предтечи Интернационала.

I.

Декларация принципов 1866 года.

Ни одно из событий истекшего XIX столетия не имело такого сильного и благотворного влияния на развитие социалистических идей и пропаганду их во всех странах цивилизованного мира, как основание великого *Международного Товарищества Рабочих* и десять лет существования его. Без малейшего преувеличения можно сказать, что все школы и фракции современного социализма находятся в более или менее прямой связи с этой великой ассоциацией; даже наша социалистическая терминология, например, „коллективизм, автономный, свободный, анархический коммунизм, интегральное воспитание“ и другие, заимствованы нами из ее воззваний и брошюр или из речей на съездах Интернационала.

Мало того. Эта великая Ассоциация Рабочих, благодаря, главным образом, усилиям французских рабочих, формулировала и вписала в свои статуты, как основной базис социалистического международного движения, что „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“.

Этим заявлением дело народа отделялось от буржуазной политики. Прежде политические деятели совершенно искренне часто отождествляли свои чисто политические требования с требованиями народа. А между тем этот последний понимает благосостояние и свободу, как социальную справедливость, основанную на экономическом равенстве, тогда как все буржуазные политики всегда довольствовались требованиями личной сво-

Уважаемые читатели! По техническим причинам далее в настоящем издании пагинация книги приводится со страницы 3.

боды, которая гарантировала им пользование социальными и экономическими привилегиями, предоставляя народу свободу помирать с голоду и равенство обездоленных, годных лишь для эксплуатации. В первый раз эта идея о необходимости подобного отделения выступила с очевидной ясностью во время кровавых июньских дней 1848 года, когда радикальная буржуазия, под предводительством Ж. Фавра, Мари, Марра, Е. Кавеньяка и др. изменила народу и повела его под расстрел. Различая классовую политику она клала также конец старой доктрине диктатуры, выступающей под видом пресловутой диктатуры пролетариата, но в действительности служащей интересам нескольких честолюбцев, слывущих за ниспосланных провидением существ.

Еще большее значение имело определение цели социалистического движения. Цель эта была выражена в следующих словах: „Принимая во внимание, что порабощение рабочего капиталом есть источник долгого политического, нравственного и материального рабства;

в виду этого, экономическое освобождение рабочих есть великая цель, которой должно быть подчинено всякое политическое движение“.

Если первое положение отделяло политику эксплуататоров от политики эксплуатируемых, то второе заключало в себе также и подчинение господ заговорщиков, радикалов и якобинцев, истинным социалистическим принципам, таким, как они понимались во времена великого оуэнистского движения в Англии (от 1828 до 1842 г.) и во время революции 1848 года во Франции¹⁾. Франция, Англия, Швейцария были в действительности единственными странами с конституционным и парламентским режимом, и именно в этих странах социалисты и увидели всю пустоту прав и свободы, записанных в хартиях, раз экономическое положение народа остается нетронутым и эксплуатация человека человеком составляет основу так называемой социальной справедливости.

Но социалисты других национальностей, в особенности немецкие, не могли согласиться с этой подчиненностью политического движения великой цели экономического освобождения. Они систематически противились

¹⁾ В моей брошюре „Страницы из Истории Социализма“, я цитирую взгляды оуэнистов.

этой формуле, предложенной французами и поддержанной англичанами и швейцарцами. С 1864 года до первого съезда, бывшего в Женеве в 1866 году, во всех дискуссиях по поводу статута будущей ассоциации, Маркс и его друзья боролись против этой формулы, и до самого съезда настоящие инициаторы движения не знали, не возьмут ли еще верх политиканы. Но к великому удовольствию основателей, их формула была принята на съезде. Читая это место, рассказывает Фрибур ¹⁾, Толен не мог удержаться от выражения радости: „Наконец-то, обратилась он к своим коллегам, не смогут больше говорить, что одни только мы всеми силами хотим, чтобы политический вопрос не ставился впереди всего“.

Мы увидим дальше, как политиканы и сторонники диктатуры пролетариата изменили в некоторых позднейших изданиях это место общих статута, и как они вызвали раскол в Ассоциации по поводу этого важного вопроса.

Кто знает не имело ли признание принципа международной солидарности, провозглашенного теми же статутами, еще больше влияния на рабочий класс и социалистическое движение? Правда, идея всемирной солидарности выставлялась и прославлялась философами и поэтами задолго до 1866 года. Эпиктет и Марк Аврелий, гуманисты реформации, энциклопедисты и энтузиасты Великой Революции вместе с Анахарсисом Клотцом, „этим гражданином мира“, и Беранже, и Пьер Дюпон ²⁾ и революция 1848 года, и манифест Маркса, и Дежак, и Кёрдеруа и др., — все они проповедывали всемирную солидарность и братство народов.

Но интернационализм, так, как его понимало Международное Товарищество Рабочих, развился с одной стороны благодаря революции, совершившейся в производстве и способах сообщения современного человечества, ³⁾

¹⁾ E. Fribourg „Association internationale des Travailleurs“ стр. 151. Париж, 1871.

²⁾ В своей песне:

„Народы для нас—братья
Тираны все—враги“.

³⁾ Великий статистик А. Кетле указал в 1836 г., что „уже полвека, в пределах Европы, в народах намечается тенденция к потере национальной физиономии и к слиянию в один общий тип“.

с другой—под влиянием широких, гуманитарных идей социалистических школ Сен-Симона и в особенности Р. Оуэна, который в 1836 году, организовал первое международное общество под именем: „Общество всех классов и *всех народов*“. И, как мы видим, формула Интернационала с точностью отражает в себе эти два влияния. В его уставе мы читаем:

„Принимая во внимание, что освобождение рабочих *не есть проблема местная или национальная*; что, наоборот, эта проблема касается всех цивилизованных народов, т. к. ее решение неизбежно подчинено их теоретической и практической помощи;

„Принимая во внимание, что движение, совершающееся среди рабочих наиболее промышленных стран Европы, порождая новые надежды, дает сильную уверенность, что не впадет снова в старые ошибки и советует соединить все свои силы, до сих пор раз'единенные,—

„В виду этого конгресс Международного Товарищества Рабочих заявляет, что это Общество, так же как и все другие общества и лица, к нему примыкающие, будут признавать за основу своего поведения по отношению ко всем людям, *без различия цвета кожи, верований и национальностей*, истину, справедливость и нравственность“.

Истинное удовольствие испытываешь при чтении этих прекрасных заявлений, полных таких благородных чувств, таких глубоких мыслей... И как подумаешь, что в наши дни во Франции заступники казарм, полиции, церкви, домов терпимости и продажной прессы осмеливаются возбуждать ненависть против иностранцев, против Интернационала, против всемирной солидарности! История знает немного таких преступлений, как это отступничество со стороны писателей, называющих себя французами. Именно французские рабочие и даже рабочие очень умеренные, как Фрибур, Толен и другие, настаивали на проведении в жизни этих идей человеческой солидарности.

Цитированные нами заявления имели громадный успех: всюду рабочие и интеллигентные люди, социалисты различных школ, приветствовали Женевский Конгресс, приветствовали эти глубоко гуманитарные и истинно социалистические принципы. В несколько недель

статуты Интернационала стали известны во всех странах. Все поняли, что совершилось что-то великое, что должно дать новую исходную точку всемирной истории. За год до этого, во время предварительной конференции 1865 года, прочитав проект статута с предшествовавшими им предпосылками, люди проницательные поняли всю важность готовившегося. Историк Андре Мартэн писал, например, следующее от 14 октября 1868 года:

„С глубоким волнением прочли мы рассказ о том, что произошло только что в Лондоне.

„Мы предчувствуем, что началось нечто великое в мире... Возвышенность чувств... широта видов и высокая цель, которая управляла в выборе вопросов, составляющих программу... вызовут общую симпатию всех друзей прогресса, справедливости и свободы в Европе.

„Мы прекрасно знали, что холод смерти, блуждающий по поверхности наших обществ, не проник до глубины, не заморозил народную душу, и что источники жизни не угасли... Наши уши не привыкли слышать подобные слова, они потрясли нас до глубины души“¹⁾.

„Значительный прогресс, писал А. Карбон в том же году, произошел с тех пор, как мы заговорили о социальной реформе, лет двадцать тому назад. В то время... общая тенденция рабочих социалистов была такова, что они смотрели на государство, как на PROVIDENCE и ждали от него искупления низших классов. И вот новое поколение заявляет, что „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих!“

Если Интернационал встретил такое сочувствие в рядах либералов и радикалов, то легко понять тот энтузиазм, какой он поднял среди социалистов всех направлений и всех стран. В наше время военной и клерикальной реакции восторженный язык той эпохи может показаться более, чем странным. Вот, напр., в каких выражениях *главный прокурор* базельской республики, член местной секции, приветствовал четвертый конгресс Интернационала, состоявшийся в Базеле:

„... Итак, приветствую вас, готовящих великий день освобождения... Первые шаги уже сделаны: тирания дворян, тирания духовенства разрушены... Теперь

¹⁾ Цитировано Фрибуром.

необходимо, чтобы и привилегия буржуазии исчезла, как и другие, — и чтобы все были обязаны работать. *Свободное общество, о котором мы мечтали, сумеет коллективными силами эксплуатировать всякий труд;* это общество, состоя только из работников, *сумеет само удовлетворять своим нуждам и управлять собой...* Братья рабочие, не снится ли мне? Но тогда и вам снится тот же сон. Не потерял ли я рассудок, что говорю так, и не надо ли меня запереть в сумашедший дом? Нет! И что мне доказывает, что это не сон, это — существование самого Международного Товарищества...

„Везде, где было совершено преступление по отношению рабочих, совершено было преступление перед нашим Товариществом. В Боринаже ли, или в бассейне Луары, удар постигший их, постиг и нас... Но мы можем также сказать, что движение волнуемое рабочих, есть наше движение; и всюду, где собираются угнетенные, наш дух находится среди них. ¹⁾...“

В особенности защитники угнетения и политического и социального рабства дают нам лучшие свидетельства того восторга, какой вызвало принятие Интернационалом основных принципов. Самый ярый враг великой Ассоциации Оскар Тестю, ²⁾ адвокат при императорском дворе в Лионе, отмечал 10 мая 1870 года „быстрое развитие..., способное напугать каждого человека, задумывающегося над громадной опасностью, какой такая могущественная организация угрожает общественному порядку“ (читай буржуазному).

Он отмечал также тот дух согласия, который одушевлял членов Ассоциации..., с какой поразительной быстротой она с каждым годом увеличивала круг своего влияния, и не только во Франции, но и в некоторых частях Германии, в Америке, Италии, Бельгии, Польше, России, Австрии, Швейцарии, Швеции, Дании, Англии и даже Испании.

¹⁾ Отчет 4-го Интернационального конгресса, в Базеле. Брюссель, 1871 года.

²⁾ „Association Internationale“, Lyon, 1780; „Le Livre bleu de l'Internationale“, Paris, 1871: „L'Internationale et le Jacobinisme“. Paris, 1871.

Да, велико было влияние декларации принципов Интернационала; быстро шло их распространение, и *миллионами* считались его сторонники ¹⁾.

Чему приписать такой успех?

С одной стороны, его нужно приписать состоянию народного духа той эпохи; с другой,—и это самое главное,—той точности, с какой статуты Интернационала отражали идеи, общие всем трем социалистическим системам (Сен-Симона, Фурье и Р. Оуэна), и тактику борьбы, какую вели самые передовые и наиболее солидарные английские и французские рабочие того времени.

Обыкновенно придают слишком мало значения политическим и социалистическим событиям, среди которых возник Интернационал. Однако, период от 1859 до 1865 года один из самых замечательных периодов новейшей истории. Реакция, охватившая Европу после революции 1848 года, принуждена была пойти на уступки перед народными требованиями, перед открытиями и заключениями индуктивных наук, которые потрясли все наши верования, все наши метафизические предрассудки. Италия—эта колыбель Возрождения и цветущих республик, боролась за независимость, и эта героическая борьба, которую один англичанин назвал „the very poetry of politics“ (настоящая поэзия политики), имела своими вдохновителями и руководителями людей такой нравственной высоты, как Гарибальди, Мадзини, Пизаканэ и других. Восторженная молодежь из всех цивилизованных стран стекалась под знамя Гарибальди. В России деспотизм принужден был уничтожить крепостное право и предпринять ряд либеральных реформ. Чернышевский еще не был арестован; Герцен был еще на самом вершине своей славы, как революционный публицист, а польские патриоты готовились к демократической революции, которая и вспыхнула в 1863 году, привлекая к себе не меньше сочувствия и симпатий, чем революция Италии.

В Америке война за уничтожение рабства (1861—1864) показала старой монархической Европе, на что способен независимый народ, воодушевленный великой

¹⁾ На конгрессе в Базеле, делегат Соединенных Штатов Камерон был представителем от 800.000 членов Национального Союза Рабочих („National Labor Union“).

и смелой идеей; а президент-рабочий, Авраам Линкольн, прозванный своими согражданами и неграми „дядя Аб“, показал исключительный пример, что можно оставаться скромным, простым и честным, будучи даже президентом, ¹⁾ что, противоречит республиканской практике во Франции. Англия была охвачена самым либеральным течением. Трэд-юнионы, лорд Шефтсбюри (Shaftesbury), Кингслей (Kingsley), Диккенс, Дж. Стюарт-Милль и многие другие требовали реформ; английское общество поддерживало Мадзини и Гарибальди; государственный министр Стэнсфилд (Stansfield) отдал свой дом в распоряжение конспиратора Мадзини; а когда, в 1864 году, прибыл в Лондон Гарибальди, народ устроил ему такую сочувственную манифестацию, которой, пожалуй, никогда не видела Англия, даже по отношению к своим национальным героям.

Германия в то время тоже всколыхнулась под влиянием энергичной и горячей агитации Лассалья, этого народного оратора, соединявшего в своей блестящей личности качества смелого революционера и видного ученого. Либеральная и демократическая Германия восхищалась им; немецкий рабочий организовывался вокруг знамени социальных реформ, развернутого этим могучим агитатором.

Такова была эпоха, в которую французские рабочие задумали основать великую Ассоциацию Рабочих. Движение это не было социалистическим. Однако, войны за независимость, агитация в виду освобождения и социальных реформ, разбудили общественное мнение. Рабочий больших городов был готов к солидарному действию; и когда Интернационал, это „дитя, рожденное в парижских мастерских, было отдано на вскармление в Англию“, то не одни только англичане щедро осыпали его своими заботами.

¹⁾ Характерный контраст с высочками Елисейского дворца!.. Один дипломат застал раз Линкольна, держащего в руке счета, написанные на очень грязной бумаге. На вопрос, что это за документы, президент ответил ему, что это счета его друга Сэма (негра полового в одном кабаке), который просил его их проверить...

II.

Предшествовавшие формы социализма.

Приписывать, однако, колоссальный успех Интернационала исключительно общему состоянию общественного мнения Европы в эту эпоху было бы преувеличением. Что интернационализм проявился во всех формах с 1860 по 1870 год, нельзя этого отрицать. Женевская конвенция и организация общества „Красного Креста“, „интернациональной лиги для уничтожения проституции“, но особенно горячность, с какой собирались научные конгрессы, — все служит ярким тому доказательством. Но ни одно общество, ни одно предприятие того времени не имело такой известности и влияния, какое приобрела великая Ассоциация Рабочих в короткий, всего трехлетний промежуток времени, от 1866 по 1869 год.

Успех Интернационала и его влияние нужно приписать прекрасному изложению, в общей своей части, статутах принципов и стремлений всех ранее известных социалистических школ, и народных, и революционных требований, формулированных во время Реформации, великой Революции и революции 1848 года.

Народ всегда видит высшую цель человеческой деятельности в производстве вещей, полезных человечеству и в осуществлении в жизни более или менее совершенной справедливости. Каждый раз, когда массы поднимались против угнетателей и эксплуататоров, они формулировали почти в одних и тех же выражениях вековые стремления: свобода для всех, справедливость в пользовании благами жизни для всех. Были ли это безграмотные рыбаки Галилеи, или гусситы Табора или восставшие крестьяне с Томасом Мюнцером во главе в Германии и с Степаном Разиным в России, — требования масс всегда оставались теми же: земля и ее богатства для всех, уничтожение эксплуатации человека человеком, личная свобода в свободной коммуне. „Птица небесная, дичь лесная, рыбы в воде — свободны и для всех“, говорили немецкие крестьяне, „земля и воля для всех“ прибавляли русские крестьяне. Под этим выражением „для всех“ они понимали коммунизм.

Анабаптисты и Томас Мюнцер, выразившие настоящие народные требования в крестьянской войне в Германии оставили нам свое „*profession de foi*“. Социалистические требования там формулированы гораздо лучше, чем в избирательных манифестах „научных“ социалистов наших дней. Если мы оставим в стороне религиозный элемент в этом изложении их учения, то мы найдем, что анабаптисты, отрицая всякие привилегии, всякую власть, проповедывали социальную справедливость, свободный коммунизм.

„Нет священников — читаем мы в первом параграфе — ни как племени, ни как секты. Каждый человек может возродиться по вдохновению от Бога и совершать службу священника, поучая своих братьев примером.“

§ 4. Тела, возрожденные духом, должны жить все вместе при полной общности имущества.

§ 6. Не надо никакого обрядного культа... Человек должен добывать себе пропитание трудом своих рук...

§ 8. Ни один анабаптист не должен ни сам управлять, ни позволять другим управлять собой силою. Его царство—царство Божие. Лучше умереть, чем терпеть рабство или налагать его на другого¹⁾.

Это изложение учения, как мы видим, чисто коммунистическое, даже анархическое.

Совершенно такие же требования были формулированы в Англии революционными реформаторами. Английские „анабаптисты“ известны под прозвищем *Levellers* (уравнители) и *Diggers* (копальщики) по причине их отрицания „основ“ рабского и варварского общества. Эти Левеллеры и Диггеры тоже заявляли, что владельцы земли — „воры и убийцы“, что рабочий не должен работать за плату, что „частная собственность должна быть уничтожена“, что „земля должна быть признана собственностью всех“. И масса, которая следовала за ними в большом числе, повторяла, как аргумент, старую поговорку восставших крестьян (1381): „Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?“ (*When Adam delved and Eve span, who was then the gentleman?*).

¹⁾ А. Weill. „L'Historie de la guerre des Anabaptistes“. Paris 1874, pp. 92--94.

Народные стремления к справедливости и социальному равенству, так хорошо сформулированные во время войн Реформации и революции в Англии, были потоплены в крови восставших. Более полутора столетий, до великой французской революции, никакого проявления в этом роде не было в Европе. Интересно отметить, что писатели, даже пользующиеся большою известностью, которые после занимались социальными вопросами до Революции, не могли представить себе такого общества, какого требовали анабаптисты, Левеллеры, Томас Мюнцер и другие. Ни Мабли, ни Руссо не дошли до такого конкретного и ясного понимания свободного, солидарного, коммунистического общества, в котором было бы вписано, как основа социальной этики: „Никто не может ни управлять сам, ни позволить другим управлять собой посредством силы“. Нужно было восстание народа против рабства и угнетения, разрушение старого режима, чтобы честные люди снова поставили на очередь социальную проблему.

Наши читатели, без сомнения, знают, какую важную роль играла народная инициатива перед и во все время Великой Французской Революции. Народ уничтожал тогда пошлины на съестные припасы, прогонял сборщиков податей, жег замки сеньеров. Раньше, чем Монморанси, А. Ламет и другие, в ночь на 4 августа, отказались от своих помещичьих привилегий, народ уже жег замки и их документы. Не больше народ церемонился и с барышниками из буржуазии, которых он вешал на фонарях, как, напр., городского голову ¹⁾ Флесселля в Париже.

Ломая трон, разрушая Бастилию, экспроприруя дворянство и церковь, народ приветствовал республику, эту Марианну, которая должна была осуществить его мечты о социальной справедливости и гражданской свободе. Потому республика и выставила своим девизом: „Свобода, Равенство, Братство“, а в Декларациях прав человека было признано священное право на восстание.

Но все эти прекрасные формулы остались пустыми звуками и не дали народу почти ничего в политическом отношении и абсолютно ничего в экономическом и социальном отношении. Земли дворянства и Церкви, кон-

¹⁾ Prévôt des marchands.

фискованные именован „суверенного“ народа, были проданы с публичных торгов, и уж, конечно, не бедные, не революционная масса купила эти завоеванные ею земли. То же и с точки зрения национальной и коммунальной: вместо того, чтобы создать организацию независимой и автономной коммунальной жизни, вместо того, чтобы вызывать дух ассоциации и народной инициативы, конвент, в котором господствовали якобинцы, запрещал всякую частную ассоциацию, гильотинировал всякого федералиста и, провозглашая „единую и нераздельную Республику“, установил ту возмутительную систему централизации, которая вплоть до наших дней царит во Франции, парализуя всю общественную и умственную жизнь провинции. В Париже сосредоточивалось все: и администрация, и наука, и литература. В то время, как в Германии, Швейцарии, Англии и в других местах коммунальная и муниципальная жизнь поддерживается, несмотря на вмешательство центральной власти и бюрократии, во Франции бестолковые, хищные, бесчисленные и всемогущие министерские и префектуральные бюро управляют всеми делами страны. Тогда как в Германии процветает 32 университета и каждый город более или менее значительной провинции имеет массу газет, провинциальные университетские города во Франции еще недавно прозябали, ведя полусонную жизнь. Такие большие и богатые города как Марсель, Бордо, Лион до недавнего времени не имели ни одной газеты, которую можно было бы сравнить, не говоря уже с провинциальными английскими, швейцарскими и немецкими газетами, но даже с такими, как киевскими, харьковскими, одесскими газетами в России. Париж сосредоточил в себе всю умственную жизнь. Канцелярии парижских министерств отняли, монополизировали всю инициативу и общественную жизнь французских провинций.

Вследствие этой язвы, парализующей политическую, социальную и умственную жизнь страны, любой политический разбойник, любой преступник, докравшийся до власти, мог с невероятной легкостью совершать государственный переворот в Париже и сделаться затем полновластным господином всей Франции. Так, первому попавшемуся авантюристу, как какомунибудь Консулу Бонапарту, стоило совсем немного усилий, чтобы завла-

деть наследством якобинцев. Еще менее мужества и ума потребовалось от развращенных политических интриганов 2 Декабря.

В наши дни Франции грозит третий государственный переворот... Ассоциация Эстергази, Рошфора, Дрюмона и К^о, за неимением Буланже, хочет навязать Франции диктатуру главного штаба, который отличился продажей, с разрешения Эстергази, врагам страны секретных документов, касающихся защиты. До такой наглости не доходили даже разбойники 2-го Декабря, которые начали расстрелом женщин и детей, массовыми изгнаниями и кончили Мецем и Седаном.

До какого еще позора доведут Францию все эти продавцы *бумаг*, трудно предвидеть. Но, что им может удасться их предприятие, в этом нет сомнения, так как централизация со всеми своими мерзостями все более и более процветает и совершенствуется во Франции.

Чем дольше существовало революционное правительство, тем больше все искренние люди, все горячие и преданные защитники республики принуждены были признать, что геройский народ так же страдал от нищеты, как и перед революцией. Народ наконец и сам увидел, что он завоевал для себя лишь свободу помирать с голоду, лишь равенство обездоленных, лишь братство военных каторжников. Поэтому он не тронулся с места, когда последние якобинцы Конвента призывали его к себе на помощь против реакции. Парижский народ, столь геройский, когда он верил, что Республика, это нежно любимая Марианна, осуществит его стремление к социальной справедливости, не двигался больше. Те из республиканцев, которые защищали его интересы, как Эбер и его друзья, были гильотинированы этими же самыми людьми, которые теперь призывают его к защите республики. Да, было слишком поздно!...

Как раз в это время и под влиянием полного крушения надежды на экономические реформы, Бабеф, Дарт, Буонаротти и другие поняли необходимость другой революции, основанной на действительных народных требованиях. Как только они поставили себе вопрос о причинах народной бедности при республике несмотря на ее девизы: „свобода, равенство и братство“ они не замедлили притти к тем формулам, к каким позд-

нее пришел Интернационал, а раньше анабаптисты и *уравнители*.

Буонаротти рассказывает¹⁾ нам с трогательной простотой историю заговора, его происхождение, цель и поражение. Говоря об экономических условиях народа в периоды от 1791 до 1797 года, он делает ответственными за его бедность и страдания революционное правительство.

„Ошибка тех, которые фигурировали на революционной сцене, заключалось в том, что они ограничивались старанием дать перевес одному какому нибудь правительственному распоряжению над другими, не заботясь об участии тех, ради кого должно существовать всякое законное правительство...

„Никогда народная масса не достигала той степени образования и независимости, какая необходима для пользования политическими правами“ (стр. 48).

„Что касается причины... ее находили в неравенстве имущества и положений, а в последнем анализе— в частной собственности“ (стр. 49). Равные „не колебались объявить частную собственность главным источником всех зол, которые тяготят над обществом“ (стр. 47).

Здесь, как и в общей части статута Интернационала, „Равные“ пришли к заключению, что главной целью деятельности должно быть экономическое освобождение производителей, народа. Таким образом, их понятие о социальной революции сильно разошлось с понятиями демократов-парламентаристов, которые очень хотят, чтобы народ свергнул политическое правительство, но полагают, что если народ тронет существующий экономический порядок, то он совершит святотатство против их „научного“ *credo*.

Бабеф, Буонаротти и их друзья решили, что „революционный комитет выпустит во время восстания два постановления, в силу которых бедные немедленно *будут одеты на счет республики и помещены в тот же день в домах богатых, которым будет оставлено только необходимое помещение*“ (стр. 130—131).

¹⁾ „Histoire de la conspiration pour l' Egalité, dite de Babeuf“ Paris, 1850.

Это уже полная анархия! скажут многие. Да, мы, анархисты, говорим, что народ, по своей собственной инициативе, должен отобрать в общее пользование все существующие богатства, не нуждаясь в разрешении парламентских болтунов, научно-невежественных депутатов...

Известно, чем кончился заговор. Арестованные и преданные суду, Бабеф и его друзья смело выступили с обвинением порядка и правительства богатых и выставили свои принципы коммунизма и равенства. Бабеф, подобно римлянину лучшей эпохи республики, пронзил себя кинжалом на суде. Буонаротти, после долгих лет заключения, был изгнан из Франции, и выпустил в Лондоне в 1828 г. свои мемуары, а потом поселился в Брюсселе, где он занялся пропагандой социализма среди молодежи. Бельгийцы с полным правом видят в нем первого пионера социализма в своей стране.

III.

Английский социализм; Адам Смит, В. Годвин.

С того же времени, как заговор Бабефа и „Равных“, берет свое начало социализм и рабочее движение в Англии. Коммунистические идеи различных религиозных сект и народные требования времен Реформации, некоторые произведения, как „утопия“ Томаса Мора и „Океания“ Гарингтона, бросили зерно в народное сознание и у многих английских писателей семнадцатого и восемнадцатого века мы находили следы освободительных и гуманитарных стремлений. Но самое решительное влияние на образование новейшего понятия о социализме произвела книга Адама Смита: „Исследование о народных богатствах“.

Замечательно, что Адам Смит не был ни коммунистом в смысле Томаса Мора, ни социалистом в современном смысле. Также и не как практический реформатор вызвал он интерес к социальному вопросу в Англии. Нет. Искренний друг народа и желавший его блага, он тем не менее был далек от того, что называют „пагубными идеями“. Как философ и исследователь

истины, он доказал, что труд есть действительное мерило стоимости, что им созданы все богатства, и что все эти господа, короли, министры, священники, военные и т. д., несмотря на их „почетные должности“, не производительны. Далее он указал, что, чем меньше в обществе этих „почетных“ господ, тем больше оно процветает и благоденствует.

Конечно, не Адам Смит открыл эти основные истины общественной жизни. С начала истории народ повторял, что все эти „почетные“ кормятся его телом и сосут его кровь. Но каждый раз „почетные“ паразиты уничтожали народную философию; они охотно-бы уничтожили также и рассуждения Адама Смита, но отец политической экономии выражался так умеренно и с таким простодушием, что они не дерзали слишком на него нападать. И к тому-же, ни автор, ни его ученики не делали практического и немедленного применений этих абстрактных формул. Применить к социальной жизни законы Адама Смита пробует уже новое поколение, молодежь, воспитавшаяся на его произведениях. Между этими молодыми авторами первое место принадлежит Вильяму Годвину, который в своей знаменитой книге: „Исследования о политической справедливости“ (1795) заговорил уже совершенно иным языком.

Так как все богатства создаются трудом, то политическая справедливость, по мнению Годвина, обязывает общество гарантировать благосостояние тем, кто работает и производит, производящему народу. Вопреки этой справедливости, народ, производитель лишен малейших социальных и политических гарантий, влачит жалкое существование, изнемогая под тяжестью ежедневной пятнадцати и шестнадцатичасовой работы. С другой стороны, если господа „почетные“ ничего не производят, в силу какой справедливости они забирают и расточают богатства произведенные голодающим народом? Имеют ли они право существовать в обществе, основанном на истинной справедливости? Человек с великой душой, последовательный мыслитель, Годвин не замедлил указать истинные причины нищеты и действительные средства, чтобы вызвать торжество справедливости в социальных отношениях. В своей критике он неумолим по отношению ко всем учреждениям и политическим, социальным и религиозным предрассуд-

кам. Он также отрицает религиозные и нравственные предрассудки капиталистического общества, как и авторитарную политическую организацию. Автономное общество, организованное на основе экономического равенства, личность свободная в своих частных и общественных отношениях, отсутствие всякой правительственной регламентации,—таков его идеал.

История того времени свидетельствует нам, что Годвин оказывал сильное влияние на рабочих и молодежь. Его идеи вдохновили великого лирического поэта Перси Шелли (Percy Shelley), который, будучи атеистом и революционером, презирал английскую условность и долгое время жил в свободном союзе с Мэри Годвин, дочерью философа.

Особенно сильное влияние на поэта произвела книга Мэри Уолстонкрафт (Mary Wollstonecraft), матери его жены, благородной и энергичной жены Годвина. И нет ничего удивительного, что женщина такого ума и такой великой нравственной силы вызвала восхищение поэта. Судя по биографии ¹⁾ этой замечательной женщины она была первая, которая отбросила всякую условность в личной жизни, боролась против общественного угнетения женщин, ратовала в своей горячо написанной книге за непризнанные права своего пола. Шелли не знал лично своей тещи. Но ее нравственная чистота и возвышенные идеи вызвали в нем такое глубокое восторженное чувство, что он воспел ее под именем Сynthia в своем „Восстание Ислама“.

Под влиянием Шелли, революционные идеи и сочувствие к народу и угнетенным отразились также и на поэзии Байрона, который в 1812 году, во время заседания палаты лордов, бросил следующее обвинение: „Я проезжал через поля сражения в Испании; я видел несколько наиболее угнетенных турецких провинций; но нигде я не встречал такой черной нужды, как в христианской стране—Англии“.

Нужна была большая гражданская и нравственная смелость, чтобы так решительно выступить в Англии, в период самой крайней реакции, как это сделали Год-

¹⁾ Emma Bauschenbusch-Clough „A study of Mary Wollstonecraft and the Rights of Woman“. London, 1898.

вин и его друзья. В смелости у них недостатка не было; но сфера их деятельности ограничивалась литературой и этикой.

Первый человек, который действовал как социалистический организатор среди „производителей богатств“, т. е. среди рабочих, был также один из учеников Годвина, Роберт Оуэн, который справедливо считается основателем коммунистического, трэд-юнионистского и кооперативного движения, инициатором законодательства для защиты труда, обязательного интегрального воспитания, светского и демократического

Прежде, чем перейти к описанию жизни Роберта Оуэна (1771—1858) и его долгой агитаторской деятельности, я постараюсь нарисовать экономические и социальные условия рабочего класса в Англии, ту черную нужду, которая так возмутила лорда Байрона.

IV.

Промышленное рабство и рабочее движение.

Современная индустрия вступила в жизнь в Англии, и английский рабочий первый узнал фабричное рабство работая по шестнадцати и восемнадцати часов в сутки за плату, едва хватавшую на хлеб и овсянку. В особенности женщины и дети были жертвами этого нового способа производства и эксплуатации человеческого труда. Паровая фабрика, появившаяся в конце прошлого века, была настоящей каторгой в полном смысле слова. Точно арестантами были невинные дети, пятилетнего и шестилетнего возраста.

Уже в 1792 году, доктор Экин, из Манчестера, указывал, что на фабриках „употреблялись дети, собранные повсюду, и часто сотни миль отделяли их от их родителей. Свезенные, как скот, массаами на фабрики, они днем были заперты в грязных казармах, без мебели и без малейших удобств. Их делили на две партии: когда одна партия работала, другая спала. Разбуженные тумаками надзирателей, бедные дети уступали свои места тем, которые только что кончили свою шестнадцатилетнюю и восемнадцатичасовую работу! И вся их жизнь

делилась между фабрикой, где они работали под ударами хлыста тюремщиков, и ночлежной комнатой своей фабричной тюрьмы, куда их *запирали* для шести или семи часов отдыха“.

М. Г. Гиббинс, в своем сочинении („English Social Reformers“, 1892 — „Английские социальные реформаторы“) дает нам душу раздирающее описание этого рабства, отмеченного парламентскими следственными комиссиями и сотнями свидетелей тогдашней эпохи.

„Фабриканты уславливались с инспекторами администрации, на обязанности которых лежала защита бедных, относительно нужного количества детей, и в заранее назначенный день производилась инспекция и выбор будущих учеников... Часто контракт производился не непосредственно с фабрикантом, а через посредника, и если этот последний не продал заранее своих белых рабов, они отводились в подвалы Манчестера или еще куда-нибудь и держались там до тех пор, пока какой-нибудь фабрикант не являлся купить их. Раз попав на фабрику, рабство этих несчастных становилось вечным... Их кормили, или вернее морили голодом, и часто им приходилось состязаться из-за корма с хозяйскими свиньями. Они работали шестнадцать и восемнадцать часов и *даже больше*... Иногда они пытались бежать... Поймав и приведши обратно на фабрику, их заковывали в цепи; заковывали в цепи даже девушек, подозреваемых в намерении бежать. Они носили свои цепи во время работы, носили их и день, и ночь. Их постигали жестокие кары за малейший промах во время работы. Часто наказание прекращалось только со смертью жертвы“.—„Во всех отраслях промышленности мы находили те же ужасные условия. У ножевщиков в Шеффилде, у горшечников на фабриках в Ланкашире и Йоркшире царствовали необузданное рабство, жестокость, порок и невежество“.—„В 1842 году было констатировано, что большая часть рудокопов, нанятых для подземных работ, не имели тринадцати лет и многие из них начали работу восьми лет, некоторые пяти и даже четырех лет... Часто они оставались в шахтах целую неделю, выходя на свет только в воскресенье. Женщины, девушки и мальчики перетаскивали уголь в маленьких вагончиках, ползая на коленях в узких и сырых проходах. Дети работали, как животные запря-

женные как лошади. Выбившиеся из сил, измученные, эти несчастные работали часто тридцать шесть часов под ряд, без прерыва. Рудокопы работали совершенно голые, в присутствии девушек и молодых женщин, которые были тоже почти голые, так как они надевали на себя только что-то в роде панталон“.

Это ужасное рабство существовало в продолжение целого полвека. Понадобилась агитация и усилие целого поколения смелых и преданных народному делу людей, чтобы остановить его угрожающее развитие. К счастью, честные люди различных общественных положений подняли свой возмущенный голос против национальной гибели. Рабочий и промышленник, священник и свободомыслящий, ученый и безграмотный соединились вместе, чтобы бороться против этой социальной язвы. В 1796 году, в Манчестре был организован комитет для исследования экономических и гигиенических условий рабочих: подобные же комитеты возникли и в других промышленных центрах. В парламенте были сделаны различные предложения, и в 1802 году Роберт Пиль провел *первый закон*, регулирующий женский и детский труд. Закон варварский, ибо он устанавливал двенадцати-часовой рабочий день; но это было начало. Последовали дальнейшие меры (1808, 1816, 1817, 1832, 1847 и т. д.). Как обыкновенно бывает всюду и всегда, правящие классы и правительство уступили требованиям общественного мнения потому, что народные массы поднялись со всех сторон и бунты следовали один за другим.

Первое движение, известное под именем движения „Люддистов“ (1816), произошло не только в Англии, но также в Шотландии и Ирландии. Бунтовщики разрушали заводы и в особенности машины, этот символ их рабства. В том же году вспыхнули бунты в Лондоне (Spa Fields), Манчестере (Blanketeers), в Ноттингаме в 1819 году, поднялись рабочие промышленных провинций, требуя уменьшения рабочего дня и увеличения заработной платы. На народных митингах в Манчестере (60.000 мужчин и женщин) войска напали на народ и несколько сотен убитых и раненых усеяли землю. Единодушный крик негодования раздался со всех сторон. Великий поэт Шелли воспел жертвы, Байрон в своей лучшей поэме

„Суд Георга III“ приковал к позорному столбу старого коронованного идиота.

В том же году издатель Ричард Карлейль ¹⁾ был приговорен к трехлетнему заключению за свою смелую агитацию; его место заступила его жена, но она тоже была приговорена к двум годам тюрьмы. Вышедши из тюрьмы, Карлейль был почти немедленно вновь арестован; тогда его заменила сестра, которая в свою очередь была осуждена на два года тюрьмы. Не менее смело и энергично велась агитация В. Коббетом, но в особенности социалистами Р. Оуэном, А. Комбом, В. Томпсоном и многими другими.

Давление возбужденного общественного мнения было так сильно, что проект закона, известного под именем закона Струдже, был принят парламентом (1819) при втором чтении; только палата лордов отвергла его. По этому проекту бедные дети должны были получать промышленное и техническое образование на средства государства, которое должно было также позаботиться о их полном содержании. Во время обсуждения этого закона, так же как и закона 1817 года ¹⁾, было видно, какое огромное влияние оказывали на общество и на массы социалистические идеи и в особенности симпатичная личность Р. Оуэна. Рикардо, „научный“ защитник капитализма, восставая против всех этих проектов реформ, чтобы дать вес своему мнению, заявил, что он первый преклонялся перед личностью Р. Оуэна и его благородными и гуманитарными идеями... Но, что он боролся с ним, как с утопистом... „Научные“ наших дней следуют примеру своего предшественника и борются со всякой социалистической идеей, как с утопической.

Несмотря на правительственные преследования, несмотря на противодействие лордов и капиталистов, движение развилось все более и более, организовывались профессиональные союзы, реформаторы и агита-

¹⁾ Не нужно его смешивать с великим историком Томасом Карлейль, который в свою очередь защищал интересы угнетенных и эксплуатируемых в своих поразительно прекрасных и остроумных произведениях. См. *Chartism, Past and Present*, и др.

²⁾ Новый закон о содержании бедных. — Читатель видит, какую ложь распространяют ученики Энгельса, утверждая, что их учитель, родившийся в 1819 году, первый высказывался за рабочее законодательство...

торы становились более упорными, более смелыми. Один священник, Остлер, посвятил всю свою жизнь на улучшение судьбы женщин и детей, занятых на фабриках. Ни преследования, ни тюрьмы не остановили его в его крестовом походе. Один богатый портной в Чарин-Кросс (Charing Cross), Франсис Плейс, в продолжение долгих лет собирал у себя за лавкой реформаторов, народных ораторов, философов и членов парламента; из этого центра велась парламентская кампания и народная агитация.

Не было недостатка и в смелых людях, защищающих народное дело в парламенте. Между прочим депутат Сэдлер, который добился от парламента назначения парламентской комиссии для исследования условий труда (комиссия Сэдлера), и который в 1832 году, защищая свой проэкт закона о десятичасовом рабочем дне, бросил по адресу привилегированных самые резкие обвинения; он заключил свою речь этими страстными словами: „. . . Детей бьют плетьюми специального изготовления. Да, женщин этой страны, без различия возраста бьют, бьют, как рабов на вашем *свободном* рынке труда! Несчастных секут перед их товарками по нищете. . . говорю вам, что их бьют, как собак. Мы с ужасом говорим об употреблении плетей в Индии: покажем в этот вечер такое же чувство негодования против употребления плетей на наших английских фабриках“.

V.

Роберт Оуэн. (1771—1858).

Мы видели, что так называемое рабочее законодательство берет свое начало с 1802 года и что оно всегда выставлялось и практиковалось как государственными людьми, учеными, публицистами, так и народными агитаторами и самим народом на его митингах и во время довольно многочисленных бунтов. По странной современной терминологии можно было бы подумать, что Роберты Пили, Меньборны, Сэдлеры, Остлеры и так много других были социалистами, так как социал-демократические депутаты всех стран стараются убедить рабочих, что социализм означает ничто иное, как регла-

ментацию рабочего дня, страхование против несчастных случаев, касса для стариков и т. д..

Совершенно иное было понятие о социализме у людей, которые первые начали употреблять термины „социализм“, „социалистический“, „прибавочная стоимость“, „социальный вопрос“, „интерес рабочего класса“. Впрочем, государственные деятели сами, представляя различные проекты законов, прекрасно определяли свою цель и мотив своих актов. Напр., в 1819 году, во время широких народных волнений и бунтов, кентский герцог (отец королевы Виктории), открывая митинг, на котором он председательствовал, выразился в следующих словах:

„... Кто знает, не зависит ли сохранение Британской империи от принятия мер немедленного *улучшения* материальных условий рабочего класса?..“ Чтобы изложить эти немедленные меры, герцог дал слово Р.Оуэну, и этот последний указал эти *улучшения*, ибо в продолжение своей долгой и благородной карьеры агитатора, он помогал всем, и всеми средствами старался сделать для народа все, что только ему казалось так или иначе полезным. Но что он и его друзья думали об этих *улучшениях*, мы прекрасно видим из книги его близкого друга В. Томпсона.¹⁾

Он делает длинный анализ различных предложенных реформ, именно: реформ политических через посредство представительных учреждений; уничтожение налога на хлеб; страхование рабочих против несчастных случаев; ассоциация между рабочим и хозяином, и в заключение он говорит:

„... О всех этих реформах без исключения можно сказать, что они полезны, чтобы смягчить немного бедность, в которой находятся производительные массы“.

„Но с другой стороны можно также сказать, что все они только паллиативы, и ни одна из них не затрагивает прямым образом основной причины, которая, при настоящем положении человечества, замедляет и даже делает невозможным приобретение общественного и личного благосостояния“ (Стр. 39 — 40). Доказав, что

¹⁾ „Labour Rewarded“ (1827). На стр. 98—99 он рассказывает, как, под влиянием Оуэна, он сделался сторонником автономного и мютюалистического коммунизма. В своей замечательной книге „Social Science“ (1824 — 27) он первый говорил о „прибавочной стоимости“.

основой социальной справедливости должен быть принцип права каждого на весь продукт своего труда (включая сюда и прибавочную стоимость), Томпсон показывает нам, от кого социалисты той эпохи ждали решения социального вопроса:

„Производители, с которыми никогда не советовались в деле устройства их судьбы, сами начинают обсуждать свои интересы и понимать свою важную роль; скоро они заговорят громким голосом... и с тех пор они одни будут устраивать дела человечества, которые главным образом составляют их собственные дела“ (Стр. 41). Это замечательное место В. Томпсона слово в слово повторено в общей части статута Интернационала. Такое-же категорическое и ясное было заявление Р. Оуэна 5 декабря 1833 года на большом народном митинге. „Труд, говорил он, есть источник богатства, и оно может остаться в руках рабочих, как скоро последние сговорятся на этот счет“.

Прекрасно понимая скорее паллиативный характер, чем действительную пользу рабочего законодательства и всякого частичного улучшения, Р. Оуэн и его друзья тем не менее были очень деятельными во время агитации в пользу требуемой реформы, и в большинстве случаев инициатива агитации принадлежала им. Свободный от всякого доктринерства, истинный выразитель практического духа своей нации, он пользовался всяким случаем, чтобы разбудить общественное мнение, чтобы сгруппировать, чтобы вызвать соглашение в рабочем классе. Мы увидим сейчас, какой колоссальный труд был совершен английскими социалистами в продолжение первой половины нашего века; но мы обязаны признать, что никогда они не думали, что их законодательные или практические предприятия, как трэд-юнионы, кооперации и меновые рынки, составляют социализм.

Сын бедного седельника из Валлиса, Р. Оуэн был принужден с десятилетнего возраста своим трудом зарабатывать себе кусок хлеба. У него было страстное желание учиться, и до девятнадцати лет он посвящал все свое свободное время на образование. Он читал все, урывая часы от своего сна и в двадцать один год он был не только образованным молодым человеком, но уже занимался усовершенствованием производств бу-

мажных тканей и считался лучшим специалистом в этой важной отрасли промышленности, которая начинала развиваться в Манчестере. Его известность все более и более росла, и он скоро поступил директором в Нью-Ланарк, на фабрику Компании Далья и Аркрайт. Еще в Манчестере он отличался, как директор, своим дружеским обращением с рабочими. Поступив к Дально, он получил разрешение поступать с рабочими так, как он лично находил это нужным. Рабочие Нью-Ланарка пользовались дурною славой, фабрика приносила очень мало дохода, хотя рабочие по обычаю того времени работали пятнадцать и шестнадцать часов в сутки.

Не входя в подробности того первого исторического опыта, доказывающего нам, что производительность человеческого труда увеличивается с уменьшением количества рабочих часов, и что условия солидарности в экономической и социальной жизни делают солидарным в свою очередь и каждое человеческое существо, я укажу только на то, что к концу первого года фабрика стала моделью порядка; рабочий работал в день на четыре часа меньше, зарабатывал больше, питался лучше, чем в других местах и доходы общества увеличились.

Вначале Р. Оуэн встречал противодействие со стороны всех, за исключением мисс Даль, в которой он нашел горячего сторонника и на которой он потом женился. Даже рабочие были против него. Но мало по малу он завоевал их доверие, заведя школу и детский сад, кооперативное общество потребления, библиотеку, народные лекции, кассу взаимопомощи, словом принявшись организовывать, *не имея в этом отношении позади себя никакого примера*, все, что составляет нравственную и экономическую основу рабочего движения нашего века.

Молва о реформах пионера нового гуманного порядка распространилась по всему свету и когда в 1800 г., став компаньоном своих бывших хозяев, Р. Оуэн ввел на фабрике десятичасовой день¹⁾, рациональное воспитание и администрацию работ самими рабочими, в Нью-Ланарк стали стекаться любопытные со всех кон-

¹⁾ Еще до нашего времени в Германии рабочий день превосходит эту цифру десяти часов.

цов. Из Англии и различных стран континента являлись посетители, чтобы посмотреть на эту легендарную фабрику, эти школы и детские сады, этих независимых рабочих и на ее управляющего реформатора. Там можно было встретить писателей и политических деятелей, посланников, светских дам, членов царствующих фамилий. Каждый из этих посетителей выносил свое мнение и впечатление, но все прекрасно понимали, что они присутствовали при чем-то новом, что открывало новую эпоху в социальной жизни... Только они не подозревали, что опыты Р. Оуэна, принятые народом, сделаются могучим средством организации и рабочей агитации. До 1828 года Нью-Ланарк процветал. Оуэн привлек симпатии и даже денежное участие Бентама, Рикардо и других известных людей; он завязал близкие сношения со всеми передовыми людьми эпохи.

Под его влиянием появились первые рабочие газеты в Глазгове, Эдинбурге и в других городах. Начали открываться первоначальные школы. Когда педагог Белль предложил метод взаимного обучения, Оуэн снабдил его деньгами (25.000 фр.); столько же он предложил для школ Ланкастерской системы, но дал только половину, потому что администрация не хотела принимать учеников другого вероисповедания, кроме англиканского.

Часто в щедрости, с которой Оуэн давал деньги на народное образование, видели простую филантропию. Это ошибка. У него была целая выработанная система народного образования. Это он повлиял на Струдже, он выработал тип нормальной школы, под его влиянием Пруссия ввела обязательное обучение. Мог ли он, человек главным образом практический, действовать иначе, как *инициатор* социалистического движения? Общественное богатство человечества состоит из двух элементов: богатство материальное и богатство умственное. Социализм требует право для всех на пользование этими богатствами, созданными для всего человечества. Как теперь „почетные производители“ восстают против производителей на материальные богатства, так в начале этого века господа „почетные“ были против народного образования. Разрушая пагубные предрассудки угнетателей против образования, Р. Оуэн и наши отцы оказали громадную услугу социальному освобож-

дению. Теперь все видят, что чем более народ просвещен, тем более он благоденствует; чем более распространено в народе образование, тем приятнее и разнообразнее становится жизнь. Русский деспотизм и коронованный убийца Турции величают себя друзьями образования. Когда нам удастся разрушить экономические предрассудки, когда перед народами встанет необходимость коммунистического производства и потребления, тогда также все заявят себя сторонниками коммунизма, ибо даже теперь, при тех средствах производства, которыми мы владеем, свободное, просвещенное и солидарное человечество могло бы осуществить такое благосостояние, которое превзошло бы наши самые фантастические мечты... Тогда каждый поймет величие практического ума инициатора, указавшего направление, по которому должна следовать экономическая борьба, и разрушившего предрассудки обскурантизма. Замечательно, что в Интернационале также самая передовая социалистическая фракция сильно занималась вопросами интегрального воспитания: наши друзья. Робен, Джемс Гильом представители этой фракции.

VI.

Рабочее движение и чартизм.

(1832—1848).

Так же как и о бедственном состоянии английского народа в начале этого века, современное поколение не может иметь ясного представления о том деспотизме, который царствовал во всех европейских странах во время Реставрации. Изнуренная войнами Революции и в особенности Империи, Франция была отдана реакцией в руки иезуитов. Италия после Венского Конгресса, на котором произошел ее раздел, изнывала под австрийским игом. В Германии и Испании малейшее проявление умственной жизни преследовалось и подавлялось... Это была эпоха „Святого Союза“, гнусной лиги деспотов и обскурантистов против науки, против народа.

Правда, Англия не примкнула к возмутительной лиге, выдуманной Меттернихом. Но от этого реакция

свирепствовала там не меньше. Народ, английский рабочий, несмотря на вырванную им у деспотизма средних веков хартию, на деле не пользовался еще правами гражданина: он не мог, например, выпустить никакой газеты, не уплатив 40 сантимов гербового сбора за каждый экземпляр, он не мог также обсуждать условия своей жизни промышленного раба, не рискуя быть сосланным в Австралию.

По конструкции продажа рабочих рук была свободна, но если случилось, что рабочие сговаривались между собою в виду уменьшения рабочего дня или повышения заработной платы, их судили, как *заговорщиков*. Всякий рабочий, обвинявшийся в взятии на себя инициативы какого-нибудь соглашения, по подлomu „Conspiracy Act“ ¹⁾ подлежал каторжным работам и ссылке. Их приговаривали и высылали за простую попытку организации какого-нибудь общества или стачки, как скромна она ни была. В Шеффилде приговорили к десяти годам каторжных работ рабочего Дрюри и его товарищей; в Глазгове пять рабочих бумагопрядильной фабрики получили каждый по семи лет каторги. В 1834 году были приговорены к ссылке в Австралию дорчестерские рабочие.

Этот последний приговор вызвал негодование независимых людей всех классов общества. В пользу пострадавших рабочих была составлена петиция, под которой в короткое время собралось 266,000 подписей. 21 марта 1834 года профессиональными организациями в Лондоне была организована *первая* манифестация. Манифестантов насчитывалось до 400,000. Процессия в 50,000 человек направилась к министерству. Там депутация, предводительствуемая Р. Оуэном, подала петицию лорду Мельборну. Большинство манифестантов состояло просто из недовольных. Там были сторонники избирательной реформы и упразднения налога на хлеб, свободы прессы, права ассоциации, обязательного обучения и т. д. Это были те, из кого составила позднее армия чартизма.

Но, по свидетельству газет той эпохи, душой движения был оуэнистский социализм. Действительно, коммунистические и *атеистические* идеи и вообще стрем-

¹⁾ Закон о заговорах.

ление заменить все духовное светским, эмансипация женщины и отрицание официального брака, что так шокировало буржуазию и духовенство, приобрели такое влияние на рабочих, что эти принципы, говорится в „Westminster Review“ (1889), составляли настоящее credo многих из них¹⁾. Эти строки научного журнала объясняют нам факты, рассказанные в газете „Times“, что на одном митинге два делегата оуэниста за один раз приобрели более тысячи новых сторонников²⁾. Для нас, знающих теперь, какое активное участие оуэнисты принимали во всех народных движениях с начала этого века, то в виде рабочего законодательства, то в виде демократического и интегрального воспитания, но в особенности в пропаганде истинного социализма и освободительных идей, для нас, говорю я, нет ничего удивительного, что рабочие имели такое доверие к социалистам той эпохи вообще и к Р. Оуэну в частности.

Достаточно бросить беглый взгляд на различные рабочие организации в период от 1832 до 1876 года, чтобы понять, какую услугу оказали человечеству социалисты-оуэнисты. Как настоящие агитаторы, они вмешивались во все народные движения. В этом отношении они отличались от французских социалистов школы Сен-Симона и Фурье. Эти последние выпускали теоретические исследования—очень гуманитарные, как мы увидим,—английские же социалисты, наоборот, не переставая проповедывать, что освобождение рабочего класса совершится только с упразднением частной собственности, эксплуатации человека *человеком* и *обществом*, с полным освобождением человеческой личности от всяких религиозных, нравственных и социальных предрассудков; не переставая утверждать, что социальная справедливость осуществится только тогда, когда производитель делается абсолютным хозяином своего продукта, включая сюда и прибавочную стоимость³⁾; имея

¹⁾ Т. Kirkup. „A History of Socialism“ London, 1892. стр. 63

²⁾ S. Webb. „History of Trade-unionism“, London, 1893 См вообще стр. 116—121.

³⁾ J. Hopkins, F. Combe, W. Thompson, „Poor Man's Guardian“, „New Moral World“, и много других изданий.

в высшей степени ясное представление об идеале и социалистических формулах, английские социалисты, повторяю, были настоящими пропагандистами и агитаторами, и сделались выразителями частичных требований народа.

Английские социалисты, в особенности Р. Оуэн, приняли деятельное участие в парламентских работах 1802, 1815, 1817, 1819 ¹⁾, 1832, 1834—36 годов. В 1815 году они организовали комитет *десятичасового рабочего дня*, а когда, в 1832 году, во время сильной агитации, умеренные вписали в свою политическую программу десятичасовой рабочий день, они организовали комитет *восемичасового рабочего дня* и минимума заработной платы. Чтобы дать толчок рабочей инициативе, они начали устраивать производительные и потребительные кооперативы, которые в наше время объединяют больше миллиона производителей и ежегодно имеют в обращении капиталы: производительные кооперативы в 97 миллионов франков, а потребительные в 1.025.000,000 франков.

В 1831 году в Бирмингеме они устроили *народный дом*, с библиотекой, школой и народными лекциями; в следующем году они учредили биржу социалистического обмена, дав ей название: *„National equitable Exchange of Labour“*. лойд Джонс ²⁾ (Lloyd Jones) воспроизводит гравюру чека. Это „рабочий чек“ коллективистов нашего времени и „Народного банка“ Прудона. Этот чек „Бирмингамской Ветви“ (Birmingham Branch*), основанной в 1833 году, стоит *один рабочий час*. На нем находится подпись Robert Owen, governor, Woolfield, director.

В особенности их организация пропаганды и народного движения поражает всех историков того времени (Booth, Kirkup, Gibbons, Webb, Lloyd, Holyoake, Brentano). В 1833 году, когда они создали федерацию всех местных организаций под названием „Общий Союз производительных классов“ последний насчитывал

¹⁾ Получив отвращение к современной политике, Р. Оуэн уступил свое место репортеру парламентской комиссии Остлеру. Вообще его не тянуло к политической деятельности и ее почестям.

²⁾ В своей книге „Life, Times and Labour of R. Owen“ (Жизнь, время и работа Р. Оуэна).

более 500,000 членов. Между примыкающими к нему обществами мы находим: „Союз хлебопашцев“, „Союз жнецов“, „Союз земледельческих рабочих“. Как видно, эти люди не были „научными“ и не отделяли деревни от города. Там были также женские союзы: „Женщины садовницы“, „Смешанный Союз женщин“, „Ложа портних“, „Кооперативные ложи вязальщиц“, „Ложа женщин Великой Британии и Ирландии“, „Старых дев“. („Ancient Virgins“) Это последнее общество отличалось своей деятельностью во время Ольдгэмских волнений, в 1834 году.

В это время трэд-юнионизм быстро развивался. Что социалистическая пропаганда оказала влияние на движение, мы находим доказательство у историка, министра внутренних дел Спенсера Уольполя, который говорит, что „рабочие того времени были социалистами и чартистами“. Другое и более важное доказательство мы находим в том факте, что председателем *первого конгресса* трэд-юнионов, созванного в 1833 году, был Р. Оуэн. Сами социалдемократы принуждены признать, что второй фазис чартистского движения начался в 1830 году, и что его передовые элементы большей частью были под влиянием Р. Оуэна. Организация, игравшая самую важную роль в чартизме, „Всеобщий союз производительных классов“, состоял почти исключительно из оуэнистов¹⁾.

Так шло рабочее движение в Англии с 1830 до 1838 года. Социалистические агитаторы и в особенности Р. Оуэн, этот истинный сын народа, настоящее выражение народного гения, показали свою деятельность и практическую инициативу.

Легко понять, почему с таким уважением относились к Р. Оуэну его современники, и почему великий ученый, Альфред Валлас писал еще в 1896 году Лондонскому конгрессу: „в молодости я был учеником и горячим почитателем Р. Оуэна... Теперь я снова возвращаюсь к моей первой любви и требую социалистическую и кооперативную республику, которая одна может нас исцелить от всех мерзостей капиталистического общества“. Мы можем *также* понять, почему ис-

¹⁾ E. Marx Aveling. „Working Class movement in England“, London, 1896. p. 28.

торик кооперативного движения Голиок (Hollyoake) мог сказать о нем: „Смерть никогда еще не уносила более великого друга народа“; а полковник Г. Клинтон: „Между всеми, кто жил этой жизнью, Р. Оуэн был человеком с самым широким сердцем, самого здравого ума...“.

Да, он был таким. Сын народа, он действовал с спокойным умом и простодушием народа, скромный, простой и мягкий, как все истинные представители народного гения. К нему удивительно подходят слова, сказанные Шекспиром о Бруте.

Его жизнь была благородна, и элементы, ее составляющие, были так хорошо скомбинированы, что природа могла бы сказать миру: „Это был человек“!

Однако, отдавая Р. Оуэну и английским социалистам должную дань уважения, мы должны указать на тот крупный пробел, который проскальзывает у них по отношению к роли государства-эксплоататора и угнетателя.

В будущем обществе государство, по их мнению, должно исчезнуть; его заменит свободное соглашение автономных коммун, в которых будет жить солидарное и коммунистическое человечество. Но каким образом государство, этот оплот капиталистического общества, сойдет со сцены, уступив свое место новому обществу — они не указали. Не находим мы также у них и никаких указаний относительно методов и средств борьбы против него. Пионеры нового понимания социальной жизни, они отдали всю свою энергию на распространение той идеи, что от государства и парламентов можно получить только *частичные улучшения, паллиативы*; что социальное освобождение рабочего класса должно основываться на экономическом освобождении, и что освобождение будет совершено только самими рабочими, потому что „с тех пор они одни будут управлять делами человечества... сделавшимися их собственным делом“. (См. гл. V, цитата из Томпсона).

В то время, как в полном согласии со своими принципами, как мы видели из Интернационала (См. гл. 1), английские социалисты выработали целую, могущественную систему трэд-юнионов, коопераций, стачек и т. д. для экономической борьбы, они не оставили нам, насколько мне известно, никаких указаний о средствах

борьбы с государством. А, однако, они восставали против государственного притеснения. Они были во главе движения против „*Conspiracy Act*“ и других политических гнусностей. Как случилось, что эти люди, которые отрицали государство в будущем и боролись с его притеснением, не принялись разрушать его, как они старались разрушить экономическую эксплуатацию?

Ответ простой. Против государства в то время боролись республиканцы, радикалы и буржуазия—все противники социализма. Правда, эти партии боролись только против той или иной формы правления, прославляя государство и принцип власти. В то же время они отрицали социализм, заявляя, что они против „утопистов“, которые хотят „нарушить общественный порядок, разрушить нравственность, брак и другие священные учреждения.“ Якобинцы во Франции, Карбонарии и „Молодая Италия“¹⁾, „Молодая Германия“, Карлейль и многие другие искренние друзья *политического освобождения* народов осуждали социалистическую агитацию. За исключением Адольфа Бланки и его близких друзей, все революционеры до 1840 г. смотрели на социалистов, как на мечтателей, на умеренных. С своей стороны социалисты до 1845 года думали, что можно разрешить социальный вопрос вне революционной борьбы против государства. Только приближаясь к периоду 1840—45 годов, мы начинаем замечать у социалистов эволюцию в сторону революционной деятельности: одни, как Луи Блан и после него Ф. Лассаль и Маркс, заявили себя сторонниками завоевания политической власти в виду социалистического законодательства; другие выступали врагами Государства и многие потом сделались деятельными революционерами, борющимися против экономической эксплуатации и против Государства во всей его совокупности функций и учреждений.

Первые — *демократы*-социалисты — проповедуют в наши дни мирную и легальную деятельность. Мы анархисты, наоборот, вступили в ряды революционеров в их борьбе с политическим угнетением. У английских со-

¹⁾ Благородный и героический Мадзини, душа движения, кончил нападки на социализм и Интернационала. См. „Политическая Теология Мадзини“, М. Бакунина.

циалистов мы заимствовали их идеал свободного коммунизма и независимые профессиональные организации с их экономической борьбой. Одни мы среди революционеров, как некогда Карбонарии и „Молодая Италия“, являемся ненавистным *страшилищем* для политической реакции. Как коммунисты - антигосударственники, мы возбудили также против себя и неумолимую ненависть буржуазии, как демократически-республиканской, так и социалдемократической...

Дальше мы подробно остановимся на этом социалистически-революционном синтезе выполненном анархистами-коммунистами *после* Парижской Коммуны 1871 года.

В эпоху сильного рабочего возбуждения (1830—1837 гг.) революционеры и социалисты были еще разделены. В то время, как последние звали английский рабочий класс к совершению экономических и социальных реформ, радикалы всех классов общества требовали либеральной, политической и парламентской реформы. Их пропаганда привела к первой избирательной реформе (1832 г.). Но, как во Франции, народ не замедлил убедиться, что славные июльские дни послужили на пользу только буржуазии, так и в Англии последовало такое же разочарование. В 1838 году инициаторы снова начали агитацию. Несколько членов Парламента и буржуазных радикалов и народные агитаторы Гетерингстон, Коббет, Кливер, Ловет и другие формулировали шесть знаменитых пунктов народной хартии. Они требовали:

1. Всеобщее избирательное право; ¹⁾
2. Ежегодные выборы в Парламент;
3. Жалование депутатам; ²⁾
4. Голосование при помощи избирательных билетов;
5. Одинаковое число избирателей для каждого округа;
6. Уничтожение ценза для кандидатов.

Мы видим, что знаменитая хартия была очень уме-

¹⁾ Интересно отметить сходство событий во Франции и Англии. Во Франции тоже начинается агитация в пользу всеобщего избирательного права и социальных реформ в 1818—39 г.

²⁾ Члены парламента не получали жалованья.

ренная в социалистическом отношении; она была чисто парламентарная. Мы удивляемся этим более чем умеренным требованиям. И социалисты того времени находили, что подобная программа не имела ничего общего с социализмом. Но волнение становилось общим, и рабочие социалисты, как мы видели, в массе примкнули к движению, придавая ему гораздо более широкий характер, чем этого хотели инициаторы.

В речи одного из самых популярных участников движения, методистского священника Стефенса, мы находим доказательство, что народом двигали тогда его вековые стремления к социальной справедливости:

„Чартизм, мои друзья, говорил он на одном большом рабочем митинге в Манчестере, не есть политическое движение, с главным требованием избирательного права. Чартизм есть вопрос *ножа и вилки* ¹⁾! Чартизм означает хорошее жилище, хорошую пищу и хорошее питье, благоденствие и короткий рабочий день“.

Это заявление, отражающее на себе влияние социалистов, находилось в противоречии с видами политических вожаков, и потому между ними и между массами существовало взаимное недоверие. И это недоверие, в 1848 году, в самый разгар народного волнения, когда 11 апреля громадная процессия должна была отправиться в парламент с петицией, способствовало много полной неудаче движения. Число подписей, так же как и манифестантов, было гораздо меньше, чем в 1834 году, во время манифестации против осуждения дорчестерских хлебопашцев.

С точки зрения немедленных результатов чартизм не удался. Политические главари не были ни революционерами, ни представителями настоящих народных интересов, и они привели великое движение к фатальному поражению. Однако, его косвенное влияние на умственную, нравственную и социальную жизнь Англии было огромно. Рабочие поняли, что их освобождение, как уже лет двадцать говорили об этом оуэнисты, было „существенным образом их делом“ и отличным от всякой политики. Отсюда явилось недоверие тред'юнионов по отношению к политическим деятелям отсюда

¹⁾ „*Knife and fork*“.

их недоверие к социалдемократии и жалкие успехи этой партии в Англии ¹⁾).

Если, с одной стороны, неудавшийся чартизм вызвал в народе такие же чувства, какие вызвали во Франции июньские кровавые дни, то, с другой стороны, в интеллигентной среде, среди друзей прогресса, он вызвал литературное движение, полное сочувствия к обездоленным. Поэзия Томаса Гуда (Thomas Hood), романы Ч. Диккенса — в особенности „Трудные времена“ и „Холодный дом“ — в трогательных и горячих выражениях защищают народное дело. Не менее горячими были проповеди ученого теолога и реформатора Чарльза Кингслей ²⁾, который говорил в одной из своих речей:

„Все социальные системы, благоприятствующие скоплению капитала в руках некоторых, которые прогоняют народ с земли, которой владели некогда их предки, которые низводят производителей на положение крепостных или поденщиков, живущих на заработную плату и милостыней, которые превращают их в рабов, лишенных всех прав и всякого благосостояния, — все эти системы противны царству Божию, провозглашенному Христом“. — „Законы и конституции не исходят от Бога, если они терпят подобное положение дел; они прокляты и должны погибнуть, унося с собою и разрушая как можно больше. Да, они найдут гибель в своем собственном разложении“.

Более энергичным, если только это возможно, был в своем суждении капиталистического строя великий историк Т. Карлейль, ³⁾ этот странный пророк новых времен, который хотел спасти человечество при помощи сверхестественных мифов, посредством культа героев. Он осыпал сарказмами реформаторские министерства „пустые, как восточный ветер“, и парламент, который он называл „Национальной Говорильней“ (*National Par-laver*). Его стиль становится по истине патетическим, когда он говорит о народной бедности... „Мы видим сцены

¹⁾ По истечении 16-летней деятельности социалдемократов их кандидат, редактор их единственной газеты „Justice“ получил на последних выборах в Рединге только 200 голосов.

²⁾ Автор „Jeast“, „Alton Locke“ и других социалистических романов.

³⁾ „Chartism“, 1840; „Past and Present“, 1843.

такого горя, унижения и отчаяния, какого никогда не бывало даже в самых варварских странах...» «Свобода, говорят нам, божественна, но свобода помирять с голоду—совсем не божественна».

Это литературное движение создало либеральное и освободительное течение в английском обществе и выработало таких людей, как Вильям Моррис, поэт, публицист и социалистический агитатор, который воспевал всеобщее счастье, истинно свободный коммунизм.

VII.

Французский социализм. Сен-Симон.

Рожденный на фабрике английский социализм развивался вместе с рабочим движением. Отсюда его преимущественно практический характер. Совершенно иначе начался французский социализм; поэтому история его до 1848 года отличалась от истории английского социализма.

Заговор „Равных“, или, как говорят, Бабефа, со своим революционным коммунизмом, после своего поражения был совершенно забыт. *Демократический милитаризм*, эта язва и проклятие современной Франции, дал совершенно иное направление революционному движению. Изверги Директории и Империи ловко воспользовались наследством великой революции. Грубые животные, разукрашенные погонями, превратили Францию в казарму и более чем на два поколения отодвинули экономический, умственный и социальный прогресс народа. Не в период господства военной касты — этого символа животности и тупости — предпринимаются социалистические реформы, ибо всегда найдутся патриоты на жаловании, вроде теперешних Дрюмона, Рошфора и др., которые выдают, как антипатриотов, всех друзей народа и прогресса.

Однако, некоторые независимые умы сохранили широту взглядов, гуманитарные идеи энциклопедистов и революции. Свидетели падения старого режима и политических реформ, провозглашенных национальным Конвентом, многие из них *мечтали о реформаторском*

правительстве, которое откроет новую эру мира и благосостояния, основанного на более или менее полном экономическом и социальном равенстве. Для них решение социального вопроса не было делом самого народа, но реформой, введенной сверху. Это различие во взглядах между французскими и английскими реформаторами ¹⁾ очень характерно и важно. Ослепленные революционной славой Конвента, они забыли роль народной инициативы до и во время революции; французские реформаторы, мирные и революционные, как Барбес и Бланки, мечтали всегда о правительстве, совершающем реформу или социальную революцию. Отсюда их стремление выработать полную систему будущих реформ на основании того или иного абстрактного принципа и выведенную также из абстрактных и метафизических рассуждений.

Между этими реформаторами самыми замечательными по своей гениальности и своим поразительным заключениям были Сен-Симон и Ш. Фурье. Они оставили нам социалистические системы, в совершенстве обработанные в своей философской части и даже в деталях. Их влияние было особенно сильно среди молодежи высших учебных заведений, где они нашли таких выдающихся и талантливых людей, как Огюст Конт, Огюстен Тьери, Виктор Консидеран и много других. Но их влияние на массы было гораздо менее глубокое, потому что их абстрактные системы и к тому же иногда с очень причудливой терминологией, особенно у Фурье, были недоступны рабочему классу. И их школы, несмотря на талантливость учеников и гениальность основателей, совершенно исчезли из современного рабочего движения. Три четверти теперешних социалистов не знают даже, какая разница была между социалистическими школами Сен-Симона и Фурье и какие социалистические идеи они оставили современному поколению. Однако, мы обязаны этим мыслителям некоторыми основными идеями современного социализма.

Это я и постараюсь изложить в нескольких словах.

Сен-Симон и его школа оставила нам значительное количество политических и философских произве-

¹⁾ Пусть вспомнят читатели о заявлениях Томпсона и Оуэна относительно роли народа, который один разрешит социальный вопрос.

дений. Собственно, с точки зрения современной науки, их сочинения являются скорее теологическими. „Новый христианизм“¹⁾—настоящая книга школы—чистый теологический трактат. Читая введение к ней Анфантена, или изложение доктрины Э. Родригса, можно подумать, что имеешь дело с пророком Ветхого Завета.

„Вот последнее слово нашего учителя... в нем мы почерпнули источник религиозной жизни, который нас оживляет; в этой последней книге мы узнали то, чему мы обучали постепенно мир. В ней заложены основы нравственности, *догмы и культа* сен-симонистов“. Таковы первые слова введения, написанного Анфантеном. Какая была догма этой религии? Все тот же абсурд, во имя которого сжигали Гуса, Джиордано Бруно и тысячу еретиков. В первом диалоге между консерватором и новатором мы читаем:

Консерватор.—Верите вы в Бога?

Новатор.—Да, я верю в Бога.

Консерватор.—Верите вы, что христианская религия имеет божественное начало?

Новатор.—Да, верю²⁾.

После этого мы могли бы оставить в стороне их взгляды, если бы они не содержали в себе некоторых новых и прогрессивных идей. „Я вас очень прошу, обращается автор к публике, не придавать значения массе старых слов, которыми я принужден пользоваться³⁾. В действительности не только слова причинили столько зла человечеству, но и старые нелепые верования; они же сделали бесплодными сен-симонистское движение несмотря на талант и даже гениальные способности „учителя“ и таких учеников, как Огюст Конт, Огюстен Тьерри, Базар и др.⁴⁾ Имея в виду эти самые действительные и пагубные предрассудки, доминиканец Лакордер говорит о сен-симонизме, что „это было самое крупное религиозное движение человеческого ума со времени

1) Париж, 1832.

2) „Nouveau Christianisme“, стр. 9.

3) „Nouveau Christianisme“, стр. 209.

4) Правда, эти замечательные люди отпали от школы, как только они увидели ее крайние религиозные тенденции: Огюст Конт немного раньше 1825 года, Базар после 1830 года.

Лютера“¹⁾. Однако, эта причудливая теология содержала в себе социалистические стремления, правда, довольно смутные, но проникнутые сильным гуманизмом. Вот в нескольких словах взгляд сен-симонистов на солидарное общество будущего:

„В новой христианской организации учреждения будут основаны... на том принципе, что все люди должны вести себя по отношению друг к другу, как братья. Она будет направлять все учреждения... к тому, чтобы увеличить благосостояние наиболее бедного класса (стр. 16); общество должно организоваться таким образом, чтобы оно могло достичь этой великой цели (стр. 83), и это общество будет проводить социальную справедливость, основанную на принципе: *От каждого по его способностям и каждому по его труду*“ (стр. 124). Это правило требует существования административной иерархии, которая должна состоять, по мнению Сен-Симона, из ученых, избранных духовных пастырей. Чтобы предупредить возможность появления первенства при такой иерархии, он уничтожает право наследования.

„Уничтожение крепостного права поставило на ряду с другими людьми тех, которые были прикреплены раньше к земле; земля в свою очередь перестает быть неотчуждаемой собственностью семьи, и уничтожение права наследования, таким образом, составляет дополнение к равенству между людьми. Каждый человек имеет место в иерархии и, следовательно, имеет право на почести и пенсию, согласно с занимаемым им положением“ (стр. 207).

В то же время Сен-Симон и его друзья проповедают равенство между полами и полное равноправие женщины в полу-коммунистических, полу-теократических организациях. Реформированное человечество будет практиковать международную солидарность и поверхность земного шара будет возделываться свободными ассоциациями²⁾. Социалистические взгляды сен-симонистов, как мы видим; почти тождественны с взглядами

¹⁾ Печи Гепу (Guérult). См. „Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin“, стр. 251, том XIII. Париж, 1867.

²⁾ Еще в 1814 г. Сен-Симон и Ог. Тьери выпустили брошюру о „Преобразовании европейского общества или о необходимости и способах соединить европейские народы в одно политическое целое, сохраняя за каждым его национальную независимость“.

наших минимальных коллективистов. В мемуаре, представленном парламенту в октябре 1830 года, Базар и Анфантен, отрицая коммунизм, заявили, что сен-симонисты хотят превратить в коллективную собственность *все орудия производства, землю и капитал*, и что производство должно быть организовано союзами производителей, подчиненных иерархии выборных чиновников.

Коллективистическая формула не была у них случайной идеей. Она была логическим заключением всей доктрины сен-симонистов, развитой их учителем в сочинениях: „L'Industrie“, „Du Système industriel“, L'Organisation“ и др. Как он говорил, государство и законодатели должны заботиться об организации рационального производства, организуя „вещи“ (les choses), иначе говоря, превращая в коллективную собственность все средства производства, включая землю и капитал. Благодаря именно этой идеи коллективизма, вместе взятой с уничтожением права наследования, равноправием женщины, с идеей автономных и солидарных ассоциаций, возделывающих земную поверхность, Сен-Симон и его школа произвели такое глубокое впечатление на французское общество. Несмотря на религиозный элемент и немного странную для современной науки философию, сен-симонисты имели сильное влияние не только во Франции, но и во всех цивилизованных странах.

VIII

Фурье и Общественная школа („Ecole Sociétaire“).

Современник Р. Оуэна и Сен-Симона, Фурье совершенно иначе разбирал социальный вопрос, чем эти два мыслителя. Он не был ни атеистом-материалистом, ни реформатором-практиком, как Оуэн, который, посредством анализа *прибавочной стоимости* и условий современного производства, пришел к автономному коммунизму; ни христианином, проповедующим, как Сен-Симон, всемирную Ассоциацию и коллективизм, управляемые учеными и благожелательными пастырями.

В своих исследованиях он основывается на трех, лично им найденных и прекрасно изложенных принципах, которые теперь оправданы и доказаны современной индуктивной наукой.

Мы можем следующим образом формулировать эти принципы:

1. Человек управляется в своей жизни не тем или иным писанным „законом“ божественного, римского или метафизического права, а потребностями своего организма, своими психическими свойствами, иначе говоря: физиологическими законами.

2. Труд, как деятельность организма, необходим для жизни и развития каждого органического существа; следовательно, когда производство будет организовано на основах рациональности и солидарности, труд станет *притягательным*.

3. Солидарное производство и притягательный труд могут быть осуществлены только в коммунах (фаланстерах), основанных на принципе более или менее полного равенства и абсолютно автономных.

Правда, эти принципы у Фурье выражены, как впрочем и вся его система, в очень причудливых терминах; но если перевести их на обыкновенный язык, то приходится согласиться, что этот великий друг человечества сказал как раз три истины. Люди недобросовестные, включая сюда и „научных“ сочинителей школы Энгельса, смеялись над Фурье, в особенности над его утверждением, что все *страсти* человека имеют право на свое развитие и совершенно свободное проявление. „Как, кричали защитники существующей социальной несправедливости, дать полную волю дурным страстям! Даже жестокости!.. Таким образом мы вернемся в первобытное, дикое состояние“. Эти господа выдумали, что будто бы Фурье проповедывал полный простор для общественных и индивидуальных *пороков*.

„Под этим словом *страсти*, читаем мы у В. Консидерана ¹⁾, Фурье подразумевает исключительно свойства живых существ, присущие самой их природе и характеризующие их, как живые организмы. Человеческие страсти, это первые и природные силы, которым

¹⁾ „Bases de la politique positive“ Париж, 1842, 2-ое издание.

обязана свободная и самопроизвольная деятельность человеческого существа... Страсть, стало быть, ни что иное, как мировой закон, закон мировой жизни“.

Иными словами, Фурье *первый* признал, что теперь требуют современные физиология, психология и педагогика для нормального развития человеческого организма, нравственности и ума: полное удовлетворение органических потребностей, свободу проявления чувств, свободное и полное развитие способностей каждого ученика. Против этих истин в настоящее время восстают только Церковь и деспотизм, власть и казармы, да еще — странная вещь! — социалдемократы, которые полагают, что социализм состоит в устарелых формулах „Коммунистического Манифеста“, сего „государственными монополиями“, „армией труда“, „дисциплиной“ и тому подобными казарменными прелестями.

Не менее замечательны заключения Фурье об органической необходимости для человека деятельности и труда. Нам известно теперь, что живой организм для своего развития, для усвоения новых пищевых элементов, для обращения крови, нормального дыхания и даже для поддержания умственной энергии, нуждается в мускульной работе. Рациональный труд гигиеничен и советуется врачами людям самым богатым и привилегированным. Немощной шведской королеве доктор посоветовал работать каждый день, прибирая свои личные покои; английская аристократия и буржуазия — самые здоровые и энергичные из всех — заставляют свою молодежь упражняться каждый день в различных самых утомительных спортах.

Но если, вместо спорта, солидарное человечество организует полезный и производительный труд, так чтобы сильная, здоровая, физически развитая молодежь, получившая интегральное воспитание, могла менять свои занятия, смотря по вкусу или по свободному, добровольному соглашению с своими солидарными сотоварищами, тогда, конечно, труд делается *притягательным*, молодежь, проводя время в песнях, труде и любви, покроем землю изобилием..

И когда Фурье пробует описать счастье, какое человечество сможет осуществить в автономных коммунах (фаланстерах), он действует не как мечтательный

фанатик, а как великий гуманитарный философ, опередивший на пол-века заключения современной физиологии, гигиены и педагогики.

Чтобы осуществить социальный строй, основанный на этих принципах, Фурье предлагает автономную организацию фаланстер. Что такое фаланстера? — Великолепное, прекрасно устроенное здание, расположенное среди обширного пространства (квадратная миля) и обитаемое четырьмястами семейств или тысячью во семьюстами человек, составляющим солидарную общину, которая гарантирует своим членам наиболее полное пользование благосостоянием и личной свободой. Я не буду входить в детали этой системы. Достаточно указать, что Фурье отрицал условную нравственность, семью и брак нашего капиталистического общества, и что он принимал в соображение все средства, чтобы обеспечить свободу личности и право меньшинства. С этой целью он предлагал, чтобы часть излишка продуктов фаланстеры была предназначена для личных нужд каждого члена, включая сюда и детей. Этот личный капитал гарантировал членам общины необходимые средства, чтобы перейти в другую общину или устроиться отдельно.

Вот в нескольких словах суть социалистической системы Фурье и его Общественной Школы („Ecole sociale“). Все признают, что по своим широким идеям, по своей неустанной заботливости гарантировать благосостояние и свободу личности и автономию общины в добровольной федерации, Фурье является одним из наиболее благородных и глубоких социалистических реформаторов. Его взгляды на роль потребностей и органических свойств в личной и общественной жизни, его формула притягательного труда вместе с взглядами Р-Оуэна на образование человеческого характера, составляют наиболее драгоценное завоевание социалистической этики.

IX.

Демократическое и социальное движение.

(1830 — 1848)

„...Отличие демократической партии от других партий заключается в том, что она хочет через политику прийти к социальным преобразованиям“.
(Ледрю-Роллен. Речь в 1841 г.)

Социалистические системы и требования, которые я только что вкратце изложил, вызвали на континенте, в особенности среди молодежи высших учебных заведений, демократическое движение, с социалистической окраской, но, главным образом—революционное и республиканское. Идеи сен-симонистов и фурьеристов распространялись во Франции, Италии, Германии и даже России. Английский социализм, которому мы обязаны с одной стороны всеми практическими способами борьбы и организацией пролетариата в класс, а с другой—определениями прибавочной стоимости, рабочего законодательства, как паллиатива, роли народа, который один решит социальный вопрос и т. д... этот социализм был совершенно неизвестен на континенте; даже для социалистических писателей, как Прудон и Луи Блан, он оставался „*terra incognita*“. И Прудон делал открытие, предлагая кредит и народный банк, т. е. „справедливый обмен труда“, организованный Р. Оуэном в Бирмингеме еще в 1833 году ¹⁾).

Но если на континенте и не были знакомы с практической стороной рабочего движения, то общие идеи человеческой солидарности, личного и народного освобождения, братства между народами распространялись среди передовой буржуазии. Эта образованная буржуазия, особенно во Франции, чувствовала себя оскорбленной, притесненной в эпоху Реставрации и Священного Союза императоров. Малейший политический протест, всякая либеральная манифестация подавлялись с такой же жестокостью, с какой это делает в настоящее

¹⁾ См. газету „*Temps Nouveaux*“ 4-й год, № 2.

время наше правительство. Поль Луи Курье оставил нам назидательные картины этих жестокостей в своих памфлетах.

Только, как всегда случалось в истории, соединенные усилия царей, духовенства и военных не остановили умственного и социального развития. Новый дух давал о себе знать всюду: в литературе, искусстве, науке. Это была романтическая эпоха литературы и движения возрождения у поработенных народов: Греция, Италия, Польша, Венгрия поочередно то боролись за свободу и независимость, то готовились к революции.

Эти три элемента—социализм, романтизм и национализм—наложили такую особенную печать и, откровенно говоря, придали такую привлекательность республиканским и революционным демократам эпохи Бланки, Гарибальди, Кошута, Бакунина, что сотни других известных в науке и литературе, в искусстве и политической деятельности людей, были выдвинуты этим движением.

В настоящее время нам могут показаться неопределенными и слишком декламационными произведения поэтов и писателей той эпохи, но романтизм дал сильный толчок революционному движению начала этого века. Воспевая свободу страстей, счастье и идеал, поэты и романисты выступали в защиту дела свободы и счастья для всех, включая сюда самых униженных и обездоленных—весь народ. Беранже, Гюго, Жорж Занд, Евгений Сю, не говоря уже о поэтах и романистах английских, немецких, итальянских и даже русских и польских,—все были воодушевлены благородными и гуманными чувствами.

Любить униженных и угнетенных, черпать вдохновение в стремлении к народному благу, подражать свежести и простоте народной поэзии; проклинать тиранов (Гюго, Барбье, Гейне); прославлять народную добродетель, труд-производитель и, больше всего, воспевать возмущение, освобождение и солидарность,—вот чувства, которые господствовали у поэтов и музыкантов, писателей и политических ораторов. Бесподобные мелодии Шопена почерпнуты из народных песен; шедевры Россини, Мейербера, Беллини и Вагнера—выросшего в этом движении—победоносный гимн свободы и независимости... Музыка не была еще развращена бонапар-

тистским канканом, животностью современной буржуазии.

Наука также была проникнута идеей народного счастья, и труды Мишле „Народ“, „История Революции“ и Ламенэ „Слова верующего“ („Paroles d'un croyant“) — прекрасные свидетельства этой демократической тенденции. Чтобы показать, как далеко поколение 1830 — 1848 годов ушло в своей любви к народу, я процитирую следующее место из речи Ледрю-Роллена, этого рупора тогдашней демократии:

„Народ“, это „Ессе Ното“ ¹⁾ нынешних времен... Но будьте уверены, что его воскресение близко! Он также встанет с креста и потребует отчета в делах у тех, кто его слишком долго не хотел признавать“.

Все эти поэтические, беллетристические и политические декламации несколько не изменили экономические и социальные условия народа, скажут нам. Я прекрасно это знаю. И если я остановился на этом предмете, то исключительно, чтобы сделать более понятным успех пропаганды *настоящего основателя социал-демократии*, Луи Блана, о котором Энгельс не упомянул ни словом в своей истории социализма, как будто бы Л. Блан никогда не существовал и не было революции 1848 года в истории нашего века. Не зная общего состояния умов эпохи, трудно понять, почему Париж в то время сделался центром для новаторов, инициаторов всех гуманитарных идей и революционного движения. Также непонятно было-бы, почему учащаяся молодежь, политехники и студенты боролись в рядах народа.

Конечно, неопределенны были политические и социальные формулы, которые большинство обозначало общим лозунгом „Реформа“. Быть может многие из этих борцов за реформу ударились в реакцию после июньских дней. Но до революции 24 февраля все, социалисты различных школ, радикальные республиканцы, умеренные реформаторы, искренне требовали „реформы“ для народа, защищали народные права и интересы... В ту эпоху ученые и поэты мешались с народом и революционерами.

Какой-нибудь Флобер, уходящий от жизни, Тэн, Гонкуры производили очень странное впечатление и

¹⁾ Ессе Ното — изображение Христа в терновом венке.

казались патологическими случаями рядом с Гюго, Ж. Занд и другими. Тогдашняя интеллигенция прекрасно понимала, что наука и искусство, равнодушные к человеческой жизни, остаются бесплодными и умирают. Не случайностью было, что историк Анри Мартен, верный традициям прошлого, приветствовал первый Интернационал, выражая чувство радости, что индифферентизм „этот холод смерти.., не проник в народную душу, не заморозил ее“.

Нет, индифферентизм не заморозит народную душу. Наоборот, народная душа придает силы и энергии наиболее непоследовательным своим защитникам, как, например, Рошфор, который, невежественный и развращенный, может в продолжение целого года спорить с образованными честными людьми.

Мы, социалисты и революционеры, дворяне и буржуа по происхождению, знаем, какую нравственную и умственную силу черпаем в народе. И потому сотни моих русских друзей с таким мужеством переносят всякие преследования; поэтому также мы предпочитаем рабочие собрания пышным *раутам*, на которых нельзя почерпнуть ничего здорового. Акт наиболее нравственный, это—указать и защищать интересы и права производителя. Какая среда может быть здоровее рабочей? Какое сердце благороднее сердца борца за социальное освобождение народа?

Все эти старые аксиомы были забыты образованными обществами во вторую империю и третью республику и только в последнее время наиболее честные его представители начали замечать, что народ и революционеры сохранили в целостности нравственную силу, бодрость и смелость.

Как будто в последнее время учащаяся молодежь и интеллигенция возвращаются снова к прежним традициям. Они начинают присоединяться к социалистам в их борьбе с политическими и социальными ужасами третьей республики. Мы совершенно искренне приветствуем их первые шаги и в частности замечательный „Ответ г-ну Моно“ Мориса Верн¹⁾, который после одного собрания, на котором говорили социалистические

¹⁾ „Reponse á M. Monod“. L'Aurore 1 декабря 1898.

и анархические ораторы, писал своим академическим друзьям:

„Есть-ли что-нибудь прекраснее, благороднее и трогательнее этих слов!...“

Да! есть более великое, чем эти слова—это борьба вместе с народом за его экономическое, умственное и социальное освобождение.

Это знала и практиковала образованная молодежь 1830—1848 годов. Бланки и Барбес служат тому примером.

X.

Социалистическое государство.—Луи Блан.

(1831—1848).

В такой возбужденной среде и когда сами демократы приняли формулу „через политику к социалистическим переворотам“, настоящие социалисты должны были иметь и имели замечательный успех.

Сен-симонисты организовали в 1832 году свою братскую коммуну на улице Монсиньи, выпускали брошюры и большие книги, пропагандировали свою доктрину в газете „Globe“, в которой работал Пьер Леру, их единомышленник и сотрудник. Фурьеристы тоже вели очень энергичную пропаганду; в особенности сильно развилась их деятельность от 1839 до 1848 года. Рядом с этими школами образовались новые течения социалистической мысли. В 1840 году П.-Ж. Прудон выпустил свое первое сочинение: „*Что такое собственность?*“ и не менее знаменитый ответ Бриссо: „*Собственность это—кража*“. Затем последовали другие произведения, имевшие колоссальный успех. Не менее популярным был Кабе, с своим „Путешествием в Икарию“, книжка, полная религиозности и патриархальной авторитетности.

Но настоящим идолом, настоящим народным учителем того времени был Луи Блан с своей „Организацией Труда“, которую он начал публиковать в 1839 году в своей газете „Revue du Progrès“. Мало лю-

дей пользовались такой популярностью, как он; мало книг имели такой большой успех, как „Организация Труда“; *каждый год* появлялось новое издание и издание 1848 года было пятым изданием.

Откуда происходила эта популярность? От недюжинного таланта автора? — Верно, что литературный талант, ясность изложения, живость и искренность горячего чувства бросались в глаза и пленяли читателя. Но истинная причина этой колоссальной популярности, как было и с статутами Интернационала, заключалась в верной передаче требований, общих всем социалистическим школам и фракциям.

На самом деле, что говорили Р. Оуэн и его друзья? — Что бедность рабочих происходит от того, что капиталисты силою отбирают себе прибавочную стоимость (Томпсон). Л. Блан, почти первый во Франции, сделал надрывающее душу описание экономических условий рабочих и капиталистической эксплуатации. Английские социалисты, Сен-Симон и Фурье настаивали на организации производства. — Л. Блан предлагал организацию труда посредством устройства национальных мастерских. Фурье предлагал систему более или менее равного вознаграждения; Сен-Симон—по способностям; Р. Оуэн проповедывал прямо коммунизм. — Л. Блан дал самую прекрасную формулу коммунизма: „От каждого по его способностям; каждому по его потребностям“.

Англичане говорили, что народ, организованный как производитель и потребитель, сумеет сам освободиться. Л. Блан высказался за ассоциацию автономную во всех отношениях. Фурье и оуэнисты изыскивали способы, чтобы обеспечить автономию коммунам. — Л. Блан заявлял, что, когда будут организованы производство и кредит, государство не будет иметь права вмешиваться в автономную жизнь ассоциации; даже во время своего изгнания, лет двадцать спустя, когда он многое изменил в своих коммунистических взглядах, он не переставал проповедывать коммунальную автономию, коммунизм.

И в своей маленькой книжке Л. Блан, с замечательно блестящим и чарующим талантом, проповедывал коммунизм, автономную ассоциацию, даровой кредит, солидарность отдельных личностей и народов...

одним словом, социалисты всех оттенков находили в нем отражение своих собственных стремлений. Отсюда его популярность среди социалистов. Но в его политических и исторических произведениях находились и взгляды на роль Государства, на революцию и диктатуру центрального комитета, революционного конвента, избранных непосредственно народом, путем всеобщего голосования. В этих политических и революционных взглядах они вполне сходились как с демократами реформаторами, так и с революционными социалистами.

Демократы хотели свергнуть монархию, чтобы восстановить выборное правительство и *прямое законодательство*. Они мечтали все о Конвенте 1793 года декретирующем эти „социальные преобразования“. Мирные социалисты, как В. Консидеран и др., были согласны с ними. „Прямое законодательство“, „правительство, избранное непосредственно народом“ („*gouvernement direct*“) — такова была доктрина, близкая сердцу демократов и умеренных социалистов. Социалисты-революционеры и якобинцы проповедывали „диктатуру пролетариата“, т. е. ту же панацею правительства, то же „правительство, избранное непосредственно народом“, облеченное революционной властью. Эти люди, которые наложили свою печать на все заговоры, все народные движения, были пропитаны насквозь авторитетностью. Они искренно верили, что посредством декретов произвести то, что не было сделано революцией, самим восставшим народом.

Один только Прудон с несколькими друзьями восставал против этой общей мании; но его полемика против Л. Блана, В. Консидерана, Риттинггаузена и других ¹⁾ не имела большого успеха, по крайней мере, до народных манифестаций в марте 1848 года. Даже после событий 1849 — 1852 годов и во вторую Империю революционеры, и в особенности бланкисты, оставались верными доктрине диктатуры пролетариата, так же, как Маркс, Энгельс и их друзья, в Германии. Предрассудок о неизбежности власти и диктатуры так вкоренился в них, что еще в 1865 году Маркс старался, как

¹⁾ „*Idée générale de la Révolution*“, стр. 161 и след. Париж, 1851.

мы видели, внести доктрину диктатуры пролетариата в статуты Интернационала.

Нет ничего удивительного что Л. Блан был настоящим хозяином событий: он и Ледрю-Роллен выражали стремления обеих фракций социальной демократии. Первый был блестящий писатель, требовавший всеобщего избирательного права и „прямого законодательства“ чтобы *немедленно* организовать социалистическое производство; второй боролся за то же всеобщее избирательное право, за демократическую республику, которая должна была привести „посредством политики к социальным переворотам“. Государство, по мнению Л. Блана, должно немедленно осуществить социальный строй. Государство же, говорил Ледрю-Роллен, займется реформами, ведущими к той же цели.

Торжествующий народ 24 февраля выбрал их обоих во временное правительство второй Республики, чтобы... чтобы доказать народу, что никакое правительство не выполнит того, что не было сделано *самим* народом по *его собственной революционной* инициативе.

XI

Социалистическое государство—общий предрассудок 1848 года.

В событиях 1848 года мы находили доказательства того, что ошибочная, но заманчивая идея Л. Блана о государстве-преобразователе, о социалистическом государстве была общей всем демократам и революционерам. В Англии, как нам теперь известно, демократы, поддерживаемые рабочими организациями всех направлений, включая сюда и социалистов-оуэнистов, предъявили свою „хартию“ парламенту (11 апреля), требуя реформ. В Германии социалистическая идея едва только проникала в отдельные группы передовых людей. Но и там также социализм понимался в смысле государственного коммунизма, и принцип власти сохранялся в нем еще гораздо больше, чем в государственном коммунизме Л. Блана и французских демократов.

Только за несколько дней до февральской революции немецкая коммунистическая Лига выпустила в Лондоне „Коммунистический манифест“, отредактированный

Марксом и Энгельсом. В той части, где выставлялись непосредственные требования, Манифест повторял, что уже так горячо пропагандировал Луи Блан с 1839 г. в *пяти изданиях* своей „Организации Труда“: Всемогущее Государство, все поглощающее, все порабошающее—таким оно остается у социалдемократов и до настоящего времени.

Говоря по справедливости, ни Л. Блан, ни французские демократы с Ледрю-Ролленом во главе никогда не приносили в жертву государства коммунальную автономию и права гражданина. В особенности Л. Блан напирал на право национальных мастерских и ассоциаций устраиваться по своему желанию.

„Все образованные люди во Франции нашли бы чудовищным социализм, проповедуемый в Манифесте. К счастью для человечества Манифест прошел незамеченным в поднявшейся буре; изданный, к тому же, в небольшом количестве экземпляров, он сделался библиографической редкостью. Только в 1872 году Манифест начинает распространяться, переходя из одной страны в другую“¹⁾

Основная идея социализма, выставленного в Манифесте, заимствована Марксом и Энгельсом у французских социалистов и демократов, в особенности у Л. Блана и Ледрю-Роллена. Только вмешательство Государства в общественную жизнь у них было значительно преувеличено. „Через политику к социальным преобразованиям“ (Ледрю-Роллен); „Демократическое Государство организует производство“ (Л. Блан)—таковы девизы социалдемократии и до настоящего времени. И если эти господа говорили, что они остались верными традициям февральской революции, мы бы ничего не имели против; мы могли бы только не соглашаться с ними насчет роли Государства в общественной жизни. Лично я относился бы к ним с таким же уважением, как ко многим радикалам-социалистам,

¹⁾ Э. Вандервельд. „Lé Jubilé du Manifeste communiste“ в газете „Peuple“, Брюссель, 28 марта 1898. — Это распространение среди невежественной публики началось после Интернационала, после Коммуны!.. Запомним хорошенько это признание одного из главарей парламентарного социализма.

честно борющимся за свою программу. Но к сожалению им пришла в голову странная идея: объявить “парламентскую тактику”, “прямое законодательство”, “диктатуру пролетариата”, “посредством политики к социализму” и другие ходячие идеи 1848 года—открытыми ими. Энгельс в своей, так называемой, истории социализма не говорит ни слова о Франции периода 1840—1848 года; его германские избиратели поверили ему, что все эти вещи были изобретены им, и что во Франции не было никогда никакой социалистической агитации, никакой революционной идеи...

Со стороны немецких рабочих это простительно: задавленные капиталистическим рабством, они не имеют времени научиться французскому языку и изучить историю. Но что сказать о французах и еще о “научных” социалистах, которые стараются выдать во Франции за новое открытие ходячие идеи французской демократии 1848 года?.. И что всего возмутительнее, во имя этих старых требований они ведут отчаянную борьбу со всякой новой и прогрессивной идеей; как настоящие реакционеры, они восстают против малейшей революционной попытки в какой бы то ни было стране. Рано или поздно французские рабочие поймут, как социалдемократы исказили историю и принципы социализма, стараясь их уверить, что “Коммунистический Манифест” принес человечеству новую идею. Ничего подобного! Наоборот, в его практической части, там, где говорится о непосредственных требованиях, авторы ввели столько авторитарности, государственных монополий, такое непризнание права личности и меньшинства, что сделали ненавистным социалистическое равенство и вызвали индивидуалистическое движение, которое завершилось каннибальской моралью Ницше.

Вот их социалистические реформы:

1. Экспроприация поземельной собственности и обращение земельной ренты на *государственные расходы*¹⁾);
2. Сильный прогрессивный налог²⁾);

¹⁾ Вся земля государству! В Турции земля—собственность государства, султана, который уступает часть ее в пользование своим верным.

²⁾ Требование французских демократов.

3. Отмена права наследования¹⁾;
4. Конфискация имущества эмигрантов и мятежников²⁾;
5. Централизация кредита в руках правительства, при посредстве государственного банка³⁾ и государственной монополии⁴⁾;
6. Централизация средств передвижения в руках государства⁵⁾;
7. Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства⁶⁾; возделывание и улучшение полей по общему плану⁷⁾;
8. *Обязательный* труд для всех⁸⁾; образование промышленных армий⁹⁾; в особенности для земледелия¹⁰⁾.

Все, что есть человеческого в этом проэкте идеальной конституции социалдемократии, взято у французских социалистов и демократов. Сами нелепости заимствованы у парагвайских иезуитов, византийских императоров, и печальной памяти Николая I.

Повторяю: преклонение пред Государством и слепая вера в его благо были общими. Демократическая республика, основанная на всеобщем избирательном праве, как современная Швейцария и Французская рес-

¹⁾ Взято у сен-симонистов (См. глава VII).

²⁾ Старая гнусность, практиковавшаяся всеми деспотами и угнетателями.

³⁾ Искаженный Л. Блан.

⁴⁾ Эта государственная—монополия преступление против социализма и ее изобретение могло бы составить славу Энгельса, если-бы только не практиковала ее раньше Византия (См. Prof. E. Nys. „Les recherches sur l'histoire de l'économie politique“, Брюссель 1898).

⁵⁾ Осуществленная Бисмарком и царем, великими социалистами!

⁶⁾ Опять Л. Блан, плохо переданный.

⁷⁾ Возмутительная вещь, заимствованная у Парагвайских иезуитов.

⁸⁾ Как на каторге для каторжников.

⁹⁾ Точь в точь, как у Парагвайских иезуитов. Кто был Кандид? Кто был доктор Панглос?

¹⁰⁾ Император Николай вводил уже военные земледельческие колонии. Настоящая каторга... Бедное человечество! Ты стоишь в большинстве из земледельцев и для тебя Маркс и Энгельс приготовили рабство, под именем социализма... Нет, тысячу раз нет! Они ничего не имели общего с Фурье, Сен-Симоном или Р. Озюком.

публика, совершала по тогдашним предрассудкам социальное обновление человечества. За исключением Прудона во Франции и оуэнистов в Англии, каждый вполне искренно думал, когда будет введено всеобщее избирательное право, попасть в ряды правительства вместе с своими друзьями и сторонниками. И каждая партия была уверена, что осуществит тогда социальную справедливость:

Демократы, путем политики (Ледрю-Роллен);
Социалисты, путем организации труда (Л. Блан);
Революционеры путем диктатуры пролетариата (Бланки);
Немецкие коммунисты—путем монополий, конфискации, промышленных армий и дисциплины.

XII.

Общая идея социальной революции.

Мы видели, что по мнению Р. Оуэна и Фурье государство в будущем обществе должно уступить место свободной федерации автономных коммун. Сен-Симон и его школа тоже мечтали о солидарном человечестве о „земном шаре, возделываемом федерированными ассоциациями“. По исчезновении государства, общество само должно будет устраивать материальную, умственную и нравственную жизнь. Отсюда название „социалистическое“, данное будущей организации: под этим словом подразумевался общественный порядок, устроенный самим обществом и для общества. Кто говорит *социализм*, отрицает в действительности Государство и Власть.

Но новое поколение, жаждавшее осуществить социализм, хотело воспользоваться Государством и политикой, *как средством*. Демократы и социалисты различных оттенков не хотели или скорее не могли предвидеть бесчисленного количества потребностей всякого политического государства, которые общество обязано будет сносить. Чтобы государство могло правильно функционировать, необходимо сохранить все его административные и юридические колеса, с армией паразитов (гражданской и военной бюрократией). Следова-

тельно, налоги и административная иерархия—эти два источника всех зол и несчастий—останутся в прежней силе. Таким образом, вместо того, чтобы облегчить бедность и страдания народа, „социалистическое“ государство санкционирует их своим „прямым законодательством“, „диктатурой пролетариата“ и тому подобными панацеями.

События 1848 года не замедлили доказать эту истину. В то время как Л. Блан и рабочий Альбер, оба члены временного правительства, выработывали в комиссии социалистические реформы, заседая в Люксембургском дворце; в то время, как Ледрю-Роллен, министр внутренних дел, рассылал по провинциям своих комиссаров с циркулярами, полными благородных намерений—бедность в народе возростала и государство принуждено было увеличить налог на каждого производителя на 50 сантимов. Часто в этом обвиняли, как и вообще в банкротстве всех социальных реформ второй республики, то или другое лицо, ту или другую политическую или социалистическую партию. Конечно, не мало было людей нечистых и развращенных, как Мари, Марра, Жюль Фавр, Кавеньяк и др., которые старались потопить в крови парижского народа все социалистические требования,—что им и удалось сделать в июньские кровавые дни. Но нужно сознаться, что ни Л. Блан, ни Альбер и их друзья, ни Ледрю-Роллен и честные радикалы, ни в особенности Бланки и социалисты революционеры не изменяли народному делу. Наоборот, они трудились и боролись за *социальные требования*, вполне согласно с своим принципом: Ледрю-Роллен посредством политики; Л. Блан посредством прямого законодательства; Бланки посредством диктатуры пролетариата... Но государство, поглощая все, давая все, осталось одно среди развалин!..

Еслибы еще несчастье остановилось на этом!... Всего хуже было то, что эти доктрины о „социальных переворотах“, сверху, посредством законодательной и диктаторской власти, парализовали народное действие и революционную инициативу. Монархия была свергнута, организовано революционное (республиканское) правительство, и народ спокойно ждал этих обещанных „социальных преобразований“. В продолжение трех месяцев были заняты выборными законами. И никто не по-

ставил такого простого вопроса: „политическая или социальная революция была совершена 24 февраля? и какая разница между этими двумя революциями? В свою очередь народ думал, что можно осуществить социальную справедливость, организовать социалистическое производство и солидарность в Государстве, в котором все классовые привилегии, вся государственная и бюрократическая организация остались в полной силе. И в наше время все говорят о социальной революции, не давая себе ясного отчета в том, что такое социальная революция.

Всем известно, что дворцовая революция означает замену одной главы государства другой; государственный переворот означает замену одной системы правления другой; политическая революция означает ниспровержение данного политического строя восставшим народом и организация нового, в интересах восставших... Во всех случаях мы видим, что действие направлено непосредственно на главный предмет: в дворцовой революции устраняют (часто убивая) главу государства; во втором случае уничтожают правительство, в третьем — ниспроверяют весь строй, и только после уничтожения короля, правительства, разрушения всего политического строя, начинают вводить то, что ставилось целью. А социальная революция? Какую цель должна она себе ставить, что должно быть предметом ее нападения? Что должна она уничтожить прежде чем приступить к социалистической организации? — Коронованную особу? Нет. — Какого-нибудь министра? — Нет. — Исключительно политический строй? Опять нет, ибо тогда она будет не чем иным, как новым повторением старой истории.

На что же тогда социалистическое и революционное движение должно направить свои первые удары? — Не на экономические ли привилегии, частную собственность и капиталистическую эксплуатацию, — не на все ли учреждения, которые создают, как заявил Интернационал, „порабощение рабочего капиталом“ и которые „являются источником долгого политического, нравственного и материального рабства“?

Ни в 1848 году, ни во время Коммуны не был поставлен вопрос о главной цели революции — отмене единоличного владения, частной собственности. Парижские рабочие при криках: „Смерть ворами!“ казнили не-

скольких несчастных голодных, которые думали, что в день торжества революции, выдающей себя за социальную, они могут тоже досыта наесться и переменить свои лохмотья на новую одежду аристократии, буржуазии. Под влиянием общего предрассудка, что правительство, законодатели, должны организовать социалистическое государство, народ отказался от своей собственной инициативы. Идея, столь справедливая, Бабефа и его друзей, что „бедные должны быть *немедленно* одеты... и помещены в *тот же день* в домах богатых“... это истинное понимание социальной революции не только было забыто, но всякий сторонник подобной ереси обзывался агентом-provокатором.

Когда владеющие классы не тронуты, бюрократия остается хозяином, армия и суды охраняют существующий экономический и социальный порядок... Что могут сделать представители народа? Голосовать социалистические законы? Но кто будет их приводить в исполнение, когда народ не свергнул во время восстания власть собственников?—Захотят ли эксплуататоры и администрация вместе с господами офицерами и полицией подчиниться постановлениям законодательного собрания? Или, скорее, устраивая заговор за заговором, не произведут ли они государственный переворот и не сошлют ли господ законодателей?—Тьери, Кавеньяк, Наполеон Малый (Napoléon le Petit) дали достаточно доказательств, что те, кто владеет богатствами и государственной властью, не подчинятся парламентам, даже самым социалистическим, какие только можно себе вообразить.

К несчастью, еще в настоящее время, различные социалистические партии, называющие себя революционными, смотрят на социальную революцию так, как смотрели на нее в 1848 году. Они думают, что их обязанность состоит в том, чтобы совершить политическую революцию, вручить политическую власть в руки своих депутатов и терпеливо ждать, чтобы эти господа выработали и провозгласили „социальные преобразования“. Удивляешься и приходишь в отчаяние от этого упорного нежелания ничему не научиться из всех кровавых уроков истории.

Что люди 48 года думали совершить эти „преобразования“ путем декретов, не нуждаясь в том, чтобы

народ своими революционными силами, как только будет воздвигнута первая баррикада, завладел всеми общественными и личными богатствами; что эти люди, говорим мы, верили в эту возможность,—ничего нет удивительного: большинство из них были политические демократы, воодушевленные искренним желанием *улучшить* экономическое положение народа и облегчить его страдания. Тогдашние социалисты, как мы видели, умилялись пред государством и—как и Прудон, полемизировавший с ним—не были *революционерами*... Да, Прудон и его друзья так же далеки были от истинного понимания революции, как и Л. Блан, Ледрю-Роллен или В. Консидеран: эти последние, по крайней мере, старались принять некоторые немедленные меры, тогда как Прудон, как мы позднее увидим, проповедывал кредит, кооперацию,—все вещи принятые и практиковавшиеся оуэнистами, как мирные средства объединения.

Один только человек понимал смысл социальной революции,—это был великий узник девятнадцатого столетия—Огюст Бланки, который начал свою революционную деятельность пропагандой *дела* и который, прежде, чем умереть, завещал нам боевой клич „Ni Dieu, ni maître!“ (Ни бога, ни начальства). Да, он прекрасно понимал, что:

„Раз более или менее революционное правительство в продолжение двух суток имело власть в своих руках и не могло заинтересовать широкие народные массы в своем сохранении, то такое правительство есть правительство банкротов“.

Какими средствами по мнению Бланки революционное правительство должно было заинтересовать народ в своем сохранении, он нам дал объяснение в своей прокламации, от марта месяца 1848 года:

„Нет свободы, говорил он, для того, кому не хватает хлеба!“

„Нет равенства там, где излишества выставляются на показ рядом с нищетою!“

„Нет братства, когда женщина из народа плетется голодная с своими детьми к дверям богачей!“

„Тирания капитала безжалостнее тирании военной и духовной власти нужно ее разбить...“

„Не нужно бесплодных формул!..“

В течение двух суток дать народу хлеб, разбить тиранию капитала может сделать одна только революция, — *народная*. У Бланки, как у „Равных“, бедные „должны были быть *немедленно* одеты и помещены в *тот же день* в домах богачей.“ Вот истинная идея социальной революции. Другого ее понимания быть не может.

Мы, анархисты-коммунисты и революционеры, отличаемся от этих честных и смелых предшественников только в том, что мы признаем за народом право и инициативу *самому* совершить эту немедленную ликвидацию. Мы говорим: как только заложены первые камни первой баррикады и молодежь начинает битву, мирные люди, женщины и старики должны немедленно вступить в коммунистическое владение всеми богатствами и орудиями производства. И мы знаем, что если народ вступит во владение всеми существующими богатствами, какая бы партия ни восторжествовала потом, какое бы правительство ни появилось на сцену, они принуждены будут или признать совершившийся факт, или брать приступом каждую улицу, каждый дом. В действительности, „Равные“ и Бланки оставляли тоже за народом право этой революционной инициативы, потому что — какое же правительство может ввести обездоленных во владение всеми существующими богатствами, немедленно в тот же день или в течение двух суток?

Повторяю: не существует другого понимания социальной революции. Те, кто называют себя социалистами, революционерами, должны действовать согласно этому пониманию, или отказаться от названия революционера. И они должны так поступить, ибо можно быть мирным реформатором, сторонником мирной деятельности и приобрести уважение всего света. Томас Мор, Оуэн, Фурье служат тому примером.

Но странная вещь! В силу какой-то мании честолюбцев присваивать себе все, сторонники реформ свыше, г. г. депутаты-социалдемократы, повторяющие общие места демократов 1848 года, выдают себя за революционеров. Они не хотят понять, что они повторяют ошибки 1848 года и готовят народу кровавое поражение, разочарование более ужасное, чем последовавшее вслед за июньскими днями и Коммуной. Несмотря на

их нелепую веру, что число капиталистов уменьшается, мы знаем по статистике, что число защитников капиталистического рабства более чем учетверилось; следовательно, если Государство, которое им так дорого, останется; если буржуазия и аристократия вместе с церковью и милитаризмом останутся хозяевами существующей несправедливой организации, депутаты социал-демократы могут, сколько им угодно, упражняться в декламаторском искусстве,—их проэскты будут погребены там же, где и проэскты комиссии 1848 года.

Не законы открывают новую эру в общественной жизни. Законы всюду и всегда лишь санкционируют обычаи, *уже* вошедшие в нравы, факты *уже* совершившиеся, путем простого согласия или революционного действия народов и наций.

Как думают, так, сообразно с этим, рано или поздно, и поступают. Поэтому необходимо, чтобы социалисты всех фракций серьезно подумали о настоящем смысле идеи социальной революции.

Может быть, они придут к тому убеждению, что, как политические революционеры Мадзини, Гарибальди и др., не переставая, с оружием в руках, боролись против деспотизма и угнетения, так же и социалисты, называющие себя революционерами, должны, не покладая рук, бороться против эксплуатации и социального рабства. Когда наступит час революции, надо действовать, как действовал в восемьдесят девятом году народ по своей собственной инициативе. Чтобы, как говорит аббат Грегуар великому немецкому историку Шлоссеру, каждая деревня, каждая волость имели своего Дантона и своего Робеспьера, но чтобы они были теперь коммунистами и антигосударственниками.

XIII.

П.-Ж. Прудон.

Доктрина государства и парламентской деятельности, введенная в социализм Л. Бланом и социалистами революционерами, Ледрю-Ролленом и социалистами де-

мократами ¹⁾, но в особенности развитая в систему крайнего государственного всемогущества Марксом и Энгельсом, не замедлила к счастью вызвать энергичные протесты со стороны независимых социалистов. Среди голосов, поднявшихся против этой пагубной доктрины солдатского равенства, государственной монополии и принудительного труда для „промышленных армий, особенно, что касается земледелия“, — голос Прудона был самым сильным и могучим. И потому на него сыпались нападки, оскорбления и клевета со стороны всех апостолов государства и порабощения, начиная с Маркса и кончая самыми полнейшими ничтожествами, стремящимися получить капральский чин в этой промышленной армии, в которой г.г. Гэд и Девиль будут пожалуй главными командирами.

„Софист, невежда, реакционер, буржуа, мелкий буржуа“ — таковы прозвища, которыми в изобилии наделяли его; и все это потому, что Прудон защищал права человека, групп и коммун, мютюализм в отношениях между свободными и автономными производителями, федерализм в общественной жизни. В особенности на него сердились и сердятся до сих пор за то, что он противопоставил анархию деспотизму доктринеров, их монополии, их дисциплине, навязанной человечеству в форме государственного коммунизма.

Конечно, Прудон не был одним из тех мыслителей и реформаторов, которые открывают человечеству новые горизонты и пути. Он не обладал ни исключительными способностями анализа и обобщений какого-нибудь Ад. Смита, ни даром проницательности, глубокой взглядов Фурье или Р. Оуэна. Но если сравнить его с Марксом, Л. Бланом или Лассалем, то, конечно, он был выше их по оригинальности и по таланту. Вспоминая историю его жизни, удивляешься той энергии, настойчивости и жару, какие он обнаружил еще совсем ребенком, стараясь в одно и то же время зарабатывать себе кусок хлеба и учиться. Было легко Л. Блану, сыну главного инспектора в министерстве финансов, или Марксу, сыну адвоката, или Лассалю, сыну банкира, учиться, углубляться в философию, историю и социологию. Прудон же — сын бедного рабочего; восьми лет он

¹⁾ В наше время они называются социалдемократами.

стережет скот и учится, списывая учебники у других детей или прося у них одолжить их себе на ночь. Позднее, он ходит в школу, без шляпы—которой у него нет—и оставляя свои деревянные башмаки у входа, чтобы не производить шума. Потом, уже ремесленным учеником, он бродит по Франции... И вдруг, в тридцатилетнем возрасте он выпускает свой знаменитый первый труд: *„Что такое собственность!“*

Неизвестный, без средств к существованию, он об'являет войну существующему строю не только в его экономических основах, но и в политических. Он нападает не только на аристократическую форму правления или конституционную, но и на самую радикальную, самую республиканскую форму... Если я не ошибаюсь, Прудон первый с неподражаемым жаром выступил против права большинства навязывать свои решения меньшинству. По его мнению, рабство мысли признается законом, как обязательное постановление, при режиме подчинения большинству.

В литературном и научном мире, политические деятели и правительство увидели в Прудоне выдающуюся по своим способностям личность: правительство его преследовало, научный мир и буржуазная пресса на него клеветали, но все друзья прогресса, социалисты всех школ приветствовали в нем самого смелого и блестящего защитника народа. Многие социалисты и революционные демократы, правда, были немного задеты некоторыми местами книги; но его блестящая и смелая речь, его энергичный и полный живости стиль завоевали ему их уважение и даже вызвали чувство восхищения.

Представьте себе эпоху, в которую социалисты и революционеры, как мы видели, надеялись осуществить свои реформы путем вмешательства Государства и посредством законов; прибавьте к этому, что сочинения, проникнутые сочувствием к народу, как, напр., книжки Е. Бюре, Виллерме¹⁾ и др., что даже сочинения социалистов, проповедующих коммунизм, как Л. Блан, были написаны очень умеренным и почти академическим языком... И вдруг появляется какой-то грубый крестья-

¹⁾ E. Buret «La Misere des classes laboricuses en Angeterrel et en France,» Париж, 1840. Книга, обнаруживающая редкое и

нин, который открыто говорит всем, кто проживает больше пяти франков в день¹⁾, что они все воры! или еще, что ни правительство, ни большинство не имеют права навязывать свою волю меньшинству... Разумеется, каждый почувствовал себя немного оскорбленным.

Это не помешало всей Европе признать в Прудоне того, кем он не переставал быть в продолжение всей своей жизни: самого смелого поборника благоденствия „своих братьев рабочих“, умственного освобождения человека, освобождения личности и меньшинства от всякой государственной опеки и власти. В тюрьме, в изгнании, он остался верным этому взятому на себя в молодости обязательству; сама смерть его застала посредине его неоконченного труда: „de la capacité politique de la classe ouvrière“.

В эпоху, когда появилось „Что такое собственность“, Париж становился настоящим центром для всяких новаторов, политических, социалистических революционеров, литераторов и даже музыкантов. Между прочими видными личностями из молодых были в Париже Маркс, Бакунин, Герцен и Грюн, все — социалисты, философы и горячие революционеры и все, за исключением Герцена отчаянные нео-гегельянцы. Они не замедлили завязать дружеские сношения с молодым Прудоном, таким блестящим и смелым в своей разрушительной работе. Поочередно один за одним проводили они с ним в спорах дни и целые ночи напролет, поучая его метафизической философии и методу диалектического доказательства, методу ненаучному, произвольному, и посредством которого можно доказать какую вам угодно нелепость, но никогда нельзя доказать истины, или какого-нибудь закона позитивных наук. Начиная с своего изобретателя Зенона Элейского, — который путем диалектики доказал тот абсурд, что Ахиллес никогда не

глубокое знание сюжета и очень гуманная по своим взглядам. Книга Энгельса, изданная в 1845 году, простая компиляция этого произведения.

Villermé. „Tableau de l'état physique et moral des ouvriers,“ Париж, 1840.

¹⁾ В 1848 году, когда его газета „Représentant du Peuple“ имела широкое распространение, Прудон получал только 5 фр. в день как все наборщики и рабочие. Социалисты нашего времени находят это немного глупым...

может перегнать идущую перед ним на расстоянии десяти шагов черепаху,—и кончая Марксом, который формулировал в такой ученой терминологии свой мнимый и абсурдный закон концентрации капитала, диалектический метод только затемнял наиболее блестящие умы. Это случилось и с Прудоном.

В своем большом труде (1844 — 1846): „*Système des contradictions économiques*“ (Система экономических противоречий), где уже видна метафизика, Прудон сам начинает уже путаться в своих противоречиях¹⁾.

Его биограф Ланглуа говорит нам, что Прудон признавал трех авторитетов, имевших решительное влияние на его умственное развитие: Библию, Ад. Смита и Гегеля. В молодости, задавленный бедностью, лишенный всякого понятия об индуктивной науке, он упражнялся в разборе легенд и первобытного законодательства кочующего израильского народа. Великий труд Ад. Смита освободил его от всех теологических заблуждений, и мы видим его логичным, ясным, сильным в своей первой книге о собственности. Но Гегель и диалектика сбили его с толку и часто приводили к плачевным умозаключениям. И его противники не упустили случая высмеять его, в особенности Маркс, Энгельс и их ученики.

Странное превращение! Тот же Маркс, который был одним из учителей Прудона по диалектике, смеялся над ним потом и называл его софистом. Однако Прудон никогда не совершил такой ужасной и софистической ошибки, как фантастический закон концентрации капитала, который является шедевром софистической диалектики. Никогда также он не оправдывал, как Энгельс, рабства, эксплуатации и всех социальных несправедливостей посредством возмутительных софизмов. Никогда он не говорил, напр., что не сила и насилие, а метафизические законы производства создали современный строй ужасов и отчаяния. Никогда также Прудон

¹⁾ Другой человек блестящих способностей, русский великий литературный критик Белинский, который был настоящим учителем Тургенева, Достоевского, Толстого и Гончарова, путался в продолжение целых годов в раздражающих противоречиях, в особенности в политических вопросах. Интересно, что тот же Бакунин научил русского критика метафизике Гегеля. Как Прудон, Белинский не знал немецкого языка.

не пропагандировал этого заблуждения, что „всякая экономическая борьба есть борьба классов и как таковая—борьба политическая, т. е. парламентская, легальная“. Прудон был слишком француз, слишком крестьянином здравого смысла, чтобы дойти до таких глупостей и безнравственности.

XIV.

Мютюализм и анархизм Прудона.

Несмотря на пагубное влияние диалектической метафизики Гегеля, Прудон сумел развить все идеи, высказанные уже им в его первой книге о собственности. Я подразумеваю здесь не только его знаменитые, поражающие своей смелостью афоризмы, как:

„Рабство—это убийство“.

„Собственность—это кража“.

„Бог—это зло“,

но также и требования, которые хотя и не принадлежали ему исключительно, но тем не менее были формулированы и развиты им в первый раз, в его сочинениях, и которые можно свести к этим трем основным принципам всей философии Прудона:

1. *Экономическая* и социальная свобода личности, что он так хорошо формулировал, говоря, что „l'homme ne veut plus qu'ôner l'organise, qu'on le mécanise“¹⁾. Если мы вспомним события этих последних сорока лет: манифестации и борьбу за коммунальную автономию, акты непокорности и личного протеста, наконец, освободительное течение в философии (В. Вундт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль, Гюйо и др.), в литературе, поэзии, драме, романе (В. Витман, Ибсен, Макей, Гауптман, Толстой и Золя в последние годы), мы должны признать, насколько Прудон был прав, утверждая эту истину²⁾.

¹⁾ Человек не хочет больше, чтобы его организовали, чтобы его употребляли, как машину.

²⁾ Проф. В. Вундт: „Relation de la Philosophie“ и т. д. Речь 1899 года.—Г. Спенсер: „Личность против Государства“.—Дж. Ст. Милль: „О свободе“.—М. Гюйо: „La Morale sans sanction ni obligation“ (Нравственность без санкции и обязательства).—Толстой и Ибсен, Гауптман и Макей хорошо известны своим прославлением личности и свободы в нравственности и политике.

В действительности, человечество, в лице своих лучших представителей, всегда стремилось к такому социальному строю, в котором человек будет свободным, независимым от всяких повелений именем Бога, Государства или большинства.

Как говорил Ж.-Ж. Руссо, цитированный Прудоном, „противно природе, чтобы меньшинство управлялось большинством“¹⁾.

2. Второй принцип, защищаемый Прудоном, в противовес более или менее авторитарным социальным системам, бывшим в ходу перед кровавыми июньскими днями, это *мютюализм* в производстве и обмене. По Прудону система свободных *рабочих компаний*, состоящих из людей, вполне независимых, должна была заменить как будущую организацию государственного коммунизма, так и капиталистическое рабство. За этого отрицания авторитарного коммунизма, социалистического Государства, за признание им прав за каждым членом рабочих компаний свободно располагать продуктом своего труда Прудон и обзывали буржуем и индивидуалистом. Что это, недоразумение?

В те времена, когда он вел свою полемику—часто несправедливую — против коммунистов и социалистов революционеров, можно было его упрекать разве в том, что он проповедывал просто индивидуалистическую кооперацию. Но важные политические события той эпохи, кровавая борьба за тогдашние социальные реформы давно прошли, и мы можем вернее судить теперь о двух враждующих партиях: оба они были искренне социалистическими, оба горячо защищали интересы народа.

Что подразумевал Прудон под мютюализмом? Ни более ни менее, как коллективизм, принятый в 1868 году великим Международным Товариществом Рабочих.²⁾ Но дадим слово ему:

„По отношению к лицам и семьям, труд которых составляет предмет ассоциации, компания (свободных производителей) руководствуется следующими правилами:

1) „L'Idée générale de la Révolution“, 1851, стр. 280.

2) По какому-то странному недоразумению часто приписывают коллективизм Марксу, который был и оставался всю жизнь чистокровным коммунистом.

„Каждый человек, занятый в ассоциации, мужчина, женщина, ребенок, старик, шеф бюро, старший мастер, рабочий, ученик, имеет право в собственности компании;

„Он имеет право последовательно пройти через все должности, все степени, сообразно полу, таланту и старшинству;

„Его воспитание, образование и обучение ремеслам должны быть направлены, стало быть, таким образом, чтобы, принужденный выполнить *свою долю неприятных и тяжелых работ*, он перебивал в целом ряде ремесл и приобрел целую серию знаний, которые делают его годным ко всякой работе и обеспечат ему достаточный доход.

„Все должности—избираемы; уставы обсуждаются и принимаются членами ассоциации;

„Заработная плата пропорциональна роду занятий, величине таланта и степени ответственности.

„Каждый член ассоциации участвует в прибыли и расходах компании, пропорционально своим заслугам.

„Каждый свободен по своей воле покинуть ассоциацию, следовательно, рассчитаться и ликвидировать свои права; в свою очередь компания тоже свободна принять новых членов.

„Эти главные принципы... дают разрешение двух важных проблем общественной экономии: *коллективной силы и разделения труда*“¹⁾.

Как мы видим, Прудон очень далек от господ индивидуалистов наших дней. Он не только признает договор, *контракт* между свободными членами ассоциации, но он признает также коллективное воспитание, выборные должности, коллективный труд и коллективные, даже тяжелые неприятные работы. Что касается обвинений коллективистов и парламентаристов, я думаю, что большинство их не знает, кем была формулирована идея коллективизма. Честолюбцы и кандидаты на государственную власть в коллективистическом государстве клеветают на Прудона, чтобы отвлечь от него внимание и симпатии пролетариата, чтобы этот последний не видел, что настоящий коллективизм был задуман вне всякой бюрократической и государственной регламентации, что заимствуя идею коллективизма у сен-симонистов,

¹⁾ „L'Idée générale de la Révolution“, стр. 256—257.

Прудон, как и Фурье, принял все меры, чтобы гарантировать полную свободу каждому члену. Эти кандидаты на правительственные места делают также все усилия, чтобы масса не видела, что система фаланстер Фурье, коммунизм Р. Оуэна и коллективизм Прудона должны были осуществиться, как испытанные *социалистические* организации, *самим обществом*, уничтожая Государство и его чиновников, включая сюда и будущих законодателей и администраторов коллективизма.

В своих взглядах на общественную организацию, так же как и в других, Прудон совершенно непохож на легендарного индивидуалиста. Далеко не отрицая всякое соглашение, он хотел заменить Государство—автономным обществом, политическую организацию—*организацией экономической*, централистическую администрацию— „рабочими компаниями“, федерирующимися между собою на анархических основах или, употребляя его выражение, на принципе „selfgouvernement“. Шестой и седьмой этюды его построительного труда: „L'Idée générale de la Revolution“ носят название „Организация экономических сил“ (Organisation des forces économiques“) и „Растворение правительства в экономической организации“ (Dissolution du gouvernement dans l'organisation économique“).

Прежде, чем цитировать взгляды, принадлежащие Прудону, я хочу напомнить читателю, что тенденция к разрушению политического Государства с его полицией и начальством была общая всем социалистическим школам. От Сен-Симона, который с особенной силой настаивал на промышленной организации, до В. Консидерана и фурьеристской школы, все были согласны относительно уничтожения политического государства в коммунистическом обществе. Наиболее блестящий ученик Сен-Симона, Огюст Конт, в своих „Opuscules“ (1819 — 1825), кратко, но очень ясно излагал философскую и общую основу человеческого прогресса в истории. Эти идеи, развитые им позднее в его „Курсе позитивной философии“, оказали сильное влияние на великого английского историка-философа Г. Т. Бокля. Они отразились также в сочинениях тогдашних социалистов, также как у Прудона и позднее у Маркса, который хотел даже присвоить их себе под смешным названием материалистического объяснения истории. По Конту „обще-

ственная организация всегда зависит от состояния цивилизации, а ход самой цивилизации подчинен закону“. Главная цель человеческой деятельности, индивидуальной или коллективной, говорил он, это *„влиять на природу... чтобы изменять ее в свою пользу... коллективно развивать это природное стремление, регулировать его и соображаться с ним, чтобы полезное действие было как можно больше...“* В варварском обществе, „где промышленность находилась в *детском состоянии*, общество должно было избрать войну целью своей деятельности... И *все изменения, случившиеся в цивилизации, были результатами все возрастающего распространения научного и промышленного элемента“*.

Согласно с этой философией *своего времени*, Прудон заявляет, что:

„Законы общественной экономии независимы от воли человека и законодателя: наша привилегия — их признать, наше достоинство — повиноваться им (стр. 255). — Внизу правительственного аппарата, в тени политических учреждений, вдали от взоров государственных деятелей и священников, общество медленно, в тиши рождало свой собственный организм; оно создало себе новый порядок, выражение своей жизненности и автономии...

„Эта организация... будет основана на принципах:

„а. Бесконечное усовершенствование индивидуума и вида;

„б. Всеобщее благоденствие;

„Ее формы практической деятельности:

„а) *Разделение труда...* (классификация по видам промышленности);

„б) Коллективная сила, рабочие компании, заменяющие армии;

„в) Торговля, конкретная форма *контракта*, который заменяет закон...“

Чтобы определить, что такое контракт, Прудон опять цитирует Руссо: „Найти такую форму ассоциации, которая всей своей общей силой защищает и охраняет личность и имущество каждого члена ассоциации, и в которой *каждый, соединяясь со всеми, повинуетя только самому себе*, и остается таким же свободным, как и раньше“. (стр. 129).

Вполне естественно, что человек, высказывающий такие идеи, должен был отрицать государство и власть не только в прошлом, но и в будущем обществе. Так как прогресс и развитие человечества были рассматриваемы, как результаты способов производства и обмена, а эти последние, как следствия „постоянно возрастающего распространения научного и промышленного „элемента“ (О. Конт), то вполне можно было выступить не только против той или иной формы правления, но против принципа власти вообще. Прудон и сделал это, нападая даже на самых передовых социалистов, что, конечно, очень жаль, так как это наделало много вреда и социалистическим партиям и самому Прудону. Но если рассматривать сами идеи, а не социалистическую борьбу, то нужно согласиться, что он был в то время наиболее последовательным из всех, в особенности, когда он говорил:

„Уничтожить политическую или правительственную систему, заменить ее экономической системой, уменьшая, упрощая, децентрализируя, уничтожая одно за другим колеса этой громадной машины, носящей название правительства или государства“, (Стр. 196).

Как все деятели 1848 года, Прудон смотрел на социальный вопрос с *практической* точки зрения: народ требовал немедленных социальных реформ, не минимум, не восьмичасовой рабочий день, а настоящих социалистических реформ. Луи Блан и Люксембургская Комиссия, В. Консидеран и его друзья, Бланки и революционеры,—все, решительно все были озабочены немедленными практическими реформами. И Прудон также предлагает нам целую выработанную систему социалистических реформ, чтобы осуществить анархию или свободное общество солидарных производителей. Эти реформы должны были осуществиться посредством отмены права наследования и всех привилегий, посредством организации коллективных мастерских, но, в особенности, посредством организации обмена и дарового народного кредита.

„Я хочу, говорил он, мирную революцию; но я хочу ее *быструю, решительную, полную*. Я хочу, чтобы за этим строем угнетения и бедности последовал строй благоденствия и свободы; чтобы учреждение политической власти было заменено организацией экономиче-

ских сил; чтобы человек, гражданин... был связан (с обществом) только путем свободного контракта". (Стр. 197). „На место правительства, повторяет он снова, мы устроим *промышленную* организацию (стр. 283). Когда революция... организует промышленные силы, политическая централизация не будет больше иметь повода к существованию: она растворится в *промышленной* солидарности, солидарности, о которой можно сказать, как Паскаль о вселенной, что ее центр повсюду, ее окружность нигде". (Стр. 326—327).

Те же принципы мютюализма в личных отношениях, коллективизма в производстве, личной и общественной свободы, свободного и добровольного соглашения в национальной жизни Прудон прилагает и к международным отношениям. Отсюда его горячая пропаганда принципа федерализма.

„Истина везде равна сама себе. Если, следовательно, не религия и не власть, а наука принята в каждой стране за общественное правило, за верховного судью интересов, правительство теряет всякую силу, и законодательства всего мира становятся одинаковыми. Нет больше национальностей, нет больше отечества в политическом смысле слова; есть только родина. Человек, какой бы расы и цвета кожи ни был—гражданин вселенной, он имеет повсюду право жительства". (Стр. 329).

Читая эти замечательные места, которые под влиянием французских делегатов—всех прудонистов и мютюалистов, были положены в основу статута Интернационала, невольно задаешь себе вопрос, в силу какой причины клеветали на мыслителя, которому обязаны такой массой гуманитарных идей? Ответ простой. На Прудона клеветали и клеветают защитники угнетения и привилегий, реакционеры и обскурантисты, которые хотят держать народ в невежестве. Когда-то реакционеры действовали именем Бога и Церкви. В наше время они делают свое дело именем коммунистического Государства и метафизической *диалектики*. В особенности искатели власти в будущем рабском обществе, в котором все включены в „промышленные армии, особенно для земледелия“, апостолы метафизического невежества с остервенением нападали и нападают против Прудона; они клеветают на него, как они клеветают на всех тех,

кто, разделяя его идеи, стремится к солидарному и автономному обществу и которые, одним словом, вместе с Прудоном называют себя анархистами.

XV.

Жозеф Дежак.—Международная Ассоциация социалистической демократии.

(1848—1860).

Органическая основная ошибка Прудона и его друзей состояла в том, что они думали, что путем мирных реформ можно было прийти к социальному перевороту. „Я хочу, говорил Прудон, мирной революции; но я хочу ее быстрой, решительной и полной“. Детский взгляд и пагубный, в особенности для людей, живших в период народного возбуждения, в разгар революции.

Каким образом может совершиться *мирная революция*? Всякое мирное действие называется реформой. Реформа может быть радикальной и существенной, „*быстрой и решительной*“, какой была отмена крепостного права в России и в 1861 году. Но мирная революция — явление, неизвестное в истории, понятие убудочное, лишенное логики. До тех пор, пока народ не возьмет в свои руки все богатства, принадлежащие государству и владеющим классам, мирные реформы могут производиться только с их согласия и именем государства, против которого Прудон с таким жаром и основанием боролся с самого 1840 года. Далее, идея совершить этот мирный переворот посредством дарового народного кредита, повторение менового банка оуэнистов 1832 года, могла быть хорошим средством для пропаганды и организации, для объединения рабочих в виду повседневной классовой борьбы, но никак не для уничтожения привилегий и эксплуатации буржуазии, которая владеет и управляет всем: кредитом, государственной властью, прессой, образованием. *Мютюализм* может быть основой общественной жизни в свободном и равноправном обществе, но не в обществе капитали-

стическом и рабском. Этого не хотели понять Прудон и его друзья. И потому они не имели никакого заметного влияния на события 1848 года, ни во время кровавой борьбы июньских дней.

Как всегда бывало в истории, народная масса сама дала настоящее направление событиям. Обманутый республиканской буржуазией в своих требованиях, парижский народ решил совершить настоящую социальную революцию. К несчастью было слишком поздно. И ему оставалось только погибнуть под подавляющей силой *республиканской и демократической* армии, которой командовал палач Кавеньяк ¹⁾.

И эти геройские борцы гибли массами за социальное освобождение. Повторяя крик лионских ткачей: „Жить работая умирать в борьбе!“ лучшее парижское население умирало на баррикадах. Немногие из них уцелели, но между этими уцелевшими были рабочие, так же хорошо владевшие пером, как рабочим инструментом и боевым орудием. Они сохранили в целостности народные требования и передали будущим поколениям свои суждения о людях и событиях тогдашней эпохи, свои требования, верные вековым стремлениям народа к экономической справедливости и всеобщему благоденствию.

Между этими последними самым замечательным по моему мнению, был Жозеф Дежак, который в продолжение долгих лет изгнания и бедности издавал свою коммунистическую и анархическую газету *Le Libertaire*. Я оставляю слово ему, чтобы показать, к каким результатам пришло рабочее движение и социалистическая пропаганда, движение, которое я только что вкратце обрисовал.

Мы увидим, что предсказание английского коммуниста Томпсона, который говорил, что „скоро производители заговорят громким, голосом... и они одни с того времени будут управлять делами человечества, которые составляют главным образом их собственное дело“—

¹⁾ Je vous dis, je vous dis que la justice est lente
Que lui seul est l'auteur de la lutte sanglante
(Говорю вам что нужен скорее суд, что он
(Кавеньяк) один виновник кровавой борьбы),
говорила Г-жа де Жирарден в своем прекрасном стихотворении, вышедшем на другой день кровавых июньских дней.

увидим, что это предсказание начинало осуществляться: что рабочие сами постарались тогда формулировать свою тактику и программу. У Дежака мы уже находим очень ясно выраженными экономические, этические и философские основы пролетарского социализма, одним словом все, что Маркс, Энгельс и их наследники пытались присвоить себе.

Согласный с Прудонем, что касается анархической идеи, но вполне коммунист, Дежак далеко ушел от *мирной революции*. „Эра мирного прогресса откроется только на костях цивилизованного мира, когда монополия испустит последний вздох и продукты труда станут всеобщим достоянием¹⁾. Также отличается он от Прудона и в вопросе о женщине. Вообще он говорит о Прудоне, как о мыслителе который имеет анархические тенденции, но не анархист. „Он имеет в виду, говорит Дежак о Прудоне, не все человечество, а только мужчин (*il n'est pas humaniste, il est masculiniste*), половина его существа парализована и к несчастью со стороны сердца. Но, если он имеет недостатки, как реформатор, он—блестящий агитатор. Великая заслуга Прудона не в том, что он был всегда логичен, а в том, что он заставлял других быть логичными“...

Как истинный анархист, Дежак говорит, что для него „гораздо меньше имеет значение создавать учеников, чем создавать людей, а человеком можно быть только при условии быть самим собою“. И чтобы помочь своим братьям освободиться из-под опеки своих начальников, он излагает приблизительно на семидесяти маленьких страничках с поразительной ясностью общую идею истории развития человечества; идею высказанную Вико, принятую энциклопедистами и Вольнеем, формулированную О. Контом, развитую Боклем и всей современной индуктивной наукой. Это изложение поразительно по своей ясности и по своей научности, и мы рекомендуем его читателям, в особенности молодым товарищам. Прочтите эти страницы одного из ваших братьев, вы, молодежь с завода и мастерских! Вы най-

¹⁾ J. Dejacques, „L'Humanisphère“, Брюссель, издание „Temps Nouveaux“. Следующие цитаты взяты из этого издания. L'Humanisphère выходило в газете *Le Libéraire* в 1858—59 г.

дете там больше науки, чем во всей библиотеке научных социалистов.

Беря человека-животного, как продукт всемирной органической эволюции, Дежак дает очерк истории эволюции первобытного человечества в эпоху варварства и кончает анализом нашей капиталистической цивилизации.

„Из собирающего корни и травы человек превратился в охотника, потом пастуха, земледельца, промышленника. Тысячу секретов узнал он у природы; он обдελывал дерево, лепил глину, ковал металлы (стр. 24). *Голос нужды* кричал им: Иди! и они шли... Человек подходит к человеку, часто чтобы бороться с ним, но *часто также, чтобы оказать ему свою помощь*¹⁾. Мир двигался, или скорее метался из стороны в сторону в крови и слезах. Сильный убивал слабого или завладевал им. Рабство и угнетение, как проказа, присосались к человечеству (стр. 28). И потом, когда проснулся ум, человек „создал Бога, глупого и жестокого, *Бога по своему образу и подобию*“. Им все злодеяния сильного были оправданы. Человек завладел человеком. С этих пор возмущение раба против хозяина было задушено желанием небесных наград или адских мук. Женщина перестала быть человеком, ей отказано было в праве иметь даже душу, и она была введена навсегда в разряд домашних животных. Святое учреждение власти покрыло землю храмами и крепостями, солдатами и священниками, мечами и цепями, военными орудиями и орудиями пытки. Собственность, плод завоеваний, стала священной для победителей и побежденных... В этом наводнении божественных верований потонула свобода человека, а вместе с нею инстинкт отстаивать свои права (стр. 30—31). Но мало-по-малу „наука отняла у него (у Бога) одно за другим все его ужасные преимущества. И однако этот образ еще продолжает служить буквой для человеческой массы. Ах, если бы, вместо того, чтобы падать на колени перед ним, верующие дерзнули

¹⁾ Замечательно, что Дежак указывает на взаимную помощь как раз в эпоху выхода большого труда Дарвина (1859), основанного исключительно на борьбе за существование. Защитники капиталистического строя не упустили случая злоупотребить великим английским ученым, большим другом человечества и угнетенных.

посмотреть прямо в лицо Божеству... (стр. 35). Тогда они увидели бы, что этот Бог—создание первобытного невежества. „Знай отныне, говорит Дежак человеку,— что ты не сын, а отец Бога“ (стр. 35).

Такою же ясностью отличается его анализ современного политического и социального строя. Для Дежака бедность трудящихся масс, которую он разделял с своими братьями рабочими, была чем-то чудовищным. „Я знаю также, по опыту, говорит он, холод и нищету“ (стр. 10). Дравшийся на июньских баррикадах, он знал также, с какою жестокостью буржуазия и республика принуждали народ переносить строй социального рабства и эксплуатации.

„Июнь, эта Жакерия девятнадцатого века, протестовал против нового обмана нового господина. Нарушение права на труд и права на любовь, эксплуатация мужчины и женщины посредством золота вызвали протест пролетариата и заставили его взять оружие. Более тридцати тысяч непокорных, мужчин, женщин, детей, были брошены в галерные тюрьмы и казематы. Бесчисленное количество арестованных были расстреляны, вопреки данному слову... (стр. 60). Никогда еще с тех пор, как мир стал миром, не было подобной бойни (стр. 61). Думали, что потопили социализм в крови. Наоборот, его только что окунули жизнью! Раздавленный на площади, он укрылся в клубах, в мастерских (стр. 62).

„Судьи, шпионы, законодатели и палачи! Шпионьте, ссылайте, казните эту бездну недовольных, которые, противно вам, глотающим и пожирающим бюджеты, не думают, что все обстоит как нельзя лучше... (стр. 67). Ну, и потом?.. Помешаете вы солнцу светить и прогрессу идти своим путем? Нет, ибо вы не можете сделать, чтобы грабеж не был грабежем, чтобы бедность не была бедностью, чтобы банкротство не было банкротством, чтобы революция не была революцией (стр. 69).

„О буржуа! вспомните об июне, вы, которые никогда ничего не производили, а жили вымогательством! закричат вам. Глаз за глаз и зуб за зуб!..

„Ах! Вечно железо, свинец и огонь! Вечно братоубийство между людьми! Вечно победители и побежденные! Когда же пройдет время кровавых испытаний?

От чрезмерного пожирания трупов не помрет ли цивилизация от несварения желудка?..

„Когда люди поймут, что власть — это зло;

„Что собственность, которая также власть — это зло;

„Что семья, которая опять власть — это зло;

„Что религия, которая все та же власть — это зло;

„Что законность, всякие конституции, регламентации, которые представляют власть — это зло, зло и зло!

„Гений анархии, дух будущих веков, избавьте нас от зла“! (стр. 70—71).

Таковы были социалистические и революционные идеи, которые проповедывали лучшие представители французского пролетариата того времени. Как говорит Дежак, „разбитый на улице, социализм укрылся в клубах, в мастерских“. Уцелевшие после кровавых битв унесли их с собой в изгнание, в Англию, в Соединенные Штаты, где реакция не могла их задушить. В Лондоне они встретили эмигрантов других национальностей, уцелевших после революций итальянской, венгерской, германской и австрийской. Между этими товарищами по изгнанию они нашли не только политических революционеров и демократов, но также социалистов и рабочих, которые верили в необходимость соглашения, единства и международной революционной солидарности. Изгнанники сговорились между собою, и первая Международная Ассоциация была организована. Требования Ассоциации были вполне социалистическими, и потому они встретили нападки со стороны великого политического революционера Мадзини, который, пропитанный насквозь религиозными предрассудками, поглощенный борьбой за национальную независимость, не был в состоянии понять ни современной науки, ни социализма.

В газете Дежака „*le Libertainc*“ (№ 10, 1859 года), Интернационал социалистической демократии протестовал против нападков великого итальянского патриота. Протест был подписан:

„От имени Международной Ассоциации (*Association Internationale*): Ж. Макей, главный секретарь, Бришар, Ф. Жирар, Ж.—Ф. Кларке, Ж. Даминней, А. Гербен, Г. Юнг, Н. Улрих, Кранье, Кале, Л. Форб“.

В № 13 „*Libertaire*“, мы находим измененные статуты Ассоциации. Но к этим статутам и их роли в социалистическом движении этого исторического периода мы вернемся во второй части. Теперь же я хочу только указать, что газета Дежака, новые идеи международной солидарности и существование Ассоциации социалистической демократии были известны во Франции, несмотря на террор и бонапартистские преследования. Социалисты-демократы имели на своей стороне, по мнению Прудона *) пол-Франции в 1849 году. Находящиеся под страхом изгнания, рабочие группировались в маленькие тесные комитеты. Они читали запрещенные издания, изучали социальный вопрос, в особенности систему мютюализма Прудона. И когда реакция была принуждена в 1870 году уступить либеральным требованиям общества и демократии, сейчас-же появились социалистические рабочие группы, способные продолжать социалистическое движение, прерванное в 1849 году. Между этими группами были рабочие, вполне готовые заключить братский договор с рабочими цивилизованного мира.

В 1862 году, на всемирной выставке в Лондоне парижские рабочие делегаты встретились с английскими трэд-юнионами. Мютюалисты, которые хотели заменить государство промышленной организацией, и участники трэд-юнионов прекрасно поняли друг друга, и великое Международное Товарищество Рабочих было в принципе решено.

*) „*Les Confessions d'un revolutionnaire*“. Париж, 1849. Интересно заметить, что клеветники Прудона, немецкие социалисты-демократы, заимствовали даже у него название своей партии!

Раскол среди Социалистов—государственников.

За последние годы все резче и определеннее намечается распадение среди всех национальных организаций социалистов-государственников, известных под именем Социаль-Демократов Марксистов.

С одной стороны, мы встречаем людей, прямо или косвенно причастных к революционным движениям, как например Либкнехт и его старые друзья—к революции 1848 года; Вальян и Гед—к Парижской Коммуне; Вера Засулич и Плеханов—к русскому революционному движению Народничества 1873—1880 годов. С другой стороны группируются их вчерашние друзья и сподвижники: Бернштейн, Фольмар и их многочисленные последователи в Германии; Жорес, Мильеран, Вивиани и другие во Франции; почти все итальянские депутаты, до Ферри и Туратти включительно; и чуть-ли не большинство наших русских марксистов, а также марксистов бельгийских.

Люди первой категории стремятся сохранить в чистоте принципы и формулы социаль-демократии, а также язык и выражения социализма революционного. Они и по сию пору не замечают коренного противоречия между именно этими принципами правоверной социаль-демократии, и формулами и выражениями революционного социализма. Когда то, задолго до создания государственного социализма в его настоящей форме, большинство людей первой категории были действительными революционерами, участвовавшими в заговорах, в манифестациях, в революционной борьбе, и многие из них особенно Вальян, Засулич и Либкнехт, про-

явили много мужества, самоотвержения, и их имена принадлежат истории. Но когда социаль-демократия провозгласила основным своим положением, что социализм должен и может быть осуществлен только государством и только путем парламентского законодательства; что добиваться влияния на это законодательство следует исключительно законною (легальною) агитациею при парламентских выборах, и что первою задачею партии является хорошо организованная избирательная и, повторим, законная (легальная) агитация,— тогда, казалось бы революционаризму и бунтарству не оставалось там места.

Что бы там ни говорили почтенные старики-революционеры, сама программа, и соответствующая ей легальная тактика борьбы в связи с учением о централизации, о дисциплине и о подчинении центральному комитету, осуждали революционеров и убивали инициативу отдельных членов и групп.

При первых шагах по этому пути легального парламентаризма и частичных реформ, инициаторам не преминули указать на неизбежные последствия их новой тактики. Им говорили на основании исторических фактов французского социализма сороковых годов, что легальность, парламентаризм и частичные реформы не замедлят втянуть партию на путь уступок и сделок с современным капиталистическим государством и с ныне действующими, буржуазными политическими партиями... И события не замедлили оправдать предостережения. Мы видели их в парламентах систематически осуждающими всякое революционное движение, не только в Германии, где, после мартовских волнений 1848 года, никакое революционное движение не имело места, но и в других странах,—будь то в России, в Италии или в Испании. Видели мы их, атеистов и революционеров, дружелюбно заседающих в 1897 году, в Цюрихе, с попами и иезуитами, в Конференции о покровительстве труду, и палочными ударами изгоняющих из залы интернационального и революционного конгресса наших друзей, революционеров-коммунистов. Видим мы их, с Фольмаром во главе, в Баварии, в открытом избирательном союзе с клерикальными реакционерами, с злейшими врагами науки, свободы, равенства и социализма; а в Англии их друзья и сподвижники, Фабианцы, вы-

ступили защитниками империализма, войны против южно-африканских республик и политики насилия деспотизма и рабства, так безжалостно проводимой в жизнь знаменитыми преступниками мировой истории, Чемберленом, Родсом и Мильнером. Видели мы их и у нас в России призывающими рабочих, во имя социализма и классовой борьбы, воздержаться от участия в революционных выступлениях и манифестациях по делу замученной в крепости Ветровой (1897); а позднее мы читаем в их брошюрах и листках уверения, что „их социализм“ может уживаться с безобразным страшилищем императорства, все подавляющего и парализующего умственное и общественное развитие ста миллионов бесправных поданных.

Эти и многое множество подобных фактов совершались чуть ли не ежедневно и у всех на глазах, не вызывая ни протестов, ни осуждения со стороны главарей и публицистов партии. Сделки с капитализмом и с враждебными социализму партиями стали рутинною, обычаем, хотя публичные ораторы и манифесты партии продолжали употреблять формулы и выражения революционеров прежних дней. Такая двойственность никого не удивляла, и все шло своим чередом, пока среди партии не раздались голоса, робкие и одиночные вначале, уверенные и смелые под конец, о необходимости, в видах дальнейшего успеха партии, отказаться от отживших и не соответствующих их практике формул социалистических требований, которыми так дорожили основатели партии.

Тут уже пришлось призадуматься и даже встревожиться всем, кто искренно верил, что парламентаризм, легальность, уступки капиталистическому государству, как временные союзы с буржуазными реакционерами и клерикалами, были мимолетным злом, навязанным партии историческими условиями; злом, которое должно быть отброшено при первом удобном случае, дабы выступить с программой чистого коммунизма государственного. Но особенно пришлось встревожиться, когда перед ними предстали два чрезвычайно характерных факта: попытка Бернштейна освободиться от социалистической части программы партии, от теоретического революционерства, и взамен и того и другого выставить программу мирных и легальных реформ по рабочему законодательству; и второй, еще более неожиданный —

составление министерства Вальдек Руссо—Галифе—Мильерана.

Покойный Либкнехт, а также Бебель, Ауер и их друзья были глубоко поражены и огорчены предложением Бернштейна, их старого и лучшего теоретика, душеприказчика Энгельса и настоящего представителя политико-социального эклектизма, известного под названием „Научного Социализма“. Они горячо протестовали против предложения отбросить теоретическую часть программы, как не соответствующую действительной тактике партии. Шумен был протест. На Бернштейна посыпались обвинения в филистерстве, в буржуазности, оппортунизме. И, конечно, он бы заслужил все эти укоры и обвинения, если бы он извращал действительность, не был бы искренен. Вина же однако не Бернштейн, что в один прекрасный день он увидел тридцатилетнюю практику социаль-демократии в настоящем ее свете, и вина его не в том, что он предложил быть последовательным, и не рядиться в социалистов-революционеров, когда вся деятельность партии была и есть легально-реформаторская. Что Бернштейн не извращал фактическую правду, лучше всего видно из слов Ауера, несменяемого секретаря, цензора и настоящего заправила партии. Укоряя Бернштейна за его предложение, Ауер восклицает: „Глупец! — это делают, но об этом не говорят!“

Спрашивается: в чем же изменил партии Бернштейн, если она все это практикует? Разве это он подставил, вместо „революции“ — легальность? вместо „социального переворота“ — рабочее законодательство и постепенность? Если кого и винить, то основателей партии и авторов „научного социализма“. А имена последних всем хорошо знакомы. Между ними Бернштейн мелкая сошка.

Но как ни мелок Бернштейн-мыслитель, ученый и теоретик, в этот раз он высказал правду, которую мы анархисты-коммунисты, знали давно. Между нами и Бернштейном разница только в том, что *мы говорим десятки лет социаль-демократам о несовместности легализма с революцией, государства с социализмом, постепенности и мелких улучшений в системе наемного труда и капиталистического производства—с коммунизмом; а потому заключали мы, если вы хотите*

остаются социалистами и революционерами, отбросьте вашу практическую программу легализма и постепенщины; тогда как Бернштейн повел иную речь: „так как мы по нашей деятельности, легалисты и постепеновцы, то отбросим — говорил он — маскарадный костюм коммунистов и революционеров.

Нас, революционеров, вожаки социал-демократии величали агентами—провокаторами, ночными „татами“ и глуповатыми мечтателями. Вот Бернштейн, Жорес, Ферри, Туратти, Мильеран, Вандервельд и прочие, и прочие—а их оказывается громадная масса—и решили, что легализм, постепеновщина, законодательство капиталистического государства и есть настоящий социализм. Потому Мильеран и мог с покойною совестью войти в министерство буржуазной республики, а Жорес, Вивиани и большинство французских социал-демократов могут также искренно его поддерживать; потому же Туратти, Ферри и их друзья решили поддерживать министерство Цанарделли; а Фольмар с компанией — вступил в союз с клерикалами и иезуитами.

Старые революционеры с Либкнехтом и Бебелем во главе, выступили на защиту социализма и революции в политике; за ними последовали Гед, Вальян и другие во Франции: на ту же тему заговорили и некоторые из русских, особенно же г-н Плеханов. Мы от души приветствовали бы этот поворот, если бы не имелись писания и деятельность названных господ. А ни от первых, ни от второй они не думают отказываться. В таком случае, по всей вероятности, они будут продолжать старое. Ну, а в этом старом мало утешительного.

В самом деле, разве не Либкнехт дал, не далее как в 1895 году, следующую формулу программы Социаль-демократии?—

„Чего мы хотим? — Полной свободы печати и совести; всеобщей подачи голосов для всех избираемых учреждений, для общественных служб, будь то общинные или государственные; национальное воспитание, школы открытые для всех; воспитание и обучение доступное для всех и со всякими облегчениями; уничтожение постоянных армий и замена их народной милицией (ополчением), дабы всякий гражданин был солдатом и всякий солдат—гражданином; третейского международного суда; равенства женщины с мужчиной

покровительственных мер (*mesure de protection*) в пользу рабочего класса: ограничение часов рабочего дня, санитарные мероприятия и прочее". („The program of German socialism." Forum Library, New-York, апрель 1895, стр. 28).

Под этой программой подпишется каждый французский радикал. Но социалист не подпишется, так как социализм требует уничтожение наемного труда, даже получасового, уничтожение военщины и войны в всех видах... Под ней не подпишется даже швейцарский радикал, так как буржуазная Швейцария, осуществив все требования программы Либкнехта (за исключением равенства полов), пошла дальше и признала прямое законодательство и референдум.

А во Франции, разве не Гед и его друзья выработали пресловутую программу минимум, за которую они так упорно держатся, и о которой Маркс выразился, что „если это марксизм, то я не марксист?"

Тоже самое в России. Разве не г. Плеханов советовал („Политическая борьба и Социализм") русским революционерам „спрятать пугало — Красное Знамя социальной революции" и бороться за известные общественные реформы? И разве не тот же автор не далее как в прошлом 1900 году, характеризировал основные идеи революционного марксизма следующим манером: (Установив исторические взгляды Гизо и его понимание борьбы классов, г. Плеханов так и заканчивает свое длинное предисловие к „Коммунистическому манифесту"):— „Вовремя реставрации, Гизо и его единомышленники... стремились к установлению диктатуры среднего класса, но никто из них не думал о насильственных действиях вообще и об уличных восстаниях в частности. Гизо, наверно, резко осудил бы тогда всякий план такого восстания. Но это не мешало ему (Гизо!?) быть *революционером(!)*... Совершенно такими же революционерами (только стоявшими на точке зрения другого класса) явились Маркс и Энгельс в Манифесте Коммунистической Партии, и совершенно такими же революционерами остались они до последнего издыхания" *).

*) Манифест Коммунистической Партии. Издание Революционной организации. Женева 1900. Типография революционной организации „Социаль-демократ,"—революционной в смысле Гизо читатели!

Гизо, глава исторической школы доктринеров и реакционный министр Луи Филиппа; Гизо, изгнавший Маркса из Франции, и вызвавший революцию 24 февраля своим упорным сопротивлением общественной реформе, ставится социаль-демократом революционным прототипом Маркса и Энгельса и всей социаль-демократии! С такими революционерами правительства могут спать и наслаждаться благоденствием. Подобно „революционеру“ министру Гизо, и „революционер Мильеран мог стать министром. Но боюсь что от такого революционаризма дело социального освобождения русского народа не далеко подвинется. Г-н Плеханов с друзьями могут ставить слово революционный сколько угодно, но раз они революционеры типа Гизо, боюсь, что их „Заря“ будет серенькая, а из их искр, не возгорится пламя. А если и возгорится, то по примеру того же Гизо, они сами, постараются его потушить.

II

Раз под влиянием условий пропаганды и борьбы партия была вынуждена, под видом социализма, принять программу радикальных и парламентарных реформаторов, а понятие о революции и революционной тактике заменить эволюцией и постепенщиной, было совершенно естественно ожидать, что, рано или поздно, те же требования пропаганды заставят установить и терминологию соответственную содержанию и практике.

Искренние и талантливейшие из стариков могут негодовать и метать громы против Бернштейнов, Мильеранов и Жоресов; но за последних—фактическая история партии, все ее прошлое, и они, конечно, будут иметь успех. Да и успели уже. За них—огромная масса тех радикальных избирателей, которые подавали голоса за программы Либкнехта и программу-минимум, за легальное законодательство о покровительстве труду.

И как им не успеть? Ведь Бернштейн, Жорес и Мильеран еще вчера были „великими“ учеными, ораторами вожаками партии. Бернштейн—душеприкащик и хранитель „Науки“ самого Энгельса—отца „Научного Социализма!“ Это—авторитет, и очень большой в глазах рядовых и дисциплинированных членов партии. А что до Жореса и Мильерана, так давно-ли, по настоя-

нию Либкнехта, Бебеля, Зингера, Ферри и других светил и вожаков, Франция была разбита, на Лондонском конгрессе 1896 г. на две нации, только затем, чтобы дать возможность тому и другому, явившимся без полномочий, присутствовать на конгрессе?— „В чем отступили мы от принципов и тактики партии?“ — спрашивают они. Легальная реформа, мирная пропаганда, захват власти... разве это не сущность учения государственного социализма и социальдемократии?

Но старики протестуют и, на этот раз, протестуют во имя социализма и его высоких идеалов в их полной чистоте, без всяких эпитетов.

Кто из спорящих прав?

Нам кажется, что обе стороны одинаковы далеки от социализма и его идеалов; что давно уже и те, и другие из чистых социалистов превратились в честных политических прогрессистов, несомненно желающих блага народу и добивающихся общественных реформ, как делали в Англии лорд Шафтсбюри, Остелер и радикальные реформаторы, а во Франции сороковых годов — социалистическая демократия (*democratie socialiste*) и их современные последователи — „радикалы социалистические“ (*radicaux socialistes*) типа Тобле, Клемансо, Пельтана и других. Этим сравнением мы нисколько не думали унижать социаль-демократию. Названные английские и французские реформаторы—люди очень гуманные, искренние друзья прогресса и блага народного. Они не революционеры, но всю программу реформ, предложенную Либкнехтом, они целиком признали и всегда готовы защищать ее с парламентской трибуны и в прессе. Что мы верны фактам истории—вот доказательства.

Основное положение тактики социаль-демократии гласит, что „Всякая социальная борьба есть борьба классовая: всякая классовая борьба—есть борьба политическая.“ Отсюда и учение о захвате политической власти и о захвате Государства. Но французские демократы социалисты (*democratie Socialiste*), еще в 1841 году, устами их вождя Ледрю Ролен, заявили, что „демократия отличается от других партий желанием воспользоваться политикой для социального переустройства“.

И как только Ледрю Ролен с друзьями попали в

правительство, первым делом они ввели всеобщее избирательное право, чего с таким пафосом требует программа Либкнехта, что составляет самое главное требование бельгийской социаль-демократии, прославляемой нашими марксистами.

Можно бы продолжать сравнение социаль-демократии, с демократией - социалистической сороковых годов до мельчайших подробностей, но и сказанного достаточно, чтобы видеть, что если между ними и существует разница, так разве только в перестановке порядка слов в имени партии. В таком случае не друзьям Либкнехта, не сторонникам программы - минимума и не революционерам школы Гизо, говорить о чистом социализме и о действительной революции.

Что составляет основу чистого социализма? Уничтожение эксплуатации человека человеком, обществом, государством; право каждого располагать по своему желанию продуктами своего труда, своим временем и силами. — Может ли в таком случае чистый социалист говорить только об уменьшении числа часов работы на хозяина, вместо полного уничтожения работы на кого бы то ни было? Может ли он защищать право большинства насильно навязывать свои решения меньшинству? И может ли он не стремиться к немедленному разрушению государства во всех его формах?

Кто за уничтожение эксплуатации человека, тот обязан, едва-ли не прежде всего, требовать разрушения именно государства, как самого страшного и безжалостного эксплуататора и разорителя труда. Государство, даже самое либеральное и самое демократическое, даже то, в котором отменены все прямые налоги с производительных классов, где существует только подоходный налог с богатых, прославляемый социаль-демократами, — даже такое государство остается фактически грабителем, говорящим богатым и эксплуататорам:

„Моими войсками, полицией, судом и духовенством я держу народ в невежестве и в страхе божьем. Не бойтесь ничего и грабьте его по силам и ухищрениям вашим, а из награбленного вами дайте мне десятую или восьмую долю на содержание моих и ваших слуг то-есть министров, чиновников, войска, полиции, судей, духовных и палача“.

И частные эксплуататоры грабят, делясь наgrab-

ленным с теми общественными паразитами, которые составляют правящие классы и государство. С своей стороны и последнее не остается в долгу у капиталистов. Ежегодно государства Европы выплачивают правящим классам, в форме процентов и погашения государственных долгов, свыше *двух миллиардов рублей*. Это уже прямая эксплуатация и, конечно, нигде в мире барыши частной эксплуатации, даже самых богатых и могущественных компаний не составляют и одной сотой доли этой чудовищной цифры государственной эксплуатации народа. Конец этой эксплуатации наступит только с уничтожением государства. Даже допустив что путем государственного законодательства социалистам-постепеновцам и удалось бы ограничить частную эксплуатацию — предположение прямо сказочное—все же правящие классы будут преспокойно продолжать получать ренту из государственного казначейства, а вместе с тем в их распоряжении, как правящих, будет и весь бюджет государственный.

А задумались ли защитники благодетельной государственного законодательства над тем во что это законодательство и государство обходятся страждущему человечеству; разоренному крестьянству, истощенным рабочим? Полагаем, что нет. В противном случае они бы не преминули сознать, что пока им удастся добиться большинства в парламентах для легальных реформ, страшный паразит *государство* высосет все жизненные соки общественного организма. Говорим это без преувеличения. Если бы социаль-демократия подумала об экономической роли государства, она бы с ужасом увидела следующее:

Шесть великих европейских государств ежегодно собирают с народа почти семь тысяч миллионов рублей. Этот узаконенный чудовищный побор распределяется между государствами в следующем порядке:

Англия	1,320,600,000
Австро-Венгрия	1,098,000,000
Германия *)	—690,100,000
Италия	—706,000,000
Франция	1,425,000,000
Россия	1,480,000,000
	<hr/>
	Всего 6,719,700,000

*) Без частных бюджетов Пруссии, Баварии и других.

Прибавим к этой цифре государственных сборов, сборы муниципальные, общинные, земские и другие, тоже обязательные, и которые обыкновенно составляют около четвертой доли сборов государственных, и мы получим свыше *девяти миллиардов* (9,400,000,000 *рублей*). Количество, трудно постижимое по своей громадности. Но если разложить его на число жителей названных держав, а их не свыше 300 миллионов, то мы поймем всю тяжесть, для производительных классов, этого узаконенного грабежа. Согласно статистике, в современном человечестве только одна восьмая часть населения считается производительной. Следовательно, всю громадную сумму своих поборов государства получают с тридцати-восьми миллионов производителей; другими словами, с каждого европейского производителя государство берет—насилием, конечно—свыше 240 рублей в год... И честные, добра желающие народу люди могут защищать государство! Заметьте, что эти девять миллиардов составляют ровно половину всей прибавочной стоимости, ежегодно отбираемой у народа эксплуататорами всех видов, профессий и национальностей. Как может социалист, то-есть человек борющийся за уничтожение эксплуатации и общественного паразитизма, защищать государство, то-есть самого могущественного, самого хищного, беспощадного и все подавляющего эксплуататора народных сил и производительности.

Всякий раз, как я читаю убедительные приглашения легальных постепеновцев отдаться избирательной агитации, дабы провести мнимых социалистов в государственный парламент, у меня невольно является вопрос: что бы сказали честные люди тому атеисту, который вздумал бы убеждать других атеистов стараться попасть в попы, с целью разрушения религии и церкви? Вообразите себе Вольтера и Дидро, приглашающих своих друзей стать попами и монахами, для вящего успеха распространения антиклерикализма! Подобное предположение, скажут мне, было бы безнравственно. Согласен. Но почему же нравственно и даже доблестно для социалиста, хотя бы и постепеновца и легалиста, убеждать честных людей, что для освобождения от эксплуатации, следует становиться депутатами, сенаторами, администраторами государства, непосредственно эксплуатирующего народ на половину всей годовой эксплуа-

тации и гарантирующего частным хищникам безнаказанность присвоения ими другой половины?

А между тем социалисты-государственники за последние 30—40 лет сосредоточили все свои силы на проповеди завоевания власти и государства легальным путем, для осуществления социализма. Совершенно вздорное понятие Луи Блана о государстве, как о слуге народном (L'Etat serviteur), по странному недоразумению, было усвоено социалистами—постепеновцами как высочайшая социалистическая мудрость. Особенно в Германии обоготворение государства и проповедь легальной политики и постепеновщины достигли всеобщего распространения. Из Германии это заблуждение, под громким названием „Научного Социализма“ проникло и в другие страны, и социаль-демократия мира исключительно отдалась парламентаризму и учению о государстве всеильном, централизованном, и благотельствующим народ. И до того это предубеждение стало всеобщим, что социализм,—учение анти-государственное (общественность)—превратили в синоним государственности, *) а нас коммунистов, революционеров и врагов государства, стали представлять как врагов социализма.

С того времени, когда Луи Блан, а за ним Маркс и Энгельс, ввели в социализм учение о государстве, прошло больше полустолетия. Что же, сторонники легализма и постепеновщины облегчили-ли судьбу народных масс? — уменьшили они хоть на грош тяготу государственной эксплуатации? — Нет. Поборы с народа все росли и росли с неслыханной до того времени быстротой, как видно из нижеследующей таблички.

Рост бюджетов великих держав в минувшем столетии был следующий:

Годы	Бюджеты
1810	1,180,000,000
1850	1,980,000,000
1900	6,719,680,000

) Напомним, что слово социализм впервые употребили овенисты, проповедовавшие коммунизм и добровольный союз свободных общин. Все они были последователями Годвина, отца современного анархизма.—Сен-Симон и его школа формулировали социализм словами: Земной шар, возделываемый свободными и сфедерированными ассоциациями—Фаланстер независимый и самоуправляющийся, был идеалом фурьеристов.

В первой половине столетия, пока общественное мнение не было отравлено учением о государстве — благодетеле, когда все передовые люди единодушно восставали против поборов и гнета государства, мы видим как медленно растут бюджеты великих держав. За первое сорокалетие поборы возросли на 700 миллионов. Но вот народ стали уверять, что государство просто-напросто слуга, что его можно захватить в свои руки и употребить его бюджет на пользу самого народа; и говорилось все это именем социализма и даже революции. Вместо протестов и революции против государственного хищения, стали пропагандировать подчинение и легальность. Результатом всего этого мы видим покорность народа власти и возрастание поборов не на 700 миллионов, а на пять миллиардов, то-есть возрастание в семь раз быстрее, чем в первой половине столетия.

Поразительно особенно то, что за первый период, производительность самой индустриальной страны, Англии, утроилась; несколько медленнее шло развитие других стран, но во всяком случае производительность удвоилась и у них. За второй-же период возрастание производительности мы можем принять утроившимся для всех стран. Между тем, рост поборов первой половины достиг только 50 процентов, тогда как за вторую половину она выражается утроением. Этим утроением мы обязаны проповеди подчинения, легализма и постепенщины.

Никогда капиталистическое производство не может усиливать эксплуатацию каждого производителя в такой ужасающей пропорции. Частный эксплуататор, желая увеличить свои доходы, старается увеличить число им эксплуатируемых. Государство же, увеличивая в семь раз свои поборы, имело дело с населением, которое за все столетие только удвоилось. Значит и в смысле прямого эксплуататора, государство—большой враг народу, чем само капиталистическое производство. А в довершение всех зол, ведь и в капиталистической эксплуатации повинно то же государство. Без его полиции, войска, суда и бюрократии, Капитализм не мог-бы противостоять народу, особенно рабочему движению, организованному на началах экономической, а не избирательной солидарности—для революционной борьбы, а не для мирной подачи голосов.

Удайся народу разбить оковы государства, никаким трестам (trusts) и федерациям хозяев не устоять против свободной экономической организации революционного производителя. Вот почему я говорил выше, что всякий „честный социалист“ должен бороться с государством, работать над его разрушением; а теперь я могу добавить еще, что борьба с государством должна быть на первом плане для всякого социалиста-революционера.

К счастью искренние друзья человечества начинают понимать всю силу гнета и разорительности государства. Люди различного общественного положения, различного философского мирозерцания и темпераментов начинают поднимать свои смелые и независимые голоса против всемертвящей Медузиной головы государства. Религиозный коммунист Толстой, индивидуалист Герберт Спенсер, поэты и романисты—Золя, Ибсен, Гауптман и другие—мютюалисты, индивидуалисты-анархисты—все заговорили против авторитета власти, против государства.

Ободренные симпатиями пробуждающегося общественного сознания, мы анархисты-коммунисты и революционеры, будем продолжать с усиленной энергией нашу пропаганду немедленного разрушения самого страшного эксплуататора и угнетателя человечества, -- государства. Будем звать народ к вольной и солидарной жизни свободных и равноправных людей в независимых и добровольно-объединенных ассоциациях. Будем звать все честное и живое в современном обществе на борьбу с государством, и честно скажем нашим братьям социалистам, что быть революционером — значит быть против государства: что социализм требует этой борьбы против эксплуатации и порабощения,—против власти и авторитета.

Неустанно будем повторять народу, что современная техника, наука и вся культура требует освобождения человека от власти и приказов других; они же требуют устройства коммунистических ассоциаций вольных вступать в союзы и федерации с кем и как они пожелают. Укажем ему и то, что говорим мы все это не по наитию свыше, а на основании анализа жизни и экономических отношений, и в полном согласии с учением великих друзей человечества, действительных отцов современного Социализма.

НАУКА-ЛИ ЭТО?

Глава I.

Программы русских социалистов революционеров и диалектиков русского марксизма.

Социализм, как его понимали и понимают, не политические демократы и радикалы и не социаль-демократы и радикалы-социалисты (*Radicaux-socialistes*), а сами социалисты и анархисты-коммунисты,—есть учение о таком общественном строе жизни, основаниями которому служат следующие экономические, социальные и этические начала:

1. Экономическое равенство между людьми без различия пола, возраста, национальности. Без такого равенства, учат нас социалисты, все виды свободы и равенства перед судом и в государстве, как то доказала практика Швейцарии, Франции и Соединенных Штатов, остаются мертвыми буквами.

2. Уничтожение эксплуатации человека человеком, обществом, государством, без чего ни равенство между людьми, ни свобода в обществе не могут быть осуществлены. В обществе с наемным трудом, даже при двух-часовом рабочем дне и с участием наемного работника в прибылях, последний будет всегда в прямой зависимости от нанимателя, будь то частное лицо, общество или государство.

3. Обращение в общественную собственность земли со всеми ее богатствами, всех зданий, фабрик, заводов

мастерских и всех орудий труда,—так как на частном обладании ими основан современный строй с его привилегиями для имущих, с экономическим, политическим и умственным порабощением для народа.

4. Общественное воспитание подрастающих поколений и равноправная свободная жизнь для слабых, больных и престарелых.

5. Равенство полов, возрастов и национальностей в свободном пользовании всеми производительными, научными и артистическими общественными учреждениями; равное участие всякого желающего в делах общественных, как местных, так и общих.

Вот в кратких словах основные требования социализма. На них строится свободная общественность и нравственность всех социалистических школ и партий. Этими основными требованиями социализм дал новую формулу цели прогресса человеческих обществ. Различные школы могли определять различно формы строя будущего общежития, могли рекомендовать различные приемы борьбы и деятельности для достижения цели и осуществления высокого идеала свободного, просвещенного и солидарного общества,—но как-бы далеко они не расходились по вопросам формы и тактики, приведенные основные требования оставались неизменными, и только их присутствие в программе партии дает последней социалистический характер.

Установив эту азбуку социализма, мы можем чрезвычайно легко разобраться в том болезненно жгучем споре о социализме и революции, о научности и утопизме, о крестьянстве и об общине, которым вот уже десять лет заняты русская литература и прогрессивные слои нашего общества, включая социалистов и революционеров. Вооруженные точным и ясным критерием, мы не позволим каким-бы то ни было диалектикам сбить и отуманить нас громкими словами: „наука и научность“, „монизм и материализм“, „классы и категории“, „борьба классов и научный социализм“ и пр. Предоставим всякому расточать богатства метафизического и юридического жаргона по личному вкусу и наклонностям. А мы, отряхнув мишуру и шумиху мнимочученых фраз, посмотрим, есть-ли в них место приведенным основным требованиям социализма и потом

решим какая из русских партий может претендовать на социалистичность ее программы.

Первым актом русского социально-революционного движения следует считать прокламацию поэта Михайлова, „К Молодому Поколению“. Она требовала, вместе с „демократическим выборным правлением, *национализацию земли*, с общинным владением... На призыв поэта ответила в 1862 г. „Молодая Россия“ более подробным изложением социалистической программы.

„Мы требуем, говорила „Молодая Россия“, изменение современного деспотического правления в *республиканско-федеративный союз* областей... На сколько областей распадается земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос.

„Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которой пользуются одинаковыми правами.

„Земля отведенная каждому члену общины, отдается ему не в пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земель. Все остальное имущество членов общины... по смерти делается достоянием общины,

„Мы требуем заведения общественных фабрик-управлять которыми должны лица, выбранные от общества... требуем заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят.

„Мы требуем общественного воспитания детей, требуем содержания их на счет общества до конца учения.

„Мы требуем также содержания на счет общества больных и стариков,— одним словом, всех, кто не может работать для снискания себе пропитания.

„Мы требуем, чтобы кроме Национального Собрания, составленного из выборных всей земли Русской, которое должно собираться в столице, были бы и другие Областные Собрания в главном городе каждой области составленные только из одних представителей последней.

„Мы требуем доставления всем областям возможности решения по большинству голосов: желают ли они войтив состав федеративной республики русской.

„Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией“.

В качестве анархиста-коммуниста, мы не признаем всю судебную-административную и политическую часть этой программы, но что общественное производство и потребление, обращение земли в общественную собственность, общественное воспитание детей и содержание престарелых и немощных, равенство полов и уничтожение права наследования составляют основную сущность социализма, о том не может быть двух мнений. Придавайте социализму какие вам угодно эпитеты, он неминуемо будет повторять эти требования. А что до политической стороны программы, с ее федеративным принципом, с автономией областей и общин, то ни демократия, ни социалисты, допускающие государственную организацию в будущем обществе, не выработали лучшего политического идеала.

С такою же определенностью выставило требование международного социализма „Народное Дело“ 1868.

„Мы хотим, говорит программа, —

„Упразднения права наследственной собственности;

„Уравнения прав женщины...

„Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы — рабочим ассоциациям.

„Мы хотим полной воли для всех народов, ныне угнетенных империею... дабы, федерируясь снизу вверх, те из них, которые захотят были членами русского народа...“

А с какими идеями наши революционеры пошли с пропагандою в народ, — лучше всего видно из народных книжек того времени. Одна из самых распространенных тогда книжек, знаменитая „Хитрая Механика“, об'яснив, что

„везде и всегда так было и будет, что кто богат да силен, тот от податей всегда будет льготен, всю ту тяжесть на бедность наложит,“ —

об'яснив это, пропагандист заключил:

„Надо такие порядки завести, чтобы не только не было богатых, а чтобы они и про-

„явиться-то не могли. Надо сделать, чтобы земля
„была ни твоя, ни моя, а *общая; чтобы фабрики*
„*были не хозяйские, а артельные.*“ *)

До чего общи были всем фракциям революцион-
ной партии основные требования социализма, видно из
программы „Набата“ (1875) — органа русских бланки-
стов, особенно сильно склонявшихся к политической
конспирации и к „*диктатуре пролетариата*“: —

„...Революционное государство осуществ-
„вит социальную революцию рядом реформ...
„(преобразив) современную крестьянскую об-
„щину... в общину-коммуны на принципе общего,
„совместного пользования орудиями производ-
„ства и общего, совместного труда; экспроприя-
„цией орудий производства, находящихся в ча-
„стном владении и передачею их в общее поль-
„зование; устранением посредничества при об-
„мене продуктов; интегральным обязательным
„воспитанием в духе любви, равенства и брат-
„ства; постепенным уничтожением существую-
„щей семьи, основанной на подчинении жен-
„щины... развитием общинного самоуправления
„и постоянным ослаблением и упразднением цен-
„тральных функций государственной власти.“

Даже бланкисты, сторонники централизации в
борьбе, сторонники Государства революционного, или
Диктатуры пролетариата, даже они — за социализацию
земли, орудий производства, обмена; за равноправность
женщины... словом за полный социальный строй, в ко-
тором их излюбленное революционное государство долж-
но *уступать место самоуправляющейся (автономной)*
общине.

За всеми этими социалистическими программами
стояли более или менее многочисленные группы высоко

*) „Хитрая Механика“ выдержала несколько изданий и разошлась во многих тысячах (1874—78). Другая замечательная книга для народа, „Сытые и Голодные“, рассказывала историю борьбы рабочего класса за свое освобождение с древнейших времен до основания Международного Товарищества Рабочих (Интернационала). Написанная нашими друзьями, членами Интернационала, с участием покойного Н. И. Жуковского, она и до сих пор остается лучшей популярной историей революционного развития рабочих классов и народа.

самоотверженных женщин и мужчин, бесстрашно выступавших на борьбу с русским деспотизмом. Борьба, завязавшаяся в 1861 году, длится и до сего дня. Начатая небольшою горстью сильных умов и героических характеров, она крепла и развивалась из году в год, захватывая все шире и глубже разные слои русского общества и народа. С ростом и развитием социализма, росли и зверские преследования правительства, и нет в новейшей истории эпохи, кроме истории борьбы за независимость Италии, в которой было бы проявлено столько преданности, самоотвержения, любви и героизма среди преследуемых. Ужасы австрийских тюрем, рассказанные в записках Сильвио Пеллико, судьба молодых итальянских патриотов Вилла и Орибани блекнут перед судьбою заживо погребенных в каменных гробах Шлиссельбургской крепости... Но как Меттерниху и его палачам не удалось убить движение Молодой Италии, так и русскому самодержавию, всем изуверам и заплечных дел мастерам, с Катковым, Победоносцевым и Д. Толстым во главе, не удалось разбить, уничтожить малочисленную, но по истине героическую армию социальной революции. Борьба приняла эпический характер. С одной стороны — всемогущее правительство, а с другой — горсть смельчаков, героев юношей, сильных внутренним убеждением, увлеченных высоким идеалом социального и нравственного обновления родины. Их кинжалы и бомбы привели в трепет могущественного врага... Борьба, казалось, поглотила все наличные силы русских социалистов, превратив их в политических террористов, сдавших в архив требования социализма, идеалы последнего. Так, по крайней мере, кричали все дряблые и робкие, обвиняя террористов именем социализма.

А эти террористы, как только им удалось улучшить спокойную минуту среди облавы и травли со стороны безчисленного врага, не колеблясь набросали свое исповедание революционеров с требованием:

„Принадлежность земли народу;

„Система мер, имеющих предать в руки рабочих все заводы и фабрики“.

Они готовились предстать перед будущим Земским Собором, ими освобожденной России, с их программой социальных и политических реформ, основанных на

этих требованиях. Но их надеждам и надеждам всех друзей человечества и свободы не суждено было осуществиться: они погибли в неравной борьбе, эти удивительные юноши и женщины, сдержав слово „Молодой России“, входя *„на эшафот нетрепетно бесстрашно“*...

Торжествующий враг был беспощаден. Реакция, руководимая Дм. Толстым, Победоносцевым и Катковым, задалась целью отбросить Россию назад к эпохе Аракчеева, Николая. На некоторое время им это и удалось. Разбитое поколение 60-х—80-х годов потеряло в борьбе не одну сотню самых талантливых и энергичных; его литература, легальная и заграничная, или была истреблена*), или же изъята из обращения. Казалось. Александру III и сподвижникам удастся совершенно задушить в непроглядном марке реакции умственную жизнь России, развратить подрастающие поколения.

Но растущие потребности самой реакции, милитаризма и бюрократии вынуждали мракобесов-душителей к сближению с европейской культурой, обменом и техникой, а усвоение последних доступно только грамотному рабочему населению, образованным техникам. Как ни силились полуграмотный Александр III с Катковым, Победоносцевым и Деляновым, а жизнь брала свое—грамотность и образование распространялись в обществе и народе. Создались миллионы читателей популярных книг, журналов и газет. Книжка и журнал, привилегия богатых в начале движения, проникли в мастерские и заводы, появились даже по селам и деревням. До читающего доходили вести даже через Правительственный Вестник*, „Московские Ведомости“ и „Гражданина“, о борьбе западных рабочих за свои права, о стачках, о манифестациях, о восьми-часовом рабочем дне, и проч. Естественно, молодое и грамотное поколение крестьян и рабочих, подобно их старшим братьям во Франции и Англии, вступило коллективно. Условия социально-революционной пропаганды необыкновенно улучшились. Теперь каждый социали-

*) „Интернационал“, „Хитрая Механика“, „Государственность и Анархия“, „Отщепенцы“, „Анархия по Прудону“, „Сытые и Голодные“, „Работник“, „Набат“ и все издания этой группы истреблялись жандармией целое десятилетие (1873—83), пока они не стали библиографической редкостью.

стический листок, каждая прокламация стали читаться сотнями—не полуграмотных, а *начитанных* рабочих.

В шестидесятых и семидесятых годах пропагандисты шли в народ, к рабочим; теперь народ и рабочие сами идут на встречу социалистам и революционерам. Великая, страстно и долго желанная эволюция свершилась, и пророческие слова Огарева: „Проснется дремлющий народ“—начинают сбываться.—Он проснулся, наконец, на страх и горе угнетателям. Объединившись в братский союз, рабочие городов, волнуемые крестьяне и революционная учащая молодежь вновь развернули красное знамя социальной революции. Не мелкими группами изолированных заговорщиков, как 30 лет тому назад, а десятками тысяч выступают ныне повсюду социалисты, при кликах: Долой самодержавие! Да здравствует социальная республика!..

*
* *

На программах революционеров шестидесятых и семидесятых годов отражается очень сильное влияние Международного Товарищества Рабочих (Интернационала) и Парижской Коммуны. Присматриваясь к программам ныне действующих партий, мы увидим, что большинство социалистов усвоили формулы и доктрины немецкой социаль-демократии и радикальных политических реформаторов, создавших, так называемое, рабочее законодательство в Англии, С. Штатах, во Франции и Швейцарии. Едва прогрессивное само по себе, облегчая ничтожными дозами жгучие страдания рабочих классов, это законодательство, первые акты которого в Англии относятся к самому началу XIX ст. (1802), никогда не претендовало на социализм, не бралось за разрешение социального вопроса. Государственные люди, их проводившие (Р. Пиль, лорд Шефтсбюри, Гладстон), и социалисты, под влиянием которых это законодательство было начато (Роберт Овен, В. Томсон), всегда смотрели на него, как на паллиативы, смягчающие страдания, но не вырывающие с корнем нищету и общественное бесправие. Совершенно так же смотрели на рабочее законодательство и французские радикалы.

Но за последние двадцать лет, под влиянием немецкой социаль-демократии, политику паллиативов и

крошечных улучшений в системе наемного труда стали выдавать за социализм. Стали уверять рабочее население, что настоящий, *научный* социализм считает за вздорный утопический бред те требования коренных реформ, которые мы формулировали в начале этой главы. На место коллективизма и коммунизма со всеми их последствиями подставили частичные улучшения в системе капиталистического производства и эксплуатации народного труда, а революцию заменили тактикой мирного легального парламентаризма. Благодаря этому получилось то странное смешение, по которому политику радикалов и буржуазных прогрессистов ныне выдают за *настоящий научный* социализм, а социализм Оуэна, С. Симона, Фурье и Прудона селятся представить рабочим каким-то уродливым порождением расстроенной фантазии невежественных мечтателей. Публицисты, депутаты и ораторы социаль-демократии в Западной Европе уже давно заявили, что об осуществлении социалистического идеала могут мечтать только невежды утописты; да еще анархисты, которым не доступны диалектика и метафизика марксизма, так удивительно разработанная, систематизированная и изложенная в знаменитых трудах великого Энгельса (ниже мы дадим образчики нашего анархического непонимания великих творений Энгельса и Маркса-Энгельса).

С тою же проповедью против социалистического идеала и стремления к его осуществлению выступили у нас наши доморощенные диалектики в их органах „Заря“ и „Искра“. Эти провозвестники „научного социализма“, созданного Энгельсом, уверяют русских рабочих, что

„С точки зрения современного *научного* социализма, всякие толки о социалистическом перевороте, как о ближайшей цели революционного движения в России представляются *вполне и безусловно* неосновательными“. (Заря, № 2—3, стр. 24).

Так говорит самый патентованный диалектик школы Энгельса, г. Плеханов, неоднократно уверявший социаль-демократию в Европе, что русские революционеры, программы которых мы привели выше, были не социалисты, а славянофилы типа Кошелевых и Аксаковых. По уверению диалектика, „безусловно неосновательно“ толковать о социальной революции. Научность науки

Энгельса запрещает мечтать о том. — Что же основательно по диалектическому (научному?) социализму?

На это отвечают нам соборно все переводчики, толкователи и популяризаторы диалектической науки Энгельса. В программе социаль-демократической партии, изданной редакциями „Искры“ и „Зари“, наисновательными требованиями научного социализма признаны и горячо рекомендуются социалистам, между прочими, и следующие пожелания:

1.) „Ограничение рабочего дня восьмью часами в сутки для *наемных* рабочих.“ — Что уже введено в водочной монополии министерства финансов и вводится в мастерских интенданства. Очень основательно; даже высокопоставленные лица одобряют.

2.) „Установления... ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду... и освобождение рабочего от обязательства доказывать, что потеря эта произошла по вине капиталиста.“

Опять очень основательно, в капиталистическом, — виноват, в социалистическом обществе, по „научному“ социализму.

3.) „Воспрещения выдачи заработной платы то-варями“. — Это и у порядочных капиталистов уже установлено, — стало быть, благонамеренно и основательно.

4.) „Отмена круговой поруки...“ — Злодей царь, предвосхитил! — „И всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель;“ т. е. отмена общины... И это очень основательно. Безобразов, Катков и многие мужи науки, еще в 60-х годах о том старались. При капитализме и наемном труде, требование весьма выгодное нанимателям и скупщикам-мироодам.

5.) „Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы“. Очень основательно перенести в Россию либеральный закон Гладстона, действующий в Ирландии более 15 лет.

Эти требования и много других, столь же основательных, диалектики „Искры“ и „Зари“ поставили пунктами их практической программы действия. В них, действительно, нет места „неосновательным“ разговорам о социалистическом перевороте. Один только пункт в программе „научных“ диалектиков неоснователен, а именно, что их партия „поддерживает всякое оппози-

ционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка". Неосновательно включать в программу старую фразу Коммунистического Манифеста, когда сами научные диалектики знают досконально, что в прошлом они только и делали, что нападали на русских революционеров. Впрочем, к их чести, они всей своей деятельностью двух последних лет доказали, что фраза стоит у них ни к селу, ни к городу:—их полемика против либеральной оппозиции и „Освобождения“, против социалистов и „Революционной России“ лучшее тому доказательство.

Приведенные пункты экономической части программы наших диалектиков, именуются ими „научным социализмом“, а на языке обыкновенных смертных это называется „рабочим законодательством буржуазного государства“. Все эти требования, или целиком, или частями осуществлены министерством Гладстона в Англии, законодательством Швейцарии и Соединенных Штатов. Научные диалектики школы Энгельса могут называть английскую плутократию и царство трестов в Америке основательным, научным, диалектическим, марксистским социализмом, но смеем уверить достойных учеников Энгельса, что это не социализм человечества. Толковые и грамотные люди всех национальностей и общественных положений знают доподлинно, что наемный труд и частная собственность составляют „священную основу“ буржуазного общества, охраняемого современным государством против социалистов вообще, а в особенности против социалистов-революционеров и коммунистов-анархистов. Какими судьбами диалектические ученики Энгельса, выступая защитниками буржуазного законодательства капиталистической частной собственности и наемного труда, назвали самих себя и их присных, не основательными и благоразумными буржуа, а социалистами, да еще революционерами? Ведь толковать о социалистическом перевороте неосновательно...

А что до политической стороны программы учеников Энгельса, то она не только недоразумение, а вопиющее противоречие всему ходу развития радикальной политической мысли. По сравнению даже с республиканцами Швейцарии, С. Штатов, Бразилии и

даже Мексики, наши диалектики кажутся политическими троглодитами, которым чужд весь ход развития политической демократии за два последние столетия.

Программа „Искры“ и „Зари“ провозглашает будущей формой русского правительства республику. Так как программа удерживает капиталистическое производство и буржуазный общественный строй, то и республика их будет такая же буржуазная—как и в Швейцарии, в С Штатах и пр.?—Нет; их республика будет и того хуже, так как наши диалектики хотят лишить русских республиканцев не только права референдума и народной законодательной инициативы (прямое законодательство), но даже местного самоуправления и принципа автономии и федерализма. Партия „Искры“ и „Зари“ мечтает о всероссийской, единой и централизованной буржуазной республике. Дабы убедить россиян в благе централизованной буржуазной и административно-полицейской республики, г. г. Плеханов, Ленин и содружество уверяют, что

„Не дело пролетариата проповедывать федерализм“ („Искре“ № 33).

А что же пролетариат должен проповедывать и защищать, в С. Штатах, например? — Современную федеративную, республику или империализм плутократов и Тамани Голля? А в Англии, надлежит ли пролетариату, совместно с ирландцами и Джоном Морлей, защищать Home-Rule и федерализм, или же стоять за империализм Чемберлена и лэндлордов? Тоже и во Франции, — следует ли пролетариату проповедывать и защищать принципы и традиции Парижской Коммуны 1871 года, или же централизацию Тьера и версальцев, Гамбетты и оппортунистов.

Очевидно, нашим диалектикам дороже Тьер и Чемберлен, оппортунисты, лэндлорды и плутократы. Оно и естественно: капиталистической республике учеников Энгельса, основанной на эксплуатации пролетариата, империализм и централизация несравненно родственнее, чем автономия и федерализм.

Удивительные блага сулят русскому народу диалектики социаль-демократии: капитализм и эксплуатацию для народа, частную собственность и монополию для буржуазии, в централизованной республике Гамбетты и Тьера! Чем провинился русский народ? За что поли-

тическое невежество хочет лишить его прав автономии и федерализма?

Стоило же целых двадцать лет полемизировать с русскими социалистами и громоздить гору диалектических извращений программ затем, чтобы эта гора родила такого крошечного буржуазного мышенка...

Приложение. „Искра“ уверяет, что федерализм не дело пролетариата. Вот декларация Коммуны пролетариата от 19 апреля 1871 г.

„К Французскому Народу:

„Чего требует Париж? —

„Немедленного признания полной автономии коммун во всей стране, со всеми правами для каждой; Парижская Коммуна требует, как для себя, так и для других коммун страны, права свободно федерироваться и вступать в вольный союз, который и обеспечить французское единство.

„Что же касается центрального административного органа для целой Франции, то в нем Коммуна желает видеть свободную делегацию федеративных коммун, руководствующихся на деле теми же принципами, которые она исповедует (принципы эти были: управление всеми общественными службами, бюджетом, свободная избираемая магистратура, народное образование, национальная коммунальная гвардия, сама избирающая своих офицеров и командиров и пр.)

„Единство, о котором заботились империя, монархия и парламентаризм (а у нас „Искра“ и „Заря“), есть ничто иное, как тягостная, произвольная, деспотическая, неразумная централизация¹⁾.“

¹ Читатель может найти полный русский текст Манифеста в „Парижская Коммуна“. Издание газеты „Работник“ 1874. Женева, стр. 104—107.

Глава II.

Диалектика—Научность.

You can fool all the people
some of the time, and some
of the people all the time, but
you cannot fool all the people
all the time.

A. Lincoln.

Некоторое время можно дурачить людей; некоторых можно всегда дурачить, но дурачить всех и всегда—невозможно.

А. Линкольн.

§ 1. Диалектика.

Низведя социализм на мелкие уступки рабочего законодательства в капиталистическом государстве, признав за основу общественной справедливости частную собственность и заработную плату рабочему от хозяина а свободу, самоуправление, автономию и федерализм революционной демократии, променяв на ветошь „деспотической, тягостной централизации“, наши диалектики социаль-демократии постарались спутать и самую терминологию науки и научного мышления. Послушать этих господ, индуктивные науки вовсе не науки, а вздорная метафизика, тогда как Гегель, с его саморазвивающимся мировым духом, или Зенон Элейский, создавший диалектический метод и знаменитую школу софистов, представляют тот единственный и живой ис-

точник науки, из которого вытекли¹⁾ все великие открытия естественных наук в XIX столетии, увенчавшиеся философией единства физических сил и трансформизма.

Но справедливость обязывает нас сказать, что вся путаница и все извращения совершены не нашими доморощенными диалектиками. Они только рабски повторяли слова их немецких учителей, собственно говоря, одного учителя — Энгельса. Называя себя марксистами, они стали проповедовать по вопросам методов и философского мышления нечто такое новое и оригинальное, о чем ни Маркс, ни кто бы то ни было из мало-мальски знакомых с логикой и методом научного мышления не мог и подозревать. Вся слава превращения индуктивного метода и точной науки в метафизику целиком принадлежит Энгельсу; ему одному обязано наше поколение великим открытием, что Бэкон и Локк, французские сенсуалисты и энциклопедисты были метафизиками, а немецкий идеализм XVIII и начала XIX ст. был настоящая философия развития, эволюции и трансформизма. Совершил Энгельс удивительную метаморфозу до того неумело, что, право, приходится удивляться, как до сих пор никто не обратил на это внимания. А между тем, вред причинен им, особенно у нас в России, без преувеличения громадный.

Дав своим читателям более чем фантастическое представление об индуктивном методе, Энгельс вдруг объявляет:

„Перенесенное Бэконом и Локком из естествознания в философию, это мировоззрение (индуктивное) создало характеристическую органиченность последних столетий—метафизический способ мышления²⁾“.

Просим читателя внимательно вдуматься в эту цитату. Она главный источник всех извращений диалектических республиканцев. Ее победоносно цитируют публицисты „Зари“ и г. Бельтов, ее многократно перепечатавали в Германии, повторяют ее во Франции (Лафарг), Италии, Испании.

¹⁾ „Их теории (эволюционистов), где они оказываются верными, являются новой иллюстрацией гегельянства“. Бельтов. стр. 87.

²⁾ Ф. Энгельс. „Научное развитие социализма“. стр. 17. Издание второе. Перевод В. И. Засулич, Женева. 1892 г.

Из этой удивительной цитаты ясно следует, что метафизическое мышление, а значит метафизику, создали Бэкон и Локк путем индуктивной науки. Правда ли это? Абсолютнейший вздор! отвечает Маркс. Полное и невежественное извращение фактов и понятий. Не метафизику, а Материализм в философии создали Бэкон и Локк приложением индуктивного метода.

„Настоящим родоначальником Материализма и *всей опытной науки*, говорит Маркс¹⁾, был Бэкон. Для него истинная наука есть *естествознание*, а физика — главная часть естествознания... По его учению, нас не могут вводить в заблуждение наши внешние чувства, являющиеся единственным источником знания. [Что прямо отрицает метафизику.] Наука есть опыт. Она состоит в применении рационального [индуктивного] метода к данным, доставляемым внешними чувствами. Наведение, анализ, сравнение, наблюдение, опыт, — вот главные условия рационального [индуктивного] метода.

„Первым и *самым главным* из свойств, прирожденных материи, является *движение*, — не одно только механическое и математическое, но движение, как жизненный дух... *Первичными свойствами материи являются неотъемлемо присущие ей силы, создающие специфические индивидуальные различия живых существ.*

Так Маркс, еще очень молодой, составляя по истории философии конспект о материализме, и согласно обще-признанным фактам, говорил о Бэконе. А вот его слова о Локке:

„Локк основал философию здравого смысла, *bon sens*, т. е. косвенным образом сказал, что не может быть философии, отличной от рассудка [по Энгельсу она существует] основывающегося на свидетельстве здоровых внешних чувств человека.“ (стр. 64) „Кроме отрицательного опровержения [во Франции] теологии и метафизики XVII ст., чувствовалась также нужда в положительной *антиметафизической системе*... „Сочинение Локка о „Происхождении человеческого рассудка“ очень кстати появилось с того берега пролива. Его восторженно встретили [французские материалисты], как самого желанного и дорогого гостя“.

¹⁾ К. Маркс. „О французском материализме XVIII ст.“ Приложение к русскому переводу „Люд. Фейербах“. стр. 59 и следующие. Перевод Плеханова.

Эти слова Маркса утверждают давно и всем известный факт, что Бекон родоначальник, а Локк систематизатор *антиметафизической* материалистической системы. Как же это Энгельс, а за ним г. г. Бельтов, Плеханов и другие кричат, что два известных английских философа, отцы материализма и философии здравого смысла, создали метафизическое мышление? И каким чудом антиметафизическая система (по Марксу) породила метафизику (по Энгельсу)? — Это первый пример противоречия. А вот и другой.

Энгельс уверяет своих читателей, а за ним хором повторяют на всех языках Каутский, Бельтов, Лафарг, Иглезиас, Плеханов и содружество, что:

„Гегель освободил от метафизики понимание истории“. (Стр. 23).

А Маркс в том же приложении говорит на стр. 59:

„Французское просвещение, а в особенности французский материализм XVIII века представляет собою не только борьбу против существующей религии и теологии, но также открытую, ясно выраженную борьбу против метафизики XVII столетия: Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница...“

„Пораженная... особенно французским материализмом, метафизика XVII столетия имела свою победоносную (в эпоху реакции после великой революции, вставим мы) и богатую содержанием реставрацию в лице немецкой, и именно *спекулятивной* (отвлеченной) немецкой философии XIX столетия. После того как Гегель основал свою всемирную *метафизическую империю*, нападки на теологию снова, как и в XVIII веке, пошли рядом с нападками на *спекулятивную метафизику* и на всякую метафизику вообще“.

Как это Гегель, основатель метафизической империи (по Марксу), мог освободить от метафизики историю? Кто тут противоречит истине? Маркс? — Нет. Он говорит то, что давно установлено в науке и в литературе. Значит, Энгельс и диалектическое содружество? — Пусть судит читатель, а мы обратимся теперь к тому удивительному сплетению диалектической сети, в которую Энгельс и его достойные ученики увлекают наивных людей.

Приведенными цитатами мы вновь восстановили истинный смысл терминов элементарных учебников ло-

гики. Не во гнев нашим переводчикам творений Энгельса, мы можем сказать, что родоначальником материализма был Бэкон, для которого только естествознание было и есть действительная наука. Отсюда само собой вытекает логически заключение, что только материализму естествоиспытателей и врачей может быть присвоено наименование настоящего Бэконовского материализма. Не так ли? существует ли иной материализм? Наука отвечает, что нет. Но Энгельс отвечает, что есть иной материализм, открытый им, — это материализм диалектический; а что до материализма науки индуктивной, то он, видите ли принял „опошленный“, вульгарный вид в головах врачей и естествоиспытателей¹⁾).

О материализме вообще речь впереди; мы потом увидим, как материализм энциклопедистов, благодаря трудам Лапласа, Гершеля, Биша, Ламарка, Гумбольта и Лайеля, и потом трудами физиков, химиков, физиологов, особенно Клода Бернара, Гельмгольца, Грове, Геккеля и других, стал не теоретическим обобщением, не гипотезой, более или менее хорошо аргументированной, а положительным знанием, основанием, всей современной науки.

Но допустим на время, что Энгельс действительно совершил открытие. Спрашивается, что-же именно он открыл? У материализма был уже давно свой родоначальник. Стало быть его-то открыть Энгельс не мог. Не открыл-ли он диалектику? Сомнительно... Он сам говорит, что Декарт и Спиноза, Дидро (архиматериалист) и Руссо, а потом Фурье (утопист) и Гегель (император метафизики) владели диалектикой блестяще. Ясно, что материализм и диалектику открывать ему не приходилось. Но оказывается, что он открыл процесс, по которому диалектика, из метода доказательства от противного, превратилась в науку, да еще в науку индуктивную, физическую науку о движении. Каким это образом совершился метаморфоз метода *философского диалога* в индуктивную науку? — Про это Аллах ведает, да Энгельс нас уверяет. „Диалектика, говорит он, сводилась (для прозревших нео-гегельянцев) к науке об общих законах движения во внешнем мире и в чело-

¹⁾ Энгельс. „Л. Фейербах“. стр. 18.

веческой мысли“ (стр. 37) — и немного ниже: — „Таким образом диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением *диалектического движения* (?) внешнего мира“¹⁾. — Этого набора слов я, грешный человек, не могу понять. Зная, что диалектика есть *метод* философского диалога, как индукция есть *метод* точных наук, я попробую подставить во фразу Энгельса вместо „диалектика“ „индукцию“, и получим: „индукция понятий сама становилась лишь сознательным отражением *индуктивного движения* внешнего мира“. Мне скажут: это галиматья в мозгу. Согласен. Но в чем?

Вот это „*диалектическое движение*“ внешнего мира и открыл Энгельс. Да что же такое, наконец, сам этот чудодейственный диалектический метод, который, то в науку о движении превращается, то становится „сознательным отражением внешнего мира“? — А ни больше ни меньше, как способ, метод доказательства данной мысли, метод очень дорогой для господ метафизиков, и которым можно доказать все, что вам угодно, смотря потому, что взято за тезис. Состоит этот философский диалог из трех частей (триада) — из тезиса, его отрицания (антитезиса) и отрицания отрицания (синтеза). Без триады нет диалектического метода. И вот, что говорят о нем специалисты.

Доктор философии Ф. Убервег, в „Системе Логики“ § 11, говорит: „Зенон Элейский первый нашел точные формы ведения *философского диалога*, в особенности искусство косвенных доказательств (от противного). Поэтому Аристотель называет его основателем диалектики... Софисты разработали диалектическое искусство, но часто злоупотребляли им преднамеренно и капризно“. (§ 25).

Запомним же, что софисты разработали диалектику. А Энгельс утверждает, что она — „высшая форма мышления“, которая научила его доказывать, что индукция и материализм создали метафизику, а Гегель освободил понимание истории от метафизики, именно потому, что он рассматривал все явления жизни с метафизической точки зрения, — утверждения вполне достойные софиста, разрабатывающего диалектику. В

¹⁾ Энгельс. „Л. Фейербах“. стр. 37.

довержение всего он уверяет, что сам старик Гегель дал диалектике то удивительное развитие, при котором из простого метода метафизических доказательств она может превратиться в особую самостоятельную индуктивную науку о движении. И это утверждение вздор! У Гегеля ничего подобного нет. В его „Логике“, трактуя о познании, он между прочим говорит: „С точки зрения формы познания в логике их существует три вида: абстрактный, или познание; диалектический, или отрицательное мышление; спекулятивный, или положительное мышление. Все три вида являются не отдельными частями логики, а суть только разные моменты (стадии) логического целого“... „Диалектика же в ее приложении к философским теориям... становится *скептицизмом*“. Совершенно верно. Для того, чтобы построить антитезис (отрицание) и синтез (отрицание отрицания) вы должны последовательно усомниться в незыблемости истины первых двух членов триады. Но разве скептицизм означает индуктивную науку о движении? Где, у кого Энгельс нашел подобную диковину?... Ах, да! я и забыл, что это его собственное открытие. В заключение Гегель признается, что излюбленная метафизиками диалектика „зачастую является только перепалкою аргументами за и против, причем отсутствие ясности мысли прикрывается ловкостью и изворотливостью“. — Как раз качествами, которыми так прославились софисты времен Сократа и диалектики буржуазного русского республиканства, задумавшие под знаменем социализма утвердить в России капитализм ..

Переходя от трудов метафизиков к сочинениям людей индуктивного мышления, но глубоких знатоков методологии и систем метафизической философии, мы встречаем в них самое безусловное осуждение диалектики и метафизики. Профессор В. Вундт, говоря о немецких метафизиках минувшего столетия, оценивает диалектический метод в следующих выражениях:

„Метод диалектической конструкции, благодаря которому эти философы считали свои взгляды неопровержимо очевидными, в наших глазах являются неестественной и отталкивающей оболочкой, скрывающей и уродующей мысль“¹⁾. (стр. 22).

¹⁾ В. Вундт. „Связь философии с жизнью в последние сто лет“. Перевод Юговского. Одесса. 1893.

О самом Гегеле и об его политико-исторических воззрениях ученый профессор говорит:

„Гегель — истый философ реставрации... В нем живет то высказанное Фихте убеждение, что личность должна служить идеям, одушевляющим нравственный организм целого. Но воплощением нравственного организма является для Гегеля... абстрактное государство, безусловное господство одной общей воли, которой повинуются все индивидуальные воли“. (стр. 28)— „Она (идея Гегеля) представляет в абстрактной форме *возвеличение бюрократического государства*, облеченного в конституционные формы; об'яснение, какое философ дает этим формам, является в сущности ни чем иным, как увековечиванием мнимого конституционализма и возведением слабейшего и *вздорнейшего* из политических созданий в общий постулат разума (стр. 29). Таким образом, высшая историко-философская идея этой системы в конце концов сама *подчиняется и служит* политической тенденции *реставрационной философии*“ (стр. 30), которая вся сводится, прибавляю я, к Самодержавию, Православию и Народности“ Николая I, Александра III, Победоносцев и Каткова...

Отгалкивающая, уродующая мысль оболочка — вот она эта Энгельсовская высшая форма мышления. Дальше мы увидим, как уродующая оболочка, выданная невеждами за научное мышление, изуродовала, исковеркала высокий идеал социализма, оклеветала героев русской революции, поставила на пьедестал политические системы реставрации, т. е. учение Жозефа де Местра, Бональда и Гегеля и их практического выразителя Меттерниха. Это не преувеличение. Корифеи русского марксизма, г. г. Бельтов и Плеханов, усердно пропагандируют диалектику Гегеля и его историко-государственную идею. А его „идея государства, говорит Вундт, так же хорошо, если еще не лучше, применима к любому созданию Венского Конгресса (торжество Меттерниха), как и к народному государству“. (стр. 28) — Вот эту то прелесть, одинаково приятную Меттерниху и Николаю I, Гегелю и Энгельсу, наши диалектики, прямые наследники Зенона и софистов, и селятся выдать за социалистический идеал. Они и не подозревают, что социализм создание английского и французского, индуктивного, материалистиче-

ского мышления, а не новейшей теологии гегелевской метафизики мирового духа, т. е. того же Иеговы, только без атрибутов, приданных ему полудикими номадами Палестины и попами христианства. Не подозревают наши диалектики и того, что немцы не внесли в социализм ни одной, абсолютно ни одной, оригинальной мысли, ни одного нового определения, будь то в экономике и в этике, или в практическом приложении формул, выработанных сен-симонистами, фурьеристами и последователями Р. Оуэна. Как в политическом отношении еще Мадзини жаловался, что метафизическая немецкая демократия не сделала ничего для свободы, так и современный социализм имеет право сказать, что немцами метафизиками не было совершено ничего жизненного, прогрессивного, обновляющего. Напротив того, под влиянием метафизической теологии, путем „диалектической конструкции, уродующей мысль“, они внесли фатализм и предопределение *концентрации капитала*, а вместо свободы, братства и автономии— учение о подчинении личности и дисциплине и о всемогущем, всеподавляющем гегелевском государстве, которое „гораздо лучше применимо“ к дезидератам Меттерниха и Николая I, чем к идеалам французской и английской демократии, совершившим американскую и Великую Революцию и давших человечеству новые хартии *политического* освобождения в декларациях американской независимости и Прав Человека.

Да и как могли бы диалектические метафизики внести вклад в науку, враждуя с индукцией? или в область социальных и политических прогрессивных идеалов, когда исходная формула их философии гласит: „все существующее разумно“? Дети софистов по методу, прямые наследники идеализма Лейбница, с его еще более консервативным девизом: „все прекрасно в этом совершенном мире, так как он творение совершенного бога“, метафизики продолжали и в XIX ст. построения бесплодных, ничего недоказывающих систем, на том неудобоваримом и туманном жаргоне, над которым так зло потешался еще старик Шлоссер. Отсюда и вражда науки к метафизике, та именно вражда против нее и теологии, о которой говорит выше приведенная цитата Маркса. Консервативное по существу, как все построенное на идее божества или абстрактного духа,

метафизическое мышление, обыкновенно, достигает апогея своего расцвета только в эпохи реакции и застоя в политической, общественной и умственной жизни. За исключением Голландии, XVII ст. на континенте, как и первая четверть XIX ст. — эпоха конгрессов и союза монархов против народов, свободы и науки — были самыми мрачными реакционными периодами в новейшей истории и расцветом метафизики. У нас метафизика царила в 30-х годах, вслед за подавлением заговора Декабристов, да второй раз ее реставрировали еще в более мрачную эпоху Александра III, Победоносцева и других врагов науки и гуманности.

Но и в эпохи злейшего развития диалектического мышления и метафизики, эта последняя страдала старческой немощью и бесплодием... ибо она стремилась разрешить общие законы физического мира без индуктивного изучения природы, ее сил и явлений, растительной и животной жизни. Стоит только проглядеть любую историю наук и литературы¹⁾, чтобы убедиться в бесплодии метафизиков. А чтобы судить до каких курьезов могли иногда додумываться самые гениальнейшие из них, достаточно вспомнить Декарта и Канта, определявших с точностью органы человеческого тела, где обитала душа; или Аристотеля, утверждавшего, что камень, движимый палкой в руках человека, движется не последним, а первым; или объяснение его же, о неизменяемости уровня моря, куда реки непрерывно вливают воду, тем, что должны существовать подземные реки, несущие воду обратно к источникам подземных рек. Названные метафизики, бесспорно, выдающиеся умы человечества, заблуждения их — плод метафизического метода, а не индивидуальной мыслительной способности их гениальных мозгов. Ежели эти гиганты метафизики могли так заблуждаться, то надобно ли удивляться вздорной болтовне маленького Энгельса. Метафизика и ее метод путали людей и не ему чета, обрекая их на бесплодие и заблуждения.

„Метафизическим методом, читаем мы у Бокля²⁾).

¹⁾ Хоть бы Уевеля, Геттнера, Лекки, Дрепэра, Шерра и пр переведенных давным давно на русский язык.

²⁾ „History of civilisation in England“. Т. I. стр. 146, 147, 140. Рекомендуем читателям „Историю Философия“ Г. Т. Люиса, которую ругательски ругают наши метафизики, начиная Юркевичем и

не было совершено до сих пор ни одного открытия ни в какой отрасли науки... Согласно метафизике, существует два метода исследования человеческого мышления, оба одинаково ясные, а тем не менее приводящие к совершенно различным результатам. По одному методу, исследователь начинает с изучения своих собственных ощущений; по другому—с изучения (ex-*amining*) своих мыслей. Эти два метода всегда вели, и неизбежно должны вести, к заключениям диаметрально противоположным. Причины этого не трудно понять. В метафизике, ум в одно время инструмент и материал, над которым работает инструмент. Но в метафизике неизменно повторяется, что если два одинаково способных и честных исследователя пользуются разными методами исследования душевных явлений, то и выводы их будут различны“.

Другой великий ум—действительная гордость Германии и человечества — Гете, был тоже не особенно лестного мнения о диалектике (см. 3 ч. *Conversations* Эккерманна). Его гений не мог мириться с методом, которым, по сознанию самого Гегеля, одинаково легко доказываются взаимно отрицающиеся противоположности. Гете знал хорошо, что существует только один метод научного мышления: то метод науки индуктивной: данная гипотеза, проверенная индукцией, становится теорией, когда причинность явлений и их взаимность были доказаны и об'яснены методом дедуктивным.

К этим мнениям „великого немца“, знаменитого историка-философа, будет необыкновенно изящным алмазом, сверкающим украшением, остроумное определение бессмертного автора „Кандида“: „Когда два философа не понимают друг друга, они заняты метафизикой, когда они сами себя не понимают—они заняты высшей метафизикой.“ (*Quand deux philosophes discutent sans se comprendre, ils font de la métaphysique; quand ils ne se comprennent plus, ils font de la haute métaphysique. Voltaire.*)

Перечитал я этот параграф и стыдно мне стало

Катковым, и кончая г. Бельтовым и содружеством. Осуждение этих знаменитостей—лучшая рекомендация книге знаменитого английского свободного мыслителя и радикала.

за то, что такому избитому, устарелому и, казалось, на веки погребенному вопросу, как метафизика и диалектика, пришлось посвятить столько страниц. Помилуйте, каждому бедному „философу“ до-реформенной бурсы Помяловского было хорошо известно, и он, бедняк, писал в своих „задачках“, что „Господин Бэкон Веруламский изобрел индуктивный метод и был первый материалист“, а „Господин Гегель был великий философ и метафизик.“ А тут, именем науки, социализма и даже революции, Энгельс перепутал преднамеренно, да, преднамеренно перепутал всю терминологию, уверив naïвных людей, что индуктивная наука и есть давно осмеянная метафизика, а новейшая теология мирового духа и „феноменология“ его и суть настоящая наука и материализм. Ему, апостолу „монополии государства“, „армии труда, особенно для земледелия“, централизации с „обработкой полей по общему плану“¹⁾, проповеднику подчинения, дисциплины, — ему необходимо было, крича модные фразы о материализме, об эволюции и трансформизме, удержать принцип мирового духа Гегелевской метафизики. И совершил он этот умышленный... как бы выразится деликатнее?... ну, научный фокус, что-ли? — обращаясь к рабочим от имени социализма, причем он уверял последних, что великие социалисты, С. Симон, Фурье и Роберт Оуэн были взбалмошные мечтатели утописты, а настоящими „научными социалистами“ являются он, Энгельс, и Маркс, потому... а потому, читатель, что они первые приложили к социализму *ненаучную*, метафизическую диалектику Зенона и софистов. Стали научными от приложения ненаучного метода! Подлинно блестящий софизм... Немецкие рабочие, к их чести, очень мало поинтересовались всеми метафизическими и диалектическими извращениями, как то видно из письма Ауера к Бернштейну, да и другие вожаки признавались, что писаниями Энгельса можно доказать прямые противоположности.

Но у нас, к несчастью, все извращения Энгельса были усвоены учащеюся молодежью, как наука социализма и революции. Им, чистым, героическим, готовым ежедневно рисковать своею жизнью за великое

¹⁾ Фразы „Коммунистического Манифеста“.

дело социального и умственного освобождения народа и человечества, говорили все последние двадцать лет, сначала эмигранты типа г. Плеханова и содружества, а потом и легальные авторы (Бельтов, Струве и др.), а а за ними многие чиновники Деляновского университетского мракобесия, что в „трудах“ Энгельса „мы встречаем самое блестящее изложение“ социализма и науки. Молодежь поверила, обманутая фразами о социализме и революции. Она стала отворачиваться от великих друзей человечества, как от утопистов; от индуктивной науки и философии трансформизма и монизма материалистов, как от метафизики. Раз названным писателям удалось отуманить теоретически революционеров, потом они стали смелее и принялись систематически извращать социалистические программы русских революционеров и, как мы видели в первой главе, кончили тем, что вместо социализма подставили капитализм буржуазной, да еще централизованной республики.

Вот почему пришлось нам так долго остановиться над вздорною метафизическою рухлядью, так безжалостно разбитою в 60-х годах, знаменитою плеядой публицистов и ученых, группировавшихся вокруг Чернышевского в „Современнике“. Кто бы мог предвидеть тогда, что через сорок лет, под видом социализма и революции, возродится именно та диалектическая метафизика духа, которую защищали против Чернышевского Юркевич и Катков? А между тем, один из названных марксистов, г. Бельтов, укоряя г. Миртова за его робкое умалчивание о философии „духа“, восклицает: „Говорить о духе было запрещено Современником“ — точь в точь Катков, кричавший о тирании „Современника“ и рыцарей „Свистка“. — Не „Современник“, а наука, оклеветанная Энгельсом, сдала в архив реакционную метафизику, „лучше применимую“ к идеалам Меттернихов и Катковых. Но г. Бельтову недостаточно просто лягнуть по адресу знаменитого журнала и такого честного и смелого мыслителя, как Чернышевский. Ему необходимо окончательно отбить от него революционную молодежь. Конечно, атаковать его прямо было бы слишком рискованно, а дискредитировать его — фурьериста и трансформиста, защищавшего общину и „вульгарный“ материализм есте-

ствоиспытателей, дискредитировать его была настоятельная необходимость.

Чернышевский — прямой философский и социалистический антипод Бельтову и его учителю Энгельсу. Он им бельмо на глазу. Последние уверяют печатно, что „из школы Гегеля вышла вся та блестящая плеяда мыслителей, которая придала совершенно новый вид изучению религии, эстетики, права, политической экономики, истории, философии“... (стр. 88) — а тут, вдруг, самый знаменитый из русских писателей по эстетике, истории, философии, политике, политической экономике категорически заявляет, что он не последователь Гегеля. Действительно, кто читал Чернышевского, тот знает, что автор „Антропологического принципа в философии“ ставил выше Гегеля и его последователей многих мыслителей и ученых; очень высоко ценил он науку и философию Англии и Франции, на которых Гегель и немецкая метафизика не имели абсолютно ни малейшего влияния, а что до истории, то в той же Германии Чернышевский ставил высоко Гердера и его „Ideen zur Philosophie der Geschichte“, историческую критику Нибура, а во Франции и Англии Огюстена Тьерри, Юма, Бокля и многих других, совершенно игнорировавших Гегеля, отчасти и потому, что многие из них и жили-то до него. В довершение всего, Чернышевский в 1859 г. в статье „Капитал и Труд“ развивает мысль о борьбе классов, еще в 40-х годах установленную французскими социалистами, особенно фурьеристом В. Консидераном, свои симпатии к которым Чернышевский не скрывал. Все это и многое другое разрушает легенды об открытиях марксистов, разбирает их метафизику. Является, стало-быть, настоятельная нужда дискредитировать мученика русской мысли, не упоминая его имени. И вот начинается кампания инсинуаций.

Чернышевский симпатизирует фурьеристам и удивляется самому Фурье. Бельтов об'являет, „что Фурье, как гоголевский Костанжогло, старался всякую дрянь употребить в дело“ (стр. 51). Затем, как подобает буржуазному публицисту школы Энгельса, Бельтов разносит в пух и прах утопизм и утопистов, Фурье и его школу в особенности, а кстати и докладывает:

„Утопист не опровергает ученых защит

„ников буржуазии; он лишь делает к их „теориям „*примечания*“ и *поправки* (стр.43)“.

Хотя эта фраза высказана в связи с именем Анфантена, в действительности употреблена она как постулат вообще об утопистах; а в кого собственно автор метит, — он сам-же указывает через одну страницу:

„Автор *примечаний* к Миллю (т. е. Чернышевский) смотрит на экономические вопросы с точки зрения утописта“ (стр. 45).

Вот и установлено, что социалисты-утописты всякую дрянь в дело совали; что, будучи утопическими врагами капитализма, они только примечания могли писать к трудам его защитников, что одним из таких утопических врагов капитализма был и Чернышевский. Установив это, г. Бельтов наносит последний удар, *coup de grâce*, так сказать, утопическим врагам капитализма. Он полон благородного негодования. Ему судил рок отомстить за мировой дух и его феноменологию, пораженные „Современником“, вопреки усилиям жрецов научности и философии Юркевича и Каткова, — надобно отомстить и Гегеля, от которого так нагло отчурался утопический враг капитализма, Чернышевский. Г. Бельтов стоит вполне на высоте своей исторической миссии; приговор его ужасен; пропечатан он курсивом; им заканчивается глава на стр. 264: —

„...Утопические враги капитализма оказываются на деле пособниками капитализма в самом гнусном и в самом вредном его виде“.

Таков приговор. Посрамлены „Современник“ и Чернышевский; отомщены Гегель, мировой дух, метафизика, диалектика, от которых отчурался Чернышевский; отомщены кстати и русские защитники „духа“ от „Современника“: г.г. Юркевич, Катков и другие... Сколько подумаешь, тут ума, благородства, гражданского мужества!

Честные люди, запомните это!

Глава III.

Научность.

По непонятному противоречию, Энгельс, а за ним и все публицисты и ораторы социаль-демократии, преклоняясь перед диалектикой, метафизикой и Гегелем — „императором метафизики“ — стали называть свои философские, политические и социальные доктрины не метафизическими, а научными. Странно. Не они-ли так разносили индуктивную науку Бэкона и Локка, Бокля и Чернышевского, и объявили ее „вульгарною“, создавшею „характеристическую ограниченность последних столетий“? Не они-ли славословили Гегеля, его диалектику и мировой творческий дух (бог дикарей и богословов), его метафизику и государство, едва-ли „не лучше применимое к любому созданию Венского конгресса“? (Вундт)

Спрашивается, почему они затеяли такой странный маскарад и, вместо лучезарных риз диалектической метафизики; облеклись в рабочее платье индуктивной науки? Почему они именуют свои диалектические упражнения „научными“, а не метафизическими? Или они не подозревают, что вне индуктивного метода Бэкона и Локка нет науки, а стало быть нет и научного мышления?... — „Но, ответят эти представители научности без индуктивной науки, если вы прочтете Энгельсовы бесчисленные *предисловия* 80-х и 90-х г.г. *к новым изданиям* брошюр и статей 40-х г.г. Энгельса и Маркса, вы увидите в них (в предисловиях 80-х г.г., а не в тексте), что еще в 1845 г., встретившись в Брюсселе, Маркс и

Энгельс выработали новые методы философского мышления, новые законы общественного развития, материалистическое (экономическое) объяснение истории. Вот эти великие открытия и составляют содержание *науки партии*, социаль-диалектическую „научность.“

О методах мышления, о диалектике, об ее научности, „уродующей мысль“ (Вундт), а равно и об открытиях Энгельса в области метафизического мышления мы уже говорили. Перейдем теперь к диалектическому объяснению истории, и прежде всего установим, с помощью самого Энгельса, историю их великого открытия.— Действительно, Энгельс неустанно повторял в 80-х и 90-х годах об их (его и Маркса) открытиях, при чем он всякий раз точно указывал, что в 1845 году они уже завершили открытия и решили предпринять переработку общественной мысли согласно с ними, с открытиями, конечно. Это он заявлял, а за ним повторяли все социаль-диалектики, включая и русских г. г. Бельтова, Струве, Плеханова и содружество. Как подтверждение обыкновенно, приводятся двадцать строк из предисловия Маркса к его претенциозной и никем тогда не замеченной „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“. 1859 г. Двадцать строк... и только? — Да, только и то ждется 14 лет со времени открытия. Маловато, кажется. Особенно ничтожными кажутся эти строки рядом с блестящими статьями той же эпохи Н. Г. Чернышевского. Сравните, напр. „Капитал и Труд“, „Экономическая деятельность и Законодательство“. „О причинах падения древнего Рима“, „Философские предубеждения против общинного владения“, „Июльская Монархия“, „Борьба партий во Франции“, „Политика“ (первую статью особенно) — и вы увидите, как жалки эти двадцать строчек предисловия „Zur Kritik“, как смешны претензии, основанные на них. А ведь Чернышевский не претендовал на открытие роли экономических факторов в эволюции истории человечества. И как бы мог совершить подобную нелепость он, знавший труды Вико, Гердера, Вольфеня, Тьерри, Бланки, Кетле, Бокля и других, установивших и разработавших учение об экономических факторах в истории? Цитатами из названных авторов, а также и других мы покажем тоже, что только по грубому невежеству, диалектики могли принять за откровение избитое, общее место в так на-

зываемой философии истории, одним из отцов которой был Гердер.

Поразительно четырнадцатилетнее молчание (с 1845 по 1859 г.) о великих открытиях. Ведь Маркс и Энгельс писали все это время в немецких, английских и во французских журналах. В 1847 г. Энгельс сотрудничал в „La Rèforme“ Флокона и Ледрю-Ролена. В своих письмах из Лондона Энгельс рассказывал о каждой фразе и статьях Маркса и его самого ¹⁾, а о великих открытиях ни слова не упоминает. Это тем более странно, что именно во Франции того времени очень много говорилось и печаталось о классовой борьбе, о роли экономических факторов в истории и в социальном строе. Историки—Тьерри, Мишле, Луи Блан, Гизо; социалисты — Пекер, Видаль, Виктор Консидеран; политико-экономические реформаторы—Бюре, Виллерме, Адольф Бланки — все в той или иной форме касались этих вопросов. Почему Энгельс и Маркс, писавшие в то время очень много, нигде не обмолвились ни словом об открытиях, перевернувших человеческое мышление и создавших совершенно новый феномен: науку партии, а не человечества? Не по скромности ли? Может быть и по скромности, хотя сомнительно, так как если Энгельс и грешил чем, то только не скромностью, особенно в 80-х и 90-х годах, когда он стал беспрестанно повторять именно о великих открытиях, вполне выработанных в 1845 г., — не позже, а в 1845 году. А все-таки очень странно, что с знаменитого теперь в истории человечества 1845 года вплоть до 1859, отцы науки партии могли только дать свои исторические и классовые воззрения в Коммунистическом Манифесте ученически повторившем, как мы увидим позже, манифест В. Консидерана 1847 года, да еще двадцать строк выше названного предисловия „Zur Kritik“ 1859 г.

Не ошибся-ли в дате открытий Энгельс? Не изменила-ли ему память под старость? Ведь он писал упомянутые предисловия и несколько компиляций — Моргана между прочим — когда ему перевалило за шестьдесят лет. Нам бы хотелось скорее думать, что наше предположение основательно, чем искать иных при-

¹⁾ Смотри новый французский перевод „Le Manifeste communiste“, par Ch. Andler. Paris 1901. Appendice.

чин для объяснения следующим, очень и очень странным смешениям и противоречиям. Вот несколько примеров.

В самом начале „Коммунистического Манифеста“ Маркс и Энгельс писали в 1848 г.

„...Коммунизм признан теперь силою всеми европейскими державами.“ — А в 1893 г., спустя 45 лет, на Цюрихском Конгрессе, Энгельс утверждал, что— „...в то время (в сороковых годах) социализм был достоянием только нескольких маленьких сект ¹⁾“ —

Маленькие секты были признаны „силою“, считались страшным призраком. Кто тут прав—Маркс и Энгельс вместе, или Энгельс один? А вот и еще примеры. Под старость Энгельс вздумал изложить популярно книгу Люиса Моргана „Древнее Общество“. ²⁾ Книга первоклассная, написана индуктивным методом, ученым громадных знаний. Первые работы Моргана по этому сюжету начали появляться с 1847 г. Но так как Маркс и Энгельс совершили их „великие открытия“ в 1845 г., то это дает последнему право писать в предисловии своей популяризации (1884 г.), что

„Морган на свой лад *вновь открыл* в Америке экономическое (материалистическое) объяснение истории, открытое Марксом ³⁾ сорок лет тому назад“.

Прочитав это, естественно вы набрасываетесь на изложение Энгельса, дабы видеть, как двое ученых — один индуктивный, другой диалектик — совершают одно и тоже открытие, не слышав друг о друге. Энгельс постарается воздать каждому ⁴⁾ по заслугам.—Излагая последовательно Моргана и его разбор мнений Грота о греческом роде, Энгельс приводит следующее возражение, по его уверению сделанное Марксом:

„Заметим г. Гроту, что хотя греки производили их

¹⁾ Отчет в „Journal des Economistes“ № 9 1893, стр. 323.

²⁾ L. Morgan „Ancient society, or Researches in to the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilisation“. New York 1877.

³⁾ Потом мы увидим, что и Энгельс принимал участие в открытии.

⁴⁾ У нас нет под руками русского перевода книжки Энгельса. Цитаты читатель найдет в IV главе на первых 4—5 стр. где речь идет о греческом роде по Гроту.

роды из мифологии, эти роды древнее самой мифологии с ее богами и полубогами“.

Возражение первостепенной важности, капитальное; оно разрушает легенды о божественном, сверхъестественном начале в развитии человечества, и делает большую честь его автору. Но беда в том, что Энгельсу опять изменила память: возражение это не диалектика Маркса, а индуктивного ученого Моргана, и не просто голословное возражение, а вывод из тщательного анализа громадного количества фактов. На стр. 228, строчки 11—14 сверху, у Моргана мы читаем его вывод из анализа мнений Грота:

„Приведенные факты доказывают существование родов далеко задолго до создания мифологии, раньше, чем представление об Юпитере или Нептуне, Марсе и Венере зародилось в мозгах у людей“.

Так говорит Морган, книгу которого Энгельс излагает страницу за страницей. Почему он приписывает мысли Моргана Марксу? Разве последний писал антигровотские исследования о греческой мифологии или о первобытном родовом быте в Греции?—Нет, ничего подобного Маркс не писал. Как же Энгельс глядя на страницу, изложенного им текста книги Моргана, приписывает слова последнего Марксу? — Тут даже нет места вопросу о старческой забывчивости, об измене памяти: у него открыта изложенная страница Моргана, а не Маркса. Но допустим, что и на этот раз старческая память изменила Энгельсу и он по ошибке приписал оплакиваемому диалектическому усопшему другу выводы из трудов „ограниченно-мыслящего“ индуктивного ученого. А как прикажите понимать следующее место, все о тех же греческих родах и о Гроте, две страницы выше приведенной цитаты, там, где Энгельс, из стр. 222 и 223 книги Моргана выписывает десять основных прав и обязанностей членов греческих родов? Между шестым и седьмым пунктами Энгельс вставляет весьма жалкий парафраз анализа этого (6-го) пункта у Моргана, и вдруг объявляет:

„Тут Грот останавливается, а Маркс добавляет: „Но в греческих родах мы узнаем дикарей,—ирокезов, например“.—

Читал я эти слова Маркса в кавычках и диву давался. Ведь этими словами начинается новый абзац

мастерского Моргановского анализа пункта 6-го (стр. 222, строка 16 и половина 17-ой).

The similarities between the Grecian and the Iroquois gens will at once be recognized“ („сходство между Греческим и Ирокезским родом сразу будет замечено“) говорит Морган, а не Маркс. Откуда тут взялся Маркс? В этом удивительном и единственном литературном случае не может быть и речи о забывчивости, ибо Энгельс просто копирует пункт за пунктом и, дойдя до 6-го, прерывает списывание с тем, чтобы вставить Моргановский анализ этого пункта, а потом продолжает переписывать 7-ой и все последующие до конца, но предварительно приписав слова Моргана Марксу... Вот этот удивительный процесс подписывания имени Маркса под чужим произведением и назван Энгельсом, а за ним проповедуем „учеными“ диалектиками, как настоящая научность. У нас, у обыкновенных смертных, подпись одного имени под рукописью или литературным произведением другого человека принято называть... Как?—Читатель знает без нас, а у диалектиков это называется „научная диалектическая триада“. Морган написал замечательную индуктивную книгу, — это тезис; Энгельс пишет по знаменитой книге диалектическую популяризацию, — это первое отрицание (диалектикой индукции); потом под лучшими индуктивными мыслями и выводами он подписывает имя диалектика Маркса, и получился синтез, отрицание отрицания (индукция опять заменила диалектику, но с именем диалектического Маркса!) Удивительный метод! Гениальная диалектическая творческая научность! А главное, какая удивительная добросовестность, трогательное великодушие: мысли и открытия безвестного индуктивного Моргана вынести на свет божий под лучезарным именем великого диалектика Маркса!...

Однако, возвратимся к нашему сюжету о „научности“ и великих открытиях диалектической школы. До сих пор мы видели только пустячки из „открытий“ Маркса и Энгельса. То были только цветочки, а ягоды будут впереди... И какие ягоды, читатель!

Популяризуя того же Моргана, в последней IX главе, „Барварство и Цивилизация“, Энгельс заявляет, что в изложении, теперь, „Капитал“ Маркса будет столь же необходим, как и книга Моргана“. Но по

странной забывчивости, Энгельс все продолжает излагать Моргана, а Маркс упоминается единственный раз там, где, по Моргану, излагается возникновение частной семьи, братств, племен из рода (gens) под влиянием, между прочим, и создавшейся частной собственности. При этом Энгельс приписывает Марксу мысль, что неравенство и господство одних над другими не возникли бы, «если бы разница в имуществах внутри самого рода не ставила бы единство интересов во вражду с чужаками мира». Это слово олько всего и приписано Марксу, но и то опять по забывчивости. Мнимые слова Маркса опять таки принадлежат Моргану. На страницах 505 (Rise of Property), 231 (The growth of the idea of property etc. etc.), 551 (This, with property and efficient position... etc. etc.), на многих других еще и особенно на 6 и 7, где Морган делает предварительные замечания, начиная с „*Lastly. The idea of property... etc.*“ — мы беспрерывно встречаем развитие именно этой капитальной мысли, которую, опять по забывчивости, Энгельс приписал Марксу.

Но верха забывчивости Энгельс достигает в заключении своей популяризации. Прочитал он на странице 552 замечательное обобщение Моргана, по которому цивилизация ведет человечество к высшему строю общности, с царством действительной свободы равноправных просвещенных людей, живущих в полной гармонии без каких бы то ни было обязательных и принудительных государственных форм. „It will be a revival in a higher form, of the liberty, equality and fraternity of the ancient gentes“, т. е. до-государственная форма жизни, но обогащенная всей современной культурой, заменит современное военно-полицейское и будущее социальдемократическое государство. Прочитал он это и понравился ему логический вывод о лучезарном грядущем освобожденного человечества. А тут, как раз появилась книга другого великого индуктивного мыслителя Спенсера, „Individual versus the State“, в которой государство рассматривается таким же вредным предубеждением, таким же вздорным и вредоносным фетишем, каким были папство и единая католическая церковь, до революционного движения за свободу мысли и совести в эпоху реформации. При этом Энгельс узнал, что и наш гениальный романист Л. Н.

Толстой страшно популярен за свою проповедь против государства; да и проклятые анархисты, которых столько раз уничтожали он сам и Маркс, Либкнехт и Авелинг, Плеханов и Утин, и многое множество других героев чести научной и политической.. что и проклятые анархисты становятся все многочисленнее, даже в Германии, что в Западной Европе все *революционеры* оставляют знамя государственного социализма и прижимают к анархистам, т. е. к коммунистам революционерам, борющимся против капитала и государства одновременно. Вот он и решил, что такую богатую мысль нельзя оставить без клейма диалектического содружества. На этот раз, однако, он понял, что нельзя и отрицание государства записать за Марксом, за проповедником государства и централизма. Тогда он героически возвестил удивленным читателям и своим удрученным горем диалектическим последователям, что в будущем.

Общественные классы исчезнут, и с ними
„вместе разрушится и государство. Когда общество создаст производство на началах
„свободной ассоциации равноправных производителей тогда всю государственную машину
„сдадут в музей древностей, вместе с прялкой и
„бронзовым топором.“ „Vive l'Anarchie!“—

Винюват! Это я крикнул невольно. Но тут же и вспомнил, что Энгельс по забывчивости увлекся и приписал себе светлую перспективу общества, намеченную Морганом. Говорю по забывчивости, потому что „Коммунистический Манифест“, о происхождении которого речь впереди, и который считается бессмертным детищем Маркса и Энгельса — требовал действительно и категорически:

„Обращения поземельной ренты на покрытие государственных расходов;

„Централизацию кредита в руках государства... и исключительную монополию—перевозочных средств в руках государства.

„Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства; возделывание полей по общему (государственному?) плану...

„Учреждения армии труда, особенно для земледелия.“

Заметим, Манифест писан в январе 1848 г., т. е. спустя два года (с 1845) после открытия и выработки Марксом и Энгельсом всего того, что Морган разработал в своем удивительном труде. Каким образом авторы манифеста могли требовать усиления государства, государственного производства, государственной монополии, создания государственной армии труда, в особенности для земледелия, ежели они еще в 1845 г. пришли к выводу, что государство должно исчезнуть, что прогресс ведет к этому, и что всякий друг прогресса, равенства и социализма должен содействовать ускорению разрушения государства, „сдачи его в музей“, а не к его усилению и увековечиванию? И почему эти удивительные открыватели всю жизнь неуклонно боролись против Прудона, Бакунина, Юрской Федерации и всех анархистов, именно за то, что последние требовали разрушения государства? Почему они неустанно натравляли на названных революционеров-коммунистов Либкнехта и Авелинга, Лафарга и Иглезиас, Н. Утина и Плеханова? — они, еще в 1845 г. предвосхитившие Моргана!... Почему?.. Видно, тоже по забывчивости!..

Ну, а вот следующий пассаж — тоже плод забывчивости? Пусть судят честные люди. Затем мы и книгу нашу им посвящаем.

Ревниво стараясь создать славу величия Марксу, Энгельс не мог ограничиться одним присвоением своему другу отдельных замечательных мыслей и произведений деятелей индуктивной науки, бескорыстных и глубокомысленных исследователей истины. Ему понадобилось поставить Маркса рядом с Ньютоном и другими великими благодетелями человечества. Послушать Энгельса, так Маркс был одним из тех гениев, открывателей новых путей развития человечества, которых в старину люди обоготворяли. До Маркса-де в социологии была тьма, в социализме — фантастическая утопия. Пришел он, неразлучно спаянный органически с Энгельсом, и науки процвели, социализм стал наукой, все благодаря его великим открытиям. Но пусть говорит сам Энгельс.

„Двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением, посредством понятия о прибавочной стоимости, тайны капиталистического производства, — мы обязаны Марксу“

(Развитие Научного Социализма. Стр. 25. Женева 1884 г.)

Об историческом материализме речь впереди. А теперь поговорим о прибавочной стоимости.

Как понять эту фразу? Открыты ли были Марксом „Материалистическое понимание истории“ и понятие о прибавочной стоимости? или же только тайна капиталистического производства? Для разрешения недоумения обратимся к „великому“ произведению Энгельса „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Zurich. 1886 ¹⁾“. На странице 197, строка 6 снизу и выше до 11, мы находим объяснение идеи о прибавочной стоимости. Кончается объяснение словами: „und diesen Zuwachs nennt Marx Mehrwert.“

Тут уж не может быть сомнения: Маркс „назвал“, значит, открыл самое понятие и термин ему научный нашел. Очевидно, до него в экономической науке и у социалистов ни понятия о прибавочной стоимости, ни термина не существовало. Это ясно.

Но вот что странно: немецкое слово Mehrwerth переводится на французский язык *surplus-value*; тоже и на английском оно будет *surplus-value*. В 1819 г., за год до рождения Энгельса, один из благороднейших экономистов-историков Симон де Сисмонди обнародовал свое знаменитое, так часто цитированное, „Nouveaux principes d'Économie politique“, в котором черным по белому пропечатано *surplus-value*. Что разумел Сисмонди под этим термином?—А ту часть неоплаченного труда, которую под указанной формой грабежа называют прибылью хозяина. Что Сисмонди понимал именно в этом смысле *surplus-value* свидетельствует также и Гектор Дени ²⁾, писатель с симпатиями к школе Энгельса. „Sismondi a démontré que si l'on déduit les frais de production de la valeur d'échange d'un produit il en restera un *excédent* approprié par le capitaliste. Cet excédent du travail, Sismondi l'appelle *surplus-value*“. Но, прибавляет Дени, еще физиократы прекрасно определили эту часть неоплаченного труда и, подобно Адаму Смиту, называли его *produit net* (прибыль). Такое же ясное по

¹⁾ В Лейпцигском издании 1878 г., на стр. 175, — строка сверху.

²⁾ H. Denis. Histoire des systèmes socialistes.

нятие об *excédent* мы находим у Дж. Ст. Милля. Не углубляясь далеко, достаточно напомнить то место его введения, где он говорит о грабительствах деспотизма и насилия.

„Обыкновенно, говорит Милль, *excédent* „всех видов отбирается у производителя или „правительством, или же частными лицами, сумевшими, *насилием и обманом* и при помощи „религиозных предубеждений и вкорененных „обычаев подчиненности их соседей, превратиться в обладателей земли“.

Заметим, мимоходом, что Дж. Ст. Милль переведен на немецкий язык в 1851 — 52 г.г., и этот пассаж находится на стр. 13-й третьего издания 1869 г. — Но Милль, Ад. Смит, Сисмонди были *буржуа*, а не „научные“ диалектики, и их социаль-демократы игнорируют. Посмотрим у социалистов.

Вот книга знаменитого коммуниста и друга Роберта Оуэна, Вилльяма Томсона „*Social Science, Inquiry and проч.*“, изданная в 1824 г. и вышедшая вторым изданием в 1850, третьим в 1869. Вся аргументация автора построена на мысли, повторенной Миллем, что *насилием, обманом и ухищрениями* у производителя отбирается прибавочная стоимость его труда. Томсон и формулу употребляет *настоящую*, и самое слово *surplus* (*mehrwert*, прибавочная стоимость) изобретенное Марксом после 1845 г., служит термином точной аргументации в 1824 г. Труд Томсона не брошюрка, а большой том в 600 стр. Маркс хорошо был знаком с ним и цитирует его в „*Misère de la philosophie*“ и в „*Капитале*“. Ад. Бланки в „*Истории Полит. Экономии*“ говорит о Томсоне как о смелом и глубокомысленном авторе. Венский проф. Менгер указал немцам на сочинение Томсона; Луиджи Косса внес его в свою „*Историю Политической Экономии*“... Словом, книга известная ¹⁾.

Установив, согласно с Адамом Смитом, что только труд творит богатства и только *труд* есть *мерило ценности*, Томсон спрашивает: „Почему производитель не обладает продуктом в его полной стоимости? (стр. 32)—

¹⁾ У англичан Томсон хорошо известен. Об нем говорит и Милль в своей „*Автобиографии*“, ссылаются на него Сидней Вебб, Голюк, Гиббинс и другие.

Потому, отвечает он, что под различными наименованиями — рента, прибыль и т. п. — у него отбирают всю прибавочную стоимость (surplus) его труда — „Добровольно ли соглашается производитель на этот грабёж (spoliation)? или он вынужден к тому насилем? — Грубое насилие было всегда в ходу при захвате продуктов труда бедных. История вполне подтверждает эту горькую истину; тысячи страниц можно наполнить примерами... Если признать законным право захвата части продукта (surplus) против воли производителя, придется признать право захвата и большей части (стр. 34 — 35). Без насилия монополия не могла бы существовать (стр. 106). Покуда будет существовать капитализм (capitalisme), общественный строй будет строем патологическим (449)“... Как „утопист“, Томсон проповедывал полное освобождение человека. „Вольный труд, полное обладание продуктом труда, и свободный, добровольный обмен между производителями“, рекомендует он (стр. 253).

Другой „утопист“, да еще вдобавок „софист“ и „буржуа“, по словам Энгельса и его школы, Прудон, в „Système des Contradictions Economiques“ (1845), с своей обычной резкостью говорит:

„В смысле экономической науки, мы признали, вслед за Ад. Смитом, что все ценности измеряются трудом (стр. 86)... В том же экономическом значении слова, принцип, по которому всякий труд должен оставить (хозяину) excédent, есть в действительности конституционное право, добытое революцией, грабить ближнего“ (стр. 90). Поэтому Прудон и говорит, что „собственность есть кража!“

Третий „утопист“, великий „узник XIX столетия“, Огюст Бланки, так уж прямо говорил еще в сороковых годах, что капитал вообще не „труд сбереженный“ (travail accumulé), а „накраденный труд“ (travail volé). („Critique sociale“ 1885, стр. 71. Т. I.).

Вот голые факты о прибавочной стоимости. Она — достояние науки. Как только могла подняться рука у Энгельса, чтобы написать подобный вздор? Или он не подозревал о существовании всей экономической литературы? В таком случае, он был грубый невежда. Но социалдемократическая литература уверяет нас, что Энгельс так же учен и велик, как сам величайший Маркс. Если это верно, значит, он знал, что приба-

вочная стоимость была открыта не Марксом и, печатая „und diesen Zuwachs nennt Marx Mehrwerth“, он заведомо извращал факты... Приходится только руками развести и сказать: Странный глава научного социализма!.. Но последующее еще страннее.

Все мы, просто образованные люди, читавшие кое что, знаем, что еще Тюрго в XVIII столетии наметил закон, по которому „во всех родах наемного труда заработанная плата неизбежно ограничивается самым необходимым для существования работника“. (En tout genre de travail il doit arriver et il arrive, en effet, que le salaire de l'ouvrier se borne à ce qui est nécessaire à sa subsistance). В начале этого столетия (1812), Рикардо развил формулу Тюрго в целую теорию заработной платы, а классическая политико-экономическая школа Адама Смита внесла ее в науку, как закон Рикардо. Так изложен он у Дж. Ст. Милля в его знаменитом труде, так изложен он у Лавелэ в его учебнике „Éléments d'Économie politique“ (1882); так излагал его Маркс в „Misère de la philosophie“, когда он авторитетом Рикардо силился посрамить Прудона. „Естественная цена труда есть ничто иное, говорит он, как минимум заработной платы“¹⁾. Так излагал его блестящий Лассаль. „Вот он, этот железный закон данный авторитетом (Рикардо) политической экономии. Он осуждает рабочий класс на нищету безисходную“.

Но куда раньше Лассалья, Лавелэ, Маркса и Милля говорили об этом законе французские и английские социалисты и публицисты. Например, Е. Бюре (*Eugène Buret*. *De la Misère des classes laborieuses en Angleterre et en France*. Paris. 1840). Его книга (два тома) „О нищете трудящихся классов в Англии и во Франции“, увенчанная французской академией наук, считалась классическим трудом всеми социалистами и политическими деятелями сороковых годов. Появившись за четыре года до книги Энгельса „Положение Рабочего Класа в Англии“, книга Бюре послужила молодому Энгельсу (ему тогда было 20 лет) образчиком и неисчерпаемым источником для его немецкой компиляции, хотя об этой замечательной книге Энгельс умалчивал, на что у него было много причин.

¹⁾ Стр. 26.

В своем блестящем анализе условий, порождающих нищету, Бюре между прочим разбирает и экономические условия. Установив, что в капиталистическом обществе: „труд, говоря иначе, *жизнь людей стала товаром*, цена которому неизменно устанавливается отношением между спросом и предложением“ (Т. I. стр. 176), Бюре продолжает: „экономисты вообще устанавливают известную неизменную норму заработной платы; называемую ими необходимой стоимостью производства. Рикардо утверждает положительно, что в данном обществе... заработная плата должна упасть до минимума, необходимого для удовлетворения самых первых потребностей“. (стр. 179—180 *idem*).

Так говорили ученые, наука, публицистика, социализм; так думали и мы, простые смертные. Но, оказывается, все грубо ошибались. Заблуждалась наука, врали публицисты и социалисты: — не Тюрго формулировал, не Рикардо развил, не Милль, Бюре, Лавелэ излагали... Нет, закон был открыт только в 1844 г., а кем? — пусть поведаст нам сам Энгельс. На странице 26 русского перевода, под редакцией г. Плеханова „Нищеты Философии“ Маркса есть большое примечание Энгельса, гласящее:

„Закон, по которому „естественная“, т. е. нормальная цена рабочей силы (?) совпадает с минимумом заработной платы, т. е. с эквивалентом стоимости средств существования, безусловно необходимых для жизни рабочего и продолжения его расы, —

„Этот закон был впервые установлен мною в „Umrissen zu einer Kritik der Nationaloekonomie“ (Paris 1844) и в „Lage der arbeitenden Klasse in England“. Как видно из вышеизложенного, Маркс признавал тогда этот закон. От нас обоих заимствовал его Лассаль“.

Что это такое? — измена ли памяти? презрение ли к читателю? или абсолютное невежество самого Энгельса? Его юношеское „Umrissen“ и „Lage der arbeitenden Klasse in England“ — слабые компиляции по книге Бюре. Когда молодой Энгельс составлял их для немецких рабочих, он совершал прекрасное дело, — в Германии тогда о социализме и рабочем движении мало что было известно, и его книга, хотя и компиляция, была очень крупным событием в истории распространения социализма в Германии. Мы охотно признаем

заслугу за его книгой. Но ведь и у нас в России в шестидесятых годах появились совершенно такие же компилятивные работы Н. Шелгунова и А. Михайлова, и работы этих писателей сослужили громадную службу в пробуждении русской социалистической мысли. Но скажите на милость, чтобы мы подумали о названных почтенных русских писателях, если бы они вздумали, по прошествии сорока лет, приписывать себе открытие прибавочной стоимости, закон заработной платы, труды Моргана, Томсона, Тюрго, Рикардо и прочих мыслителей? А ведь Энгельс проделывает именно это присвоение. И это Наука? научность? социализм? правда?

Видно Энгельс принимал своих читателей за грубых невежественных троглодитов века каменных орудий...

Глава IV.

Борьба Классов.

A Nottingham, sur 11,000 maisons dont se compose la ville, 7 à 8,000 sont construites dos à dos, sans moyens de ventilation, et n'ayant ordinairement qu'une seule fosse d'aisance, pour plusieurs maisons. A l'époque où Nottingham fut visité par le choléra, on découvrit que beaucoup de maisons étaient placées sur des ruisseaux d'égoûts, recouverts seulement par les planchers du rez-de-chaussée de ces maisons.

E. Buret, 1840.

De la Misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. Paris, Paulin, libraire.

In Nottingham there are in all 11,000 houses, of which between 7,000 and 8,000 are built back to back with a rear parti-wall, so that no thorough ventilation is possible, while a single privy usually serves for several houses. During an investigation made since (?) many rows of houses were found to have been built over shallow drains covered only by the board of the ground floor.

F. Engels

Condition of the Working Class in England in 1844 London, 1892, Swan Sonnenschein publisher.¹⁾

Приписав Марксу и себе самому столько открытий в истории, экономике, социологии и в области общих процессов эволюционного развития культуры, Энгельс

¹⁾ Для облегчения желающим проверить нашу цитату, мы даем слова Энгельса в английском переводе. Самое поверхностное сличение с английским оригиналом W. Felkin'a убедит всякого, что Энгельс взял цитату у Бюре, перевел ее на немецкий с французского, а потом уже с немецкого вновь перевел на английский. Нем. второе издание. Стр. 37. Штутгарт. 1892,

мог бы и успокоиться, опочить на лаврах. Здание научности марксизма, воздвигнутое по исследованиям и обобщениям Моргана, Сисмонди, Томсона, Тюрго, Рикардо и других, вышло грандиозным. Но Энгельс этим не удовольствовался: понадобилось увенчать труд венком неувядаемой славы. Он принялся за работу и совершил ее мастерски. На это ему понадобилось всего пол-страницы предисловия (опять предисловие!) к третьему немецкому изданию „Коммунистического Манифеста“ 1883-го года. Собственно говоря, понадобилось и того меньше — только 12 строчек, но за то каких удивительных строчек!.. Вот они:

1. „Основная мысль (Grundgedanke), пропитывающая собою весь манифест¹⁾, та, 1) что в каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбежно обусловливаемое им строение общества составляет основу политической и умственной истории; 2) что соответственно этому, вся история, с тех пор как разложилось первобытное общинное землевладение, было историей классовой борьбы, т. е. борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях развития; 3) но что эта борьба достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может освободить себя от эксплуатирующего его класса (буржуазии), не освободив в то же время и на всегда всего общества от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежит единственно и исключительно Марксу (dieser Grundgedanke gehört einzig und ausschliesslich Marx an)“.

Удивительное сплетение венка славы. По логическому построению, в этом периоде не одна основная мысль, а целых три: об экономических факторах в цивилизации, о борьбе классов в истории и в современном обществе, и о социальном строе будущего общества. Первую мысль сам Энгельс кладет в основу им изобретенному диалектическому, материалистическому объяснению истории. „Материалистическое понимание истории, говорит он²⁾, зиждется на том положении...

¹⁾ Цитируем по переводу г. Плеханова. 1900 г. Женева.

²⁾ Энгельс. Развитие научного социализма. Стр. 25.

что в каждом историческом обществе распределение продуктов, а с ним и образование классов или сословий зависит от того, как и что производится обществом и каким способом обмениваются продукты.“ По какой логике основное положение целой мнимой научной историко-философской доктрины Энгельс превратил в один из трех элементов якобы новой конкретной мысли? Тоже следует спросить, почему учение великих отцов социализма, по которому в солидарном и коммунистическом обществе не тот или другой класс, а все человечество будет объединено в свободных ассоциациях равноправных и просвещенных людей без различия расы и языка... почему, спрашивается, эту великую и гуманитарную мысль, марксистами осмеянных утопистов (Оуэна, С. Симона и Фурье), Энгельс включил тоже простым элементом все той же мнимой новой конкретной мысли? А затем, остается третья, тоже самостоятельная мысль, а вернее целое политико-историческое учение о роли городов и общин, третьего сословия (Tiers-Etat) и народа в прогрессивном развитии европейской политики и гражданственности. И это учение не может быть принято третьим составным элементом конкретной *одной* мысли. Оно само является вполне законченным направлением исторической науки XIX-го ст. и составляет видный отдел философии истории и права.

Но Энгельс уверяет, что все вместе составляет только одну мысль и принадлежит она *„единственно и исключительно Марксу“*. Отсюда логический вывод: экономическое объяснение истории, настоящий социализм и учение о борьбе классов тоже открыты Марксом. Если к этим великим открытиям прибавить выше приведенные: эволюцию семьи и собственности (по Моргану), прибавочную стоимость (по Сисмонди, Томсону и друг.) закон заработной платы (по Тюрго-Рикардо), то получим, что Маркс и Энгельс открыли все законы социального и исторического развития человечества. Это обыкновенно и повторяют неустанно своим читателям и слушателям публицисты и ораторы социаль-демократии. Честные и талантливые рабочие, у которых, за каторжным трудом на хозяев, не было ни досуга, ни средств проверить слова Энгельса, приняли за чистую монету все его странные утверждения. Так

Бebelь совершенно искренно пишет в своей книге „Женщина“:

„Германия стала руководительницей человечества в гигантской борьбе грядущего. По самому географическому положению и по ее развитию ей предопределена эта роль... То не простая случайность, что динамические законы общественного развития и научный базис социализма были открыты и положены немцами. Первое место между этими немцами принадлежит Марксу и Энгельсу, за ними следует Лассаль; как организатор рабочих масс.“

Лассаль только организатор, открыватели законов исключительно Маркс и Энгельс. Так говорит умный, искренний и талатливый оратор-рабочий, поверивший на слово Энгельсу. Еще поразительнее хвастовство диалектических публицистов. „Открытие Марксом законов движения капиталистического способа производства“, говорит панегирист Энгельса ¹⁾, „является таким же непреходящим научным фактом, как открытие Кеплером и Ньютоном закона движения небесных тел.“ Маркс и Ньютон! И только? Где же сам Энгельс? А тут же, с Марксом. „... Мы можем“, продолжает панегирист, „говорить лишь о теории и методе *Маркса-Энгельса*, не имея возможности разделить их и найти, что именно принадлежит каждому в отдельности.“ (стр. IV.) Они слиты во едино эти близнецы диалектической метафизики, открывшие все динамические законы общественного развития. Вот куда привела Энгельсом созданная легенда об открытиях по Моргану, Томсону, Тюрго и Рикардо, вот что увенчал его лучезарный венок *одной мысли!*... Но о легендах и претензиях речь впереди. Тоже впоследствии разберем два элемента „*одной конкретной мысли*“ — экономическое объяснение (диалектико-материалистическое, по Энгельсу) истории, и о грядущем социальном освобождении, т. е. об идеалах и учениях „утопистов“: Оуэна, С-Симона и Фурье. Теперь остановимся на третьем элементе *одной мысли* — на борьбе классов, борьбе „между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими“, открытой Маркс-Энгельсом (по орфографии панегириста).

¹⁾ Научное развитие Социализма. Стр. XIV. Изд. 1892.

Борьба классов; их происхождение и рост, их историческая роль в развитии политических и муниципальных учреждений и вольностей были блестяще разработаны французскими историками-эволюционистами начала XIX-го ст. Выдвинуть на первый план учение об естественном ходе развития человечества, указать как на могущественный фактор эволюции на освобождение некогда покоренных и обращенных в рабов, населения Италии, Франции и Англии — было великим приобретением для исторической науки. Вплоть до второй половины XVIII-го ст. в исторической науке господствовало богословское учение о божественном промысле, создавшем классы и привилегии для немногих, рабство же и нищету для народа. Теологическое воззрение на историю было так распространено, законность и разумность существующего общественного строя грабительства и порабощения народного находили таким благодетельным творением божественного промысла, что правящие выдавали все свои акты „милостию божиею“, по воле провидения, а попы и ученые освящали их текстами писания, т. е. сказками и афоризмами полудиких номадов Палестины. Но не только теологи и попы, а даже и такой благородный и гениальный друг человечества как Лессинг рассматривал исторический процесс в форме поступательного расширения божественного откровения. ¹⁾ Это же учение о сверх-естественном и разумном будто бы процессе творения и развития общества проповедывал позднее Гегель, заменивший бога номадов мировым духом, а откровение — феноменологией духа, причем не преминул повторить и уверение теологов, что все *существующее* от бога-ли, или от духа, „разумно“.

Противупоставить теологическому фатализму застоя динамическую систему эволюционного развития было громадным прогрессивным явлением, хотя и вполне естественным после великого умственного движения энциклопедистов и только что закончившейся Великой революции, демократическое наследие которой хотела вытравить из жизни реставрация монархий и теологии. Молодая школа историков — Огюстэн Тьерри, Сисмонди, Минье, Гизо, Дюпуаие, Каррель и другие оказали

¹⁾ Смотри его „Воспитание Человечества“.

громадную услугу политическому либерализму и демократии, разработав историческое развитие борьбы классов, как *один из факторов* эволюции культуры и общестственности. Они воссоздали жизнь, нравы, учреждения и ход борьбы за освобождение угнетенных народов Италии, Франции, Англии и других стран. Роль коммун, гильдий и сословий была исследована самым тщательным образом, и демократия нашла в трудах историков могущественный аргумент против абсолютизма и сословных привилегий: общины, третье сословье, народ явились созидателями национальной жизни и национального богатства, следовательно они и должны управлять судьбами страны— таков был этот аргумент демократии, друзей „Народоправства“, выражаясь термином Костомарова.

Но одновременно с учением о классовой борьбе под влиянием событий Великой Революции стало складываться другое учение, гораздо глубже заглянувшее в смысл исторического прошлого и процессов экономической и социальной жизни настоящего. Учение это— социализм, первыми практическими, очень несовершенными, представителями которого явились Бабеф и его друзья, члены знаменитого заговора „равных“. По их воззрениям, переданным демократии А. Буонаротти, все общественные классы жили и живут на труде народа; все классы пользовались народом и его кровью для осуществления своих классовых интересов, оставляя производителя всегда в положении раба, прикованного к земле, мастерской и фабрике ради обогащения правящих и буржуазии. Народ совершал революции за революциями, совершил, наконец, Великую Революцию, разрушая Бастилию и замки дворян и прелатов, сжигая документы привилегий и бесправия; народ провозгласил свободу, равенство и братство, а сам остался все тем же бедняком, работником на других, голодным, бесправным париа. Почему это? спросили социалисты.— Потому что без равенства экономического не может существовать ни свободы, ни справедливости: равенство же экономическое достижимо только обращением земли и всех фабрик, заводов, мастерских, домов, лавок, товаров и орудий труда в общественную (социальную) собственность. Для осуществления социалистического равенства все классы и классовые учреждения должны

быть уничтожены немедленно же самым актом революционного захвата всех богатств. Таким образом, социализм выставил на место исторических терминов „класс и классовые интересы“, новый принцип экономического и социального равенства и уничтожение эксплуатации человека, а последнее, по этике классов, практикуется не только между людьми разных классов, но и в них самих. Дворянство, буржуазия, духовенство прекраснейшим манером об'егоривают и разоряют друг друга, да и рабочие, и даже социалисты рабочие, разве не эксплуатируют своих братьев при найме помощников и прислуги? Понятие о классе уступило место принципам, идеалам. Теперь борются не классы, а партии, объединяющие под своим знаменем людей различных классов.

Великая Революция нанесла смертельный удар классовому строю в историческом смысле слова. Кастовая замкнутость и градация, привилегии и атрибуты исчезли. Соединенные Штаты их не знают; в Швейцарии они существуют фиктивно; даже в Англии и во Франции их кастовые атрибуты прогрессивно атрофируются. В наши дни цивилизованное человечество делится не на классы, а на два лагеря: в одном соединились все имущие, эксплуатирующие и правящие; в другом — производители, управляемые, эксплуатируемые. В социалистической литературе первые рассматриваются под общим родовым названием „буржуазия“, вторые составляют народ. Интересы народа, производителя, прямо противоположны интересам буржуазии, так как последняя живет и богатеет народным трудом. Социализм и поставил себе целью освобождение, не того или другого класса, а всего народа от эксплуатации и грабительства.

Самое понятие о классах и их численности стало крайне смутным. Каждый определяет их по своему. Так, Маркс насчитывает до 14 классов (феодалы, аристократия, поземельная, духовенство, мелкую буржуазию, крупную финансовую, крупную индустриальную, крестьянство крупное, оно же мелкое; этих последних он еще делит на крепостных и батраков; потом идет пролетариат). Ученики Маркса самый пролетариат поделили на четвертый класс и Люмпен-Пролетариат (оборванцы, босяки), и ненависть господ 4-го класса к босякам и к

крестьянству едва-ли не сильнее презрения дворянства и духовенства к третьему сословию до революции. Господа четвертого сословия — социальдемократы — запутались не только в фиктивном счете классов, но они и самую идею социалистической борьбы извратили.

Социалисты, а также историки и экономисты (Юм, Ад. Смит, Бланки, Роджерс) выработали воззрение, что в основе всякой политической и классовой борьбы лежат экономические интересы. Отсюда логически вытекает социалистическое обобщение, по которому социальное освобождение народа может быть осуществлено только путем экономического освобождения, т. е., уничтожением частного обладания землей, капиталами и орудиями труда, совместно с уничтожением эксплуатации человека человеком, обществом, государством. Немецкие же социальдемократы, особенно Энгельс, не разобрав в чем дело, ухватились за французский политико-исторический термин „la lutte des classes“ и построили следующий софизм, положенный ими в основание их тактики борьбы классов: „Всякая экономическая борьба есть борьба классовая; всякая борьба классовая есть борьба политическая“... ergo, экономическая борьба есть борьба политическая, а в конституционных странах она должна быть легальной и парламентской. Благодаря этой перестановке, классоборцы-политики отделились исключительно парламентаризму и очень долго враждовали с экономическими профессиональными организациями синдикатов, тред-юнионов, производительных ассоциаций, которым на деле принадлежит будущее, так как в солидарном социалистическом обществе будущего, государственный и классовой строй заменяется организованным производством на началах вольных союзов работников данной специальности. Союзы, синдикаты, юнионы, а равно и ассоциации — не специфическая принадлежность того или другого класса. Ими одинаково пользуется буржуазия (синдикаты, тресты, картели, компании) и производители, как ремесленники и фабричные, так равно и земледельцы. Ассоциации и союзы — форма солидарной жизни неклассового будущего. Они заменили цехи и гильдии классового строя, о которых писали историки городов и коммун, между прочим и Огюстен Тьерри, Гизо, Сисмонди и другие.

Названные представители учения о борьбе классов

никогда не признавали принципов и идеалов социалистов. Правда, Огюстен Тьерри и Адольф Бланки в ранней молодости были под влиянием С. Симона и на всю жизнь остались честными друзьями угнетенного народа и рабочих классов, но никогда не выступали они чистыми социалистами, а тем паче не выступали социалистами революционерами, как то сделал брат Адольфа Бланки — Огюст, великий узник XIX ст. ¹⁾ — Если учение о борьбе классов еще не социализм, если его лучшие излагатели — напр. Гизо — были врагами социализма и социальной революции, то спрашивается, какая тут честь для социалиста подставить на место социальной революции, с равенством экономическим, формулу политического демократизма — классовую борьбу? Не шаг ли это назад к буржуазным идеалам? Не реакция ли мысли вставлять социалистическое учение об уничтожении классов в формулу политического либерализма? Ведь бороться классы могут за самые разнообразные интересы и даже за предубеждения. За примерами ходить не далеко. Возьмите тех же социаль-демократов и наших диалектиков марксизма. Куда пришли они с классовой борьбой? Что подставили первые вместо социальной революции, экономического равенства и уничтожения эксплуатации человека государством, капиталом, человеком? — А подставили восьми часовой *наемный* труд на того же хозяина. Разве это социализм? А наши диалектики — все Бельтовы, Плехановы и содружество, с кем они борются вот уже двадцать лет? — Проглядите „Наши разногласия“, книжки „Социаль-демократ“, книгу Бельтова, их доклад Брюссельскому Конгрессу 1891 г. книжки „Зари“, все №№ „Искры“ и вы увидите, что о социализме и его идеалах там и помину нет, критике капитализма и политического бесправия отведено очень мало места, но за то там ключем бьет неиссякаемая злоба и вражда к русским социалистам-революционерам, осмелившимся вместо восьми часового рабочего дня требовать передачу земли народу, фабрик, заводов и мастерских рабочим ассоциациям и артелям. Что их привело к этой нескончаемой вражде? Конечно, не социализм, а предубеждения о мнимых клас-

¹⁾ О. Бланки 37 лет провел в тюрьмах королевства, империи и второй и третьей республики.

совых интересах, о мнимой тактике классовой борьбы.

Вот почему мы считаем реакцией против социализма и его идеалов проповедь, ничего конкретно не выражающего политического термина буржуазного либерализма. Но допустим, что классовая борьба такая панацея. Что же это Маркс-Энгельс что-ли открыли ее? и Огюстэн Тьерри, Гизо, Бланки и другие были марксистами что-ли? Или Энгельс, опять по забывчивости, одним почерком пера приписал труды и открытие целой исторической школы предшествовавшего поколения Марксу и себе?.. Да ведь это чудовищно, даже для забывчивости Энгельса. Теперь и наши диалектики начинают признавать, что не их учителями совершенно открытие, и они начали цитировать французских историков, сочинения которых были переведены на русский язык в шестидесятых годах, а специалистами, напр. Грановским, Кудрявцевым, Костомаровым и другими изучались уже в 40-х и 50-х годах. Поэтому мы не станем утомлять читателей цитатами. Достаточно указать, что О. Тьерри особенно блестяще развил свои мысли в „Histoire véritable de Jacques Bonhomme“ (т. е. французского народа), напечат. в 1820 г. „Vue des revolutions d'Angleterre“ (1817), „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands“ (особенно предисловие), в „Lettres sur l'histoire de France“ и в „Histoire du tiers-Etat“. Из Гизо приведем только один блестящий пассаж, не цитируемый другими. В своем курсе (1828—1830) „Histoire de la civilisation en Europe“, на стр. 218—219 он говорит: „Третьим великим последствием освобождения общин (des communes) была борьба классов, борьба наполняющая собой историю новых времен. Новая Европа создана борьбою различных общественных классов... Ни один класс не мог вполне подчинить себе другие; борьба эта.. была источником прогресса; взаимные отношения классов, необходимость их взаимной борьбы и уступок; реальность их интересов и желаний, их никогда не достигнутое стремление к окончательной победе,— вот что породило, вероятно, самое энергичное и самое плодотворное начало развития европейской цивилизации. Классы боролись безостановочно; они взаимно ненавидели друг друга; глубокое различие положения, интересов, нравов породили между ними глубокую нравственную вражду.“

Ничего подобного, по блеску, о борьбе классов

вы не найдете у марксистов. Хороша также по краткости и точности формулировка, данная Шарлем Дюнуаие: „История цивилизации со времени падения Римской Империи есть история поступательного развития трудящихся классов.“—Другой историк, экономист Бланки, еще в 1826 г. набросал общий ход исторического процесса в следующих выражениях:

„Шаг за шагом проследил я всякие исторические события... неизменно в них участвовало только две партии: одна—людей, желающих жить своим трудом, другая—стремящихся жить трудом других... Патриции и плебеи, рабы и вольноотпущенники, гвельфы и гибелины, белые и красные розы, кавалеры и круглоголовые, либералы и холопствующие—только разновидности того же самого вида“.

Повторяем, учение о борьбе классов уже в 20-х годах было общепризнанным у историков и у социалистов. О классах в экономической деятельности и их роли в истории говорили совершенно определенно еще Давид Юм и его великий друг Адам Смит в половине XVIII ст. Те знаменитые места у Ог. Тьерри и Гизо, в которых первый говорит, что под знам Карла I шла аристократия поземельная, а буржуазия и производительные классы становились под революционное; равно подчеркнутый вторым факт о раздроблении земли и переходе значительной ее части к буржуазии, о богатстве последней, о том, что революционная Палата Общин была богаче Палаты Лордов, — все это взято из „History of England“, D. Hume. А что до экономической роли классов, то Адам Смит без обиняков бросил в лицо правящим и эксплуатирующим, включая короля, министров, военных, попов, что „вопреки их почетных положений“, они *непроизводительны*, и чем в данном обществе число почетных меньше, тем благосостояние его производительных классов выше. Оба английских философа были тесно связаны с физиократами и энциклопедическим движением, а наука и философия Англии и Франции развивались в то время в одном и том же направлении, в том именно, которое в Англии выработало Годвина, Шелли и Роберта Оуэна а во Франции Вольнея, С. Симона, Фурье и всех цитированных историков.

Первые четыре десятилетия XIX ст. были расцве

том сен-симонизма и фурьеризма во Франции и ове-низма в Англии. В главе об утопизме мы очертим ха-рактер и силу социалистического движения того вре-мени, и читатели поймут, почему вместе с другими со-циально-революционными теориями было распрострав-нено также и учение о классовой борьбе. Уже нами цитированный Шарль Андлер рядом цитат доказывает, что не только между французскими революционерами,, но и между немецкими эмигрантами и рабочими, груп-пировавшимися вокруг парижских социально-революци-онных тайных обществ, учение о классовой борьбе было общераспространено в 30-х и 40-х годах. Немцы Вейт-линг, Грюн, Шустерписали о том. Маркс-Энгельс были их преемниками и знали очень хорошо об их писани-ях. Как же это через 40 лет Энгельс уверял честных и доверчивых рабочих, что и классовую борьбу открыл Маркс-Энгельс? Тоже по забывчивости?

Приведем еще пример распространности среди рабочих социалистов учения о борьбе классов. Вслед за знаменитым Лионским восстанием с бессмертным девизом: „Жить работая, умирать в бою!“ перед судом Пэров, обвиняемый Ривьер-Младший, простой печатник по тканям, в прекрасной защите, помеченной 27 июля 1835 года, смело развивал неизбежность социализма, который только и положит конец классовой борьбе, царящей в капиталистическом обществе. „Нельзя не признавать — писал он — царящей всеобщей борьбы!.. Она идет между различными общественными классами: в них самих идет борьба взаимной конкуренции; борьба бедных против богатых, рабочего — против хозяина.“ Таким образом, в 1835 году Ривьер предвосхитил трет-ий элемент *одной основной мысли*, Маркс-Энгельсом надуманной в 1848 году. Но Ривьер не только предвос-хитил, а еще развивает отдельно каждый вид борьбы, всякий раз повторяя: борьба интересов между различ-ными классами, борьба между бедным и богатым, между рабочим и хозяином (*Débâcle de la Politique en France. Paris. 1836*).

Допустим, что молодые Маркс-Энгельс, только что освободившись от метафизического сумбура гегелев-ской философии, не были знакомы с трудами Юма, Тьерри, Гизо и других; допустим и то, что они не знали еще сочинений французских социалистов и процесса

Ривьера... но немецких рабочих и эмигрантов они знали лично, жили с ними, конспирировали, пропагандировали вместе, и они знали лучше, чем ктонибудь, что Шустер, Грюн, Вейтлинг писали о борьбе классов; их товарищи, немецкие рабочие в Париже, дебатировали об этой борьбе в своих ферейнах. Почему же Энгельс через сорок лет позволил себе и это приписать Марксу, а косвенно и себе, так как их ученики и панегиристы не могут сами различить, где кончается один и начинается другой?

Такова научность и наука партии... у человечества это называется иначе...

Положим, скажут нам, что Энгельс и тут ошибся, приписав Маркс-Энгельсу открытие борьбы классов, объяснение истории и социализма. Но нельзя же отрицать, что в их „Манифесте“, „Капитале“ и в „Положение рабочих классов в Англии“ они разработали фактически, обогатили социалистическую критику удивительными описаниями нищеты и страданий рабочих классов: очистили, расширили и оживили историческими исследованиями сухие формулы; наконец, придали стройную научную систему социализму сердобольных утопистов.

Так-ли это? Сравним их „Манифест“ и „Положение рабочих классов“ с произведениями сердобольных утопистов; возьмем „Манифест“ фурьериста В. Консидерана (1843-47) и книгу Е. Бюре „О нищете трудящихся классов в Англии и во Франции“ (1840), и мы увидим на деле, что именно было открыто Маркс-Энгельсом, и что принадлежало всей радикальной и социалистической литературе) 30-х и 40-х годов.

Книга Энгельса „Положение рабочего класса в Англии“ была в свое время одна из лучших книг по этому вопросу. Написана она хорошо, честно, и горячее чувство молодого (ему было 24 г.) революционера увлекает читателя, вызывая в нем симпатию к угнетенным, негодование и ненависть к угнетателям. С самого появления в „Современнике“ статей Н. Шелгунова „Рабочий пролетариат в Англии и во Франции“ мы привыкли считать Энгельса „одним из лучших и благороднейших из немцев“ (слова Шелгунова), а его книгу

Бакуниным переведенный „Коммунистический Манифест“ (1862) и „Программа Работников“ (1865), а потом и все речи и брошюры Лассаля мы считали и—признаться ли?—считаем и теперь в ряду лучших популяризаций французского революционно-государственного социализма 40-х годов, как его излагали тогда Пекер, Видаль, Луи Блан, Бланки и друг. Нам бы и в голову не пришло сказать, и тем более печатать хоть одно слово против честных книг и их авторов, если бы... если бы, спустя сорок лет, Энгельс и его последователи не вздумали проповедывать вместо коммунизма и социализма мелко-буржуазный радикализм с фабричным законодательством; если бы не их систематическая вражда к революционерам федералистам в Интернационале, а потом к нам, коммунистам-анархистам; если бы не стремление Энгельса прикрыть свой поворот к буржуазному радикализму и к легальной постепенности парламентаризма именем науки и научности; если бы не стремление его и его последователей, сделать смешными „утопистами“ действительных социалистов, включая сюда Роберта Оуэна, С. Симона, Фурье, Консидерана, Прудона и Чернышевского; если бы не их стремление выдать рабочим диалектику софистов и метафизику богословов и жрецов мирового духа за науку, а настоящую индуктивную науку, освободительницу, от духов и диалектики, от лжи и суеверия, выдавать за вульгарность и метафизику; если бы не их усилия убедить рабочих, что вне их легализма, постепенности, духословия и софизмов нет ни социализма, ни науки, ни методов борьбы, ибо, уверяют они, науку открыли они, социализм выработали они, методы борьбы создали они, словом, „в начале (1845) бе Маркс-Энгельс, и М.-Э. бе наука, и наука есть М.-Э.“, и что до них была одна сущая утопическая тьма, а возгласили они „да будет научный свет!“ и наука их партии засияла, а что вне оной—то от лукавого, т. е. от утопических врагов капитализма, этих „пособников капитализму в самом гнусном смысле“ по уверению г. Бельтова.—Вот, что заставило нас приняться за неблагодарную работу проверок и уличений.

Какими особенными качествами отличается книга молодого Энгельса? Предоставим говорить об этом его

друзьям и поклонникам. „Если в этой книге, говорит его биограф, панегирист, (стр. V) замечен еще не вполне закончившийся процесс выработки взглядов, то она является тем не менее *классическим* произведением... *по изображению* английской фабричной системы“. Заметим, — взгляды не выработаны, но описания хороши. — „... с какой удивительной точностью изобразил Энгельс подробности положения, говорит Маркс (*Капитал*), доказывает самое поверхностное сравнение его произведения с появившимся 18—20 годами позже официальным докладом комиссии о детском труде“. — Опять особенно описания отмечены. — А какие именно описания, — объяснит нам профессор Исаев *) „Энгельс обходит рабочие кварталы Лондона, изучает положение бедного люда в Дублине, в Эдинбурге, Глазго, Ноттингэме, Бирмингэме, Лидсе, Бадфордде и других и повсюду *наблюдает* картины, приводящие в ужас... Он ведет нас в С.-Джилльс, окруженный широкими *блестящими* улицами, и лежащий в самой населенной части Лондона“. Опять сторона описательная особенно подчеркнута. Но уверяем почтенного профессора, что все эти города были исследованы, их кварталы описаны, нищета их, так сказать, иллюстрирована с 1832 г., рядом парламентских комиссий, начиная с комиссии Садлера. Результаты их излагались в *Edinburgh Review*, *Chambers Edinburgh Journal*, *Quarterly Review*, *la Revue britannique*, у многих авторов, и наконец, в 1840 г. появился знаменитый двух-томный труд E Buret, „*De la Misère des classes laborieuses en Angleterre et en France*“, увенчанный премией французской академией, прославляемый Луи Бланом и всеми французскими социалистами и радикалами, книга, на которую в сороковых годах набрасывалась молодежь, а молод был тогда (20—22 г.) и Энгельс и был под французским влиянием (см. биографию). Книга Бюре — блестящий и необыкновенно полный свод всех исследований, отчетов, мемуаров, начиная с мемуаров доктора Экина (Aikin), первого разоблачителя рабства детей в Манчестере. У этого Бюре описание нищеты английских рабочих идет *именно по городам*, как у Энгельса. Даже начинаются оба описания той же фразой.

*) Исаев. „Пять вопросов обществоведения“, Берлин 1901. Стр. 248—49.

„У всякого большого города имеются вертепы (Ghetto), проклятые кварталы“. Бюре 316. Т. I.

„У всякого большого города имеются одно или более логовищ (Slums)“. Энгельс. 26 стр. английское издание. Лондон с кварталами С.-Джилль, Шоредич, Бетнальгрин, Вайтчепель и др. (стр. 316—322 Т. I), Манчестер с его реками Irk (стр. 327—334), Лидс (334—5), Ноттингам, Ливерпуль (здесь и цифры цитированы те, что у Энгельса), Бристоль, Ньюкастль (стр. 335—37). Потом идут Глазго, Эдинбург, Пэзли (стр. 337—340). Переходя к описанию влияния нищеты на организм и к санитарным условиям, Бюре дает ряд возмутительных картин нищеты, вымирания от голода, стужи, отсутствия воздуха, от мрака подвалов. Опять Лондон и его кварталы, Манчестер, Глазго и Эдинбург с Wynds (как у Энгельса). Стр. 350—356, 368—69, 370—72, 374—79, 380—385. Манчестер. Общий очерк дан уже на стр. 67, у потом 136, 140, 148—49.

Описания Бюре и Энгельса очень похожи, иной раз идентичны и с теми же самыми цитатами. Например, Бюре, описывая Ноттингам по статье W. Felkin в „*Journal of statist. Society of London*“. Jan. 1840.—говорит:

г. „В Ноттингаме, из всего числа 11.000 домов, от 7 до 8.000 построены задми вплотную друг к другу, без малейшей вентиляции и с одной отхожей ямой для нескольких домов. *Во время холеры, посетившей город*, было обнаружено, что многие дома стояли над сточными каналами, прикрытыми только досками пола нижнего этажа...“ (Том I. Стр. 335).

У Энгельса, в последнем, им самим просмотренном и снабженном новым предисловием от 11 января 1892 г., английском издании, на странице 36 мы читаем:

„В Ноттингаме всего 11.000 домов, из которых от 7.000 до 8.000 построены задми друг к другу с одной общей стеной, без всякой вентиляции, причем одна отхожая яма служит многим домам. *Исследование, произведенное вскоре после того (?)* обнаружило, что многие ряды домов были построены над неглубокими сточными каналами, прикрытыми только досками нижнего этажа“.

Слова Энгельса мы передаем, соблюдая даже конструкцию фразы оригинала. Они отличаются от слов Бюре только пропуском „*Во время холеры, посетившей*

город“, вследствие чего фраза Энгельса „исследование, произведенное вскоре после того“, является темной и требует вместо „того“ слова „холеры“. Почему Энгельс опустил холеру? — то дело его совести; но почему он не цитирует ни Бюре, ни Фелькина, у которых, очевидно, он списал дословно? — о том пусть судят читатели, а нас эта бесцеремонность давно перестала удивлять¹⁾. Все лучшие цитаты у Энгельса об Эдинбурге, Глазго, Манчестере, Дублине, Ноттингеме странным образом совпадают с текстом Бюре (стр. 339, 337, 382, 336, 335, 338, 339. Т. I).

Совпадают также названия рапортов, отчетов, книг и периодических изданий, появившихся до 1840 г., года появления книги Бюре. За исключением Карлейля и изданий чартистов, главными источниками Энгельса являются Симонс, Джемс Кай, Алисон, Сланей, Ури, Саутвуд, Ли Сениор и другие, все без исключения цитированные у Бюре, у которого, помимо их, цитированы сотни других французских, английских, немецких и латинских авторов. Книга Бюре—труд ученого, а Энгельса—компиляция мало подготовленного молодого (22–24) человека. Как настоящий ученый, Бюре при всех описаниях непременно дает имена авторов, докладчиков, комиссаров, духовных (Бекланд), дает заглавия статей, отчетов, названия журналов, из которых он цитирует. Положим, Энгельс тоже цитирует, но куда меньше и притом выходит как бы так, что все описания городов его собственные, так что Маркс и проф. Исаев могли приписать их ему, тогда как у Бюре вы видите, что он сам сделал, и что дали другие. Сравнение методов описания, города и кварталы, ими описанные, говорят нам ясно, что не Энгельс обходил, наблюдал и описал, а комиссии, инспектора, доктора, статистики; что всем этим раньше Энгельса и лучше его пользовался Бюре (его оба тома в 924 стр.), и труд Энгельса отнюдь не *классический по изображению*, а такая же компиляция, как и статья Шелгунова и книга Шеллера-

¹⁾ Профессор Андлер говорит: „Engels avait emprunté à Buret sa consciencieuse description monographique, son utilisation ingénieuse des rapports parlementaires... p. 35. — ... Le travail d'Engels n'est qu'une refonte et une mise au point...“ книги Бюре. (Ch. Andler: *Le Manifeste communiste*, II. Introduction historique et Commentaires Paris, 1901. p. 79).

Михайлова. Если можно говорить о классичности, то скорее она приложима к труду Бюре, в котором щедрой рукой рассыпаны мысли о классовой борьбе, о концентрации капитала, об экспроприации мелких мастеров, о заработной плате и железном законе, о социализации труда, о влиянии форм производства и обмена на строй общества: обо всем том, что Энгельс и его ученики выдают за открытия Маркс-Энгельса. К этим мыслям мы и перейдем; ради них мы бережем место и не цитировали описания.

1. *Классы, их взаимная вражда.*

„Древние рабы, бывшие полною собственностью их господ, превратились в крепостных и вассалов в эпоху варварства и стали рабами земли, а не человека, а после ряда изменений в наши дни они стали свободными по отношению к людям, но остались *подчиненными вещам*, рабами потребностей организма, насильно обреченными на большее изнурение и страдания, чем рабы, хотя при меньшей уверенности в завтрашнем дне (Т. П. Стр. 68). Пролетарии, живущие только заработком, прямые потомки крепостных, как последние были потомки древних рабов... Пауперизм появляется с уничтожением крепостного права, и мы увидим, что пауперизм есть порождение цивилизации, как крепостное состояние было порождение феодализма (69). Крепостная цепь была разбита; но кольцо приковывавшее к рабству осталось, и не один из освобожденных тащит на себе обрывок той цепи (75). Для капитала, рабочий простое орудие производства, ничем не отличающееся от машин (Т. II. Стр. 47). Хозяин не связан с рабочими морально; никакая взаимность услуг или обязанностей их не соединяет (48). В самых образованных странах рабочие видят в нищете прямое угнетение и мысль прибегнуть к силе для освобождения уже зародилась у них... рабочие уже агитируют, чтобы избавиться от ужасного положения и, как варвары, которым их уподобляли, они думают, пожалуй, о нашествии (49). Англия, страна крупной промышленности, в тоже время и страна социальной войны... Чартизм, побежденный все же грозит постоянно возрастающей опасностью (50). Правительство далеко не индифферентно к быстрому развитию бунтарского духа (*l'esprit de révolte*) среди низших классов (51). Из необходимости оберечь соб-

ственность фабрикантов против навадения рабочих, английское правительство завело общую полицию (51). Революция в индустрии разделила производительные классы одних против других (55). Рабочие ненавидят общество в целом; политические бунты, некогда местные, стали национальными (56)“.

2. *Концентрация производства.* Этому сюжету нам придется посвятить специальные главы, почему ограничимся здесь только двумя краткими цитатами:— „Машинное производство вытесняет повсюду мелкую индустрию крупную; оно делит участвующих на два различных класса с их противоположными интересами: на капиталистов, обладателей инструментами труда, и на наемных работников... etc. (стр. 165). Тоже в земледелии.— „За последние 20 лет крупное землевладение захватило общинные угодья а крупное земледелие об'единило в большие фермы мелкие крестьянские участки, породив пауперизм (Т. I. Стр. 196).

3. *О заработной плате.* Уже цитировано в главе о научности.

4. *О влиянии форм производства и обмена на общество.* „Машины и порожденное ими крупное производство влияют непосредственно и губительно на условия жизни рабочих классов“ (Т. II. Стр. 163).

„Всюду, где крупная промышленность заводит свои мастерския... нищета выставляет свою наготу, как бы с намерением пристыдить гордость и угрожать роскоши. Откуда эта странная встреча промышленности и нищеты? (123). Из нежелания-ли сознаться, что наш экономический строй сам порождает нищету, из страха ли перед горькой истиной, только сих пор всегда избегали приписывать нищету общим причинам (*idem*). Труд и заработная плата подчинены известным экономическим законам; стало быть, эти законы воздействуют непосредственно и влияют на условия жизни работников. Каково это влияние?.. Мы последовательно исследуем влияние на условия жизни рабочих наших *способов производства, распределения и потребления* (курсив Бюре. 124). Земледелие нам дает любопытные примеры влияния формы (*mode*) производства на положение рабочих и на богатства народов (125). Можно принять за аксиому, что физические и нравственные условия рабочих точно измеряются положением их относи-

тельно орудий труда и капиталов, употребляемых в производстве (126). -- В Англии на каждые десять семейств приходится одно, живущее торговлей и обменом вообще, так что девять семейств должны содержать лавочку; на каждые 36 семейств приходится по одному попу, юристу и доктору; один собственник — на девять семейств. Последствием является, что с $3\frac{1}{2}$ с половиною семейств производительных, приходится брать содержание семьи купца, попа и проч... Не объясняет ли нам этот факт, почему в Англии остается так мало на трудящийся класс? (203)".

5. *Разделение капитала и орудий производства с трудом.* По этому пункту у Бюре много очень красноречивых страниц, так как все зло он приписывает обращению свободного, самодовлеющего производителя в наемного работника. Приведем здесь только два отрывка.

„Все источники нищеты сводятся к одному: господствующее явление современной социальной экономики, которым обусловлены все другие и которое создает крупные состояния и нищету, порождает наибольшее неравенство, есть все увеличивающееся взаимное отчуждение в производстве двух его элементов, капитала и труда, — война между капиталом и трудом, между орудием труда и человеком его употребляющим...“ (337)
„Самое могущественное производительное орудие труда — земля, и нельзя отбирать ее у тех, кто способны ее обрабатывать своим личным трудом“. (468).

Этими прекрасными словами мы и закончим цитаты наши. И приведенные строки ясно доказывают почти тождественность чувств и мыслей ученого последователя Сисмонди и симпатизировавшего фурьеристам Бюре и молодого революционера Энгельса. Те мысли и чувства были влиянием времени, достоянием всех честных и прогрессивных мыслителей, в особенности социалистов. Их открыли не Бюре и Энгельс, не Маркс или Пекер. Они результаты великих исторических событий конца XVIII ст., глубоких волнений среди народных масс и коллективной мысли. Их формулировали с большою ясностью и блеском литературного таланта многие, особенно среди французов. Эти мысли и чувства в сороковых годах стали настолько обыденными, что их стали излагать в форме воззваний и манифестов. Один из

таких манифестов, В. Консидерана, написанный в 1843 г. и вышедший вторым изданием в 1847 г., по ясности и глубине мысли, считался самым блестящим. Он имел громадное влияние на современников. Ему рабски подражали в их манифесте Маркс и Энгельс, что мы и постараемся доказать рядом сопоставлений обоих текстов.

Если историческая литература, вместе с произведениями французских и английских социалистов и просвещенных людей вроде Бюре, дали Маркс-Энгельсу содержание, то Манифест Консидерана дал им форму.

Но это еще не дает права Энгельсу приписать всю науку и социализм себе и Марксу.

Глава V.

Их манифест и „Принципы Социализма“.

Principes du socialisme; Manifeste de la démocratie
au dix-neuvième siècle, par Victor Considérant.
Seconde édition. Paris, 1847.

Манифест Коммунистической Партии. К. Маркса и
Энгельса. Перевод (Плеханова) с немецкого
издания 1872. Женева 1882.

Мы подошли теперь к „святая святых“ марксизма— перед нами Манифест Коммунистической Партии. Если Маркс-Энгельс уподобляются то Ньютону, то Дарвину и даже легендарному Христу, то именно как авторы этого „великого, хотя и необъемистого произведения¹⁾“. Ученые, профессора, депутаты, публицисты и ораторы марксизма поучают рабочих всего мира... Но пусть говорят они сами.

Вот профессор римского университета Антонио Лабриола²⁾; он назидает нас, что „Со дня издания Коммунистического Манифеста открывается *новая эра*“ (курсив профессора) в истории человечества, конечно. А книга самого Лабриола, уверяет нас другой ученый социолог, Сорель, „достойна стоять рядом с *классическими* трудами Маркс-Энгельса“.

Другой профессор университета, Вандервельд³⁾,

¹⁾ Предисловие к русскому переводу манифеста.

²⁾ „Essais sur la conception matérialiste de l'histoire“.

³⁾ „Золотая свадьба Международного Социализма“.

наставляет нас, что „Понятие о классовой борьбе... впервые было развито в Коммунистическом Манифесте, который есть *грандиозный синтез истории, философии, революции...* С его появлением рабочие приобретают программу, формулу действия, боевой клич!“ — Третий профессор университета, А. Исаев ¹⁾, ставящий Маркса рядом с Дарвином, поучает нас, что „Мысль (о борьбе классов), ярко и красноречиво выраженная на страницах Коммунистического Манифеста, упрочивалась в литературе все более и более“. Четвертый профессор... однако, не довольно-ли профессоров? Послушаем самих авторов и сотрудников их. „Некоторые, говорит биограф Энгельса ²⁾, называли „Капитал“ Маркса библией рабочего класса. Но... название гораздо больше подходит к Коммунистическому Манифесту... он составляет настоящую квинт-эссенцию социализма...“ Сам Энгельс ³⁾, поучая Дюринга, говорит со свойственными ему правдивостью и скромностью, что „Если Дюринг хочет вообще сказать, что все наше современное экономическое положение... есть результат общественной истории, в основании которой лежал классовый антагонизм... то он повторяет вещи, ставшие общим местом со времени появления Коммунистического Манифеста“.

Манифестом начата новая эра, открыты борьба классов и материалистическое понимание истории, открыты вообще все законы динамики общественного развития, дана программа, дан боевой клич рабочему классу. Так уверяют нас жрецы науки, законодатели и сам великий Энгельс. То должна быть истина святая, незыблемая. Но странно, факты борьбы, не мирной декламации, а революционной борьбы рабочего класса, как будто, не вполне подтверждают уверения мужей научности.

Манифест „в немецком оригинале был послан типографщику за несколько недель до французской революции 24 февраля ⁴⁾“. Стало быть на нее и ее боевую формулу, на событие июньских дней он влиять не мог. А между тем, именно на баррикадах Парижа, в кровавые дни июня совершился окончательный разрыв между

¹⁾ Пять вопросов обществоведения. Стр. 91.

²⁾ Развитие Научного Социализма. Стр. VII.

³⁾ *idem*, стр. 76.

⁴⁾ Энгельс. Предисловие к английскому переводу 1868.

пролетариатом и радикальной буржуазией. Когда правительство второй республики ответило народу на его требование социальных реформ канонадой, расстреливанием и ссылкой в Кайенну лучших представителей великодушного и геройского парижского пролетариата, тогда раздался единодушный крик разрыва и проклятия буржуазии¹⁾; тогда сложилось у парижского народа решение, ставшее потом в статутах Интернационала великой формулой международного социализма: „Освобождение рабочих должно быть делом самых рабочих“. Говоря об Интернационале и роли в нем Маркс-Энгельса, мы расскажем, кто и как формулировал боевой клич пролетариата. Ни они, ни их манифест в том не повинны. По сознанию самого Энгельса (английское предисловие, стр. 4), манифест не имел влияния и на Интернационал так как, во время долгой реакции, наступившей за революцией 1848, социализм вообще „считался погребенным на веки, манифест был обречен на забвение“. Только в 1872 г., говорит в упомянутой брошюре Вандервельд, спустя четверть века после первого издания, манифест вновь был перепечатан“. Отсюда следует, что и на Коммуну 1871 г. манифест не влиял и боевой формулы ей не давал. Да и самая идея автономной коммуны и федеративный принцип составляет прямую противоположность централизованному, всепоглощающему государству авторов манифеста. Спрашивается, на какое же проявление революционной борьбы повлиял манифест? На чартизм? — Но он развился до манифеста. На русское революционное движение народничества и народовольчества? Никакого влияния, абсолютно никакого. Это подтверждают и наши диалектики марксизма. За то именно они и полемизировали целых 20 лет против народников, что последние были революционеры и бакунисты, а не метафизики, не марксисты. Тоже следует сказать и об Италии с Испанией, в которых все пролетарские революционные взрывы были делом патриотов и республиканцев, или же анархистов. Где же влияние формулы манифеста на

¹⁾ В. Гюго, Верморель, Прудон, наш Герцен (*С того берега*) даже Тургенев в „Наши послали“, отметили великое историческое событие.

рабочее революционное движение? В Германии? *допустим*. А какую революционную борьбу вели марксисты в Германии со времени появления манифеста? Ни революции, ни малейших революционных волнений там не было с 1848 г., а тогда действовали политические радикалы и социалисты революционеры, „утописты“, а не соц.-демократы, не диалектики марксизма. Так где же влиял манифест на революционное движение пролетариата? Да нигде. А как же г.г. ученые и профессора уверяют, что манифест влиял и даже новую эру составил? Это уж дело их ученой совести. Отрезанные от рабочих, не зная лично деятелей и борцов Интернационала, Коммуны, русского революционного движения и современного анархизма, они поверили словам Энгельса, Авелинга, Плеханова, Иглезиас и проч. Подозревай они о странной научной манере Энгельса и его школы, г. г. ученые, конечно, стали бы проверять „классические“ труды Маркса-Энгельса и не преминули бы убедиться в следующем:

В Коммунистическом Манифесте нет ни одной оригинальной мысли, а все его теоретические обобщения были ходячими истинами, общим местом, у французских социалистов 30-х и 40-х годов, а равно и среди немецких эмигрантов, бывших с ними в соприкосновении:

Не только отдельные мысли о борьбе классов, об оппозиции интересов пролетариата и буржуазии были высказаны Пекером, Видалем, Прудоном, Бюре, Бланки, Виллегарделем, Ривиером, а за ними немцами Грюном, Вейтлингом, Шустером ¹⁾ и другими, но еще—у Маркса-Энгельса был в руках блестящий свод всех этих общераспространенных мыслей в замечательном произведении знаменитого фурьериста Виктора Консидерана, издавшего, тоже в форме манифеста:

„Принципы Социализма“.

(Манифест демократии XIX столетия).

Самое поверхностное сравнение манифестов Консидерана и Маркса-Энгельса убедило бы ученых и профессоров в том, что произведение последних есть уче-

¹⁾ Ch. Andler, *Le Manifeste communiste, introduction historique et commentaires*. Paris. 1901.

ническая, рѣбкая компиляция молодых метафизиков по мастерскому произведению индуктивного французского мыслителя. Сходство обоих манифестов поразительно, не только по содержанию, но и по аргументации и по форме. Все, что Энгельс задумал выдать немецким читателям за открытия Маркс-Энгельса, у Консидерана развито с чисто французской ясностью и точностью мысли, облеченной в блестящую литературную форму первоклассного французского публициста. Особенно поразительно сходство, почти идентичность теоретической главы „Буржуа и пролетарии“ у М.-Э. ¹⁾ с теоретической частью у В. К. На 14^{1/2}, маленьких страничек русского перевода мы нашли больше 36 совпадений, из которых 30 приходится не первые девять страниц, посвященных вопросам борьбы классов, концентрации капитала, развитию политического мигущества буржуазии, с одной стороны, и роста пролетариата с другой. Эти страницы содержат всего 350 строк текста русского перевода так что в среднем на каждые 12 строк приходится одно заимствование! Многовато... Но это еще не все: самое распределение глав и заголовки последних либо прямо взяты у В. К., либо очень их напоминают. Например.

Параграф 2-й второй главы у В. К. (стр. 19) озаглавлен: „Современное положение и 1789: буржуазия и пролетарии.“ „Буржуа и Пролетарии“, таково название 1-й главы у М. Э.

В. К. критикует различные партии социалистов и революционеров под общим именем демократии (фурьеристов он называет мирной демократией), и заглавия его параграфов следующие:

„Демократия ретроградная“ (стр. 41),

„Демократия Застоя“ (стр. 35),

„Социалистическая партия и ретроградная демократия“ (44).

У М. Э. встречаем заглавия:

Реакционный социализм (37).

Консервативный или буржуазный социализм (34).

¹⁾ Во избежание частых повторений имен Маркса-Энгельса и Виктора Консидерана, в дальнейшем изложении мы будем употреблять только МЭ. и ВК.

Социализм критико-утопический и коммунизм (35).

Не зная откуда взяты заглавия, можно было бы принять их за заголовки одной и той же книги.

Заметим еще относительно сходства построения обоих манифестов, что теоретическая, принципиальная часть заканчивается в обоих специальными в три и четыре строки абзацами, рекомендующими *Ассоциацию*, как будущую форму общежития. (27 М. Э., 45 В. К.)

Приступая к сопоставлению текстов, мы ограничиваемся только строками, в которых М. Э. *резюмировали* для немецких читателей „Принципы Социализма“. Из последнего приведем цитаты длиннее, дабы читатели могли сами судить о комичности претензии М.-Э. на родительство мыслей и воззрениям их учителей.

А. Классы, их образование.

1. Маркс-Энгельс, стр. 2.— Выросшее на развалинах феодализма, современное общество не уничтожило различия классов.

В. Консидеран, стр. 2.— Новый общественный строй вырос из феодализма *путем развития промышленности, науки и труда...* Вопреки метафизическому либерализму... вопреки конституционному равенству граждан перед законом... современный строй все еще остается аристократическим, правда, не в принципе, а *de facto* (б)... классы увековечиваются самым рождением людей в низших, или высших условиях... только теперь уж не закон, не право и не политический принцип ставят преграду между громадными слоями (категориями) французского народа, а *сам экономический строй, общественная организация* (б).

Эта выписка, особенно подчеркнутые слова— последние подчеркнуты самим В. К. — показывает во сколько раз яснее понимали „утописты“, чем „ученые“ марксисты роль экономических факторов и общественной организации на развитие человечества. В этих немногих словах вся сущность диалектического материализма метафизиков марксизма.

2. М. Э., стр. 2.— Оно (буржуазное общество) поставило только новые классы на место старых, выработало новые способы угнетения и новые виды борьбы.

Против этого голословного утверждения, без ка-

каких бы то ни было фактических указаний, нам бы следовало привести целиком 5-й параграф из В. К., в котором, под титлом: „Быстрое развитие нового феодализма—общее закрепощение работников“, он мастерски очерчивает самый процесс развития. Но глава уже очень разрастется. Вот несколько выдержек.

В. К. Стр. 6, 7, 8.—Чрезвычайно важное явление развивается в наши дни — это могущественный и быстрый рост нового феодализма, феодализма индустриального и финансового ¹⁾, заступающего регулярно место аристократии старого порядка... Он мог породить только общее порабощение, подчинение масс, лишенных капиталов, орудий труда и воспитания... Безусловная свобода, при отсутствии организации, есть ничто иное, как полная отдача невооруженной и обездоленной массы на произвол вооруженных и богатых. Цивилизация, начатая дворянским феодализмом, развитие которого освободило промышленные классы от личного порабощения, завершается в наши дни феодализмом индустриальным, создающим общее порабощение рабочих.

3. М. Э. 2. Общество все более и более разделяется на враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга класса: буржуазию и пролетариат.

В. К. 10. Заглавие § 10 „Разделение общества на два класса: меньшинство обладающее всем, и громадное большинство лишенное всего“. — В ежедневной социальной борьбе одни вооружены, образованы, готовы к бою... другие, раззоренные, нагие, невежественные и голодные, принуждены, вымалывать у противников работу за нищенский заработок (6). Индустриальный феодализм, как и военный, создается победой и господством сильных над слабыми. *Пролетариат есть новейшее крепостное право.* (26)

4. М. Э. 3. Тогда пар и машины произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла нынешняя крупная промышленность, место среднего сословия - миллионеры — промышленники, предводители целых промышленных армий.

В. К. 9. Во всех отраслях (производства) крупный

¹⁾ О капиталистическом феодализме тогда говорили многие, между прочим Токвиль, Бюре (см. Т. II. Стр. 206—7).

капитал и крупное производство торжествуют над мелкими. Пар, машины, большие мануфактуры без труда восторжествовали повсюду над мелкими и средними мастерскими. С их приближением исчезли старые корпорации и мастера, уступив место фабрикам и пролетариату. . . Оставив без работы сначала рабочего, выбросив на мостовую массу народа, заменив их машинами, они (усовершенствования) дают в свою очередь и хозяев (мастеров).

Мы пропускаем здесь совпадения о роли буржуазии в перевороте производства и в политической революции (М. Э. стр. 4 и 5). Все это избитые места в политической литературе, особенно после Великой Революции. Юм, Тьерри, Бюре и многие говорили об этом. Прудон свою „*Idée générale de la Révolution*“, посвятил буржуазии в следующих выражениях: „Вы всегда были самые смелые и умелые революционеры“. . . Приведем здесь только две, три фразы В. К. и то потому, что его мысль высказана в тех же выражениях что у М. Э. „Она уничтожила корпорации, цехи и феодальную собственность, она обобрала дворянство и духовенство, но не создала никакого учреждения... предала индустриальную и общественную мастерскую сильнейшему, и нищета, пороки, подлог, разврат и общая преступность возрастают. . . Отвратительный механизм *свободной конкуренции**) топчет все законы справедливости и человечности. — Пропускаем и вступительные строки 2-й главы М. Э. о рабстве, феодализме, крепостном состоянии, цехах и пр. — все это были избитые, шаблонные места. В. К. начинает свой манифест „Рабство и кастовый дух — таков был древний социальный строй... Феодализм смягчил рабство в крепостное состояние“ и пр. и пр.

В. Политическая и социальная власть буржуазии и захват рынков.

5. М. Э. 4. Наметив в 12-ти строках, стр. 3—4, роль буржуазии при монархии, М. Э. заканчивает: „Буржуазия... завоевала себе, наконец, с появлением крупной

*) М. Э. 8. Их место (цехов и пр.) заняла свободная конкуренция...

промышленности и всемирного рынка исключительную политическую власть в новейшем конституционном государстве. Современная государственная власть есть не более, как комитет, выбранный для заведывания общественными делами буржуазии.

В. К. „Подчинение правительства новой аристократии“ — таково заглавие § 9. „Кто захватывает все общественные положения, все, так сказать, стратегические пункты промышленных и коммерческих операций? Кто все завоевывает, становится господином всего, если не высшая спекуляция, банки и крупный капитал? (10).

„Угодно вам знать до каких размеров вкоренился этот гибельный феодализм и как он господствует в жизни политической и социальной? — Приведя примеры из политики, военного дела, финансов, блестящий автор заканчивает: — „Не ясно-ли из этих примеров, что теперь уж не король, не министры, не нации, а феодалы индустрии и финансов управляют делами?“ (12).

6. М. Э. 5. Потребность в постоянно возрастающем сбыте для ее продуктов заставляет буржуазию обегать весь земной шар. Она должна внедряться и заводить сношения повсюду.

В. К. 22. Промышленные нации ищут с большими усилиями внешний сбыт их фабричным произведениям.

7. М. Э. 6. Низкие цены товаров являются в ее руках тою тяжелою артиллерией с помощью которой разрушает она *все китайские стены* и принуждает к капитуляции самую упорную *ненависть варваров к иностранцам*.

Подчеркнутые слова употреблены М. Э. в форме обобщения. Но если мы вспомним, что до второй половины прошлого столетия, кроме Англии, ни одна страна в Европе не имела железных дорог, пароходов и машинного производства, и если вспомним при этом, что варварская страна, прославленная тогда ненавистью к иностранцам, был Китай, то следующая конкретная мысль В. К. назойливо пробивается сквозь общую фразу М. Э: —

В. К. 22. 23. Англия задыхается от чрезмерных усилий развезти свои фабричные продукты по всем концам мира. *Пушечными выстрелами они открывают*

себе порты древней китайской империи. Безостановочно, вооруженная, рыщет она по земному шару, требуя повсюду потребителя.

С. Концентрация капитала и производства.

Концентрация капитала и борьба классов составляют основу тактики и этики Марксизма. Первая, как мы увидим дальше, составляет венец „Капитала“ в форме диалектической триады—экспроприация и экспроприация экспроприации, и дает марксистам мусульманско-фаталистическую уверенность, что капиталисты сами себя перебьют („один капиталист убивает многих“, по Марксу), и марксистам нечего хлопотать о борьбе с ними, заботиться об идеалах марксизма; ибо они, идеалы, сами прилагаются им, марксистам, за веру и голубиную кротость. Борьбу же классов они подставили вместо социальной революции. А так как все классы в истории боролись только за свою политическую роль, а не за экономическое и социалистическое равенство, то и марксисты должны, как духовенство и буржуазия, бороться за власть, а не за равенство; за политику, а не за социализм; путем буржуазной законности, а не революционным. Когда мы, коммунисты-анархисты, замечали им, что социализм революционный требует „освобождения экономического и социального“, а не легализма среди буржуазно-капиталистического беззакония и несправедливости для народа, то нам, обыкновенно, отвечали; вы грубые невежды, ваши учителя были утописты, и ни вы, ни они не подозревали о законах концентрации и борьбы классов, открытых великими Марксом-Энгельсом.

Но так-ли это? Наши-ли учителя не подозревали, или у них диалектики обрели свои открытия?

Вот сравним их мнения о концентрации и классовой борьбе.

М. Э. Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества, населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках.

В. К. Могущество крупных капиталов возрастает бесперывно: они притягивают и поглощают малые и

средние состояния... общество (финансовое), аристократия тяготенет над народом, подчиняют его, как и средние классы. — Этим феноменом характеризуется новейшая цивилизация... он следует по пятам за развитием коммерциализма и мануфактуры... индустриализм безостановочно высасывает народные богатства и концентрирует их для новой аристократии, создавая легионы расслабленных бедняков и пролетариев. Великая Британия представляет наивысшую ступень этой *концентрации капиталов* („la concentration des capitaux“) в руках очень малочисленной аристократии...

8. М. Э. 10 „Современная промышленность превратила маленькую мастерскую ремесленника в большую фабрику капиталиста“.

В. К. Крупная мануфактура легко восторжествовала над мелкими и средними мастерскими. При ее приближении старые ремесла и мастера исчезли, уступив место фабрикам и пролетариату.

Д. Борьба классов.

Пропускаем ряд совпадений о заработной плате, конкуренции между рабочими, среди буржуазии... о кризисах, о перепроизводстве. Переходим к общим выводам, хотя заметим, что мы пропускаем более 20 очень характерных частных совпадений.

9. М. Э. 16. „Они (буржуазия) производят прежде всего своих собственных могильщиков“.

В. К. 20—21. „Само это развитие господства (капитализма) рано или поздно вызовет социальную революционную борьбу... А когда совершают революцию для раздела и когда побеждают, то не делят, а выгоняют побежденных и захватывают все: делают то, что буржуазия проделала с дворянством и духовенством.

...Индустриальный феодализм растет...

...Пролетарий—современный крепостной. Положение, противное всем правам человечества, современному социальному духу; оно не может развиваться, не вызвав новой революции, *революции не политической, а социальной*, направленной против собственности и при криках:

„Жить работая, или умирать сражаясь! Землю работникам!“ (26).

„Коммунизм порожден быстрым развитием проле-

тариата, пауперизма и нового феодализма, и среди современного общества, еще пропитанного духом революции, распространяется быстро, особенно среди рабочего населения... „Долой частную собственность! Долой собственников! Долой наследства! Земля для всех! (18). Чартизм, коммунизм и сен-симонизм с отрицанием наследства развивается быстро в Европе (19). Поток жизненный влечет европейское общество к социальной революции и мы идем к европейской жакерии“. (13).

Это пророчество 1843-го г. свершилось во всеевропейском взрыве 1848 г. К несчастью для человечества, об'единенные усилия государства, аристократии, клерикализма и буржуазии задавили восставший народ, и богатая социалистическая литература 40-х годов была почти истреблена, голоса честных и смелых реформаторов были заглушены пушками реакции, направленными на народ.

А как мы видели из нескольких отрывков, социалисты того времени знали многое и хорошо, мыслили ясно и понимали положение; их мозги не были затуманены диалектикой, их честные и гуманные стремления не были извращены софизмами невежества, дряблости и гражданской трусости полемизирующих учеников Энгельса.

Да, социалисты 40-х годов знали и печатали в прекрасном литературном изложении все, положительно все, что Энгельс выдавал, спустя сорок лет, за открытия Маркс-Энгельса*). В международной „République des lettres“ такого рода открытия называются систематическим (из Моргана, Бюре, Томсона, Рикардо, Тюрго, Консидерана, Бланки) списыванием, присвоением, плагиатом. Некрасиво это. Но мы бы не стали тратить время над разоблачением немецкого маниака литературного величия. Бог с ним, пускай себе утешаются учеными трудами Энгельса его достойные ученики, тоже как он, ученые, Каутский и ему подобные.

Нас заставило взяться за перо грубое невежество

*) Уже цитированный Лидлер приводит ряд цитат о классах, о концентрации и проч. из Базара, Бюре, Видаля, Прудона, Пекера, С. Симона и других. У него нет В. Консидерана. Очевидно он не знал манифеста.

русских переводчиков Энгельса, их реакционная наглость в полемике последних двадцати лет против всего честного в бедной, цензурой раздавленной русской литературе, против всех оппозиционных элементов русскому бесправью и порабощению, против трогательно прекрасных образов казненных революционеров, сложивших свои головы в героической борьбе за политическое, социальное и умственное освобождение народностей России.

Эти полемисты уверяют, что ими руководили наука, истина, открытые Энгельсом. Пусть полюбуются они правдой и наукой, которую, по неведению, с таким усердием селятся навязать русскому рабочему. Если ими руководила действительная любовь к истине, „к благу народному“, мы от души сожалеем их, как жертв грубой мистификации. К ним вполне тогда приложимы слова: „Не ведают, что творят“.

Только простит ли им история?...

Наконец-то сознались!

Ответ К. Каутскому.

Устами главы ортодоксального марксизма К. Каутского научный социализм признал, наконец, что основные идеи Коммунистического Манифеста не оригинальные и великие открытия Маркса и Энгельса, как то утверждали до сих пор сам Каутский, Бебель и другие, а были общераспространенными воззрениями у французских социалистов до 1848 года.

Признали еще и то, что все те идеи были изложены еще в 1843 году в Манифесте знаменитого фюрера Виктора Консидерана.

„Без сомнения, все эти идеи уже содержатся в Манифесте Консидерана“, читаем у Каутского (Die Neue Zeit. 18 августа 1906 года, стр. 697).

Как известно, социалдемократическая легенда о научном социализме марксизма главным образом основана на мнимых открытиях социальных законов, обнародованных Марксом и Энгельсом в их Манифесте 1848 года. Этими открытиями социалдемократия доказывала свое первородство среди других партий. Любопытно, как партия отнесется к невольному признанию преемника и хранителя науки и открытий Маркса и Энгельса?

„Научный“ или немецкий социализм не только отрекся от социализма первой половины минувшего

столетия, но даже повел открытую борьбу с ним. Под кличкой „утопизма“ немцы 80-х годов, а за ними и наши зелоты марксизма предали всеобщему глумлению учения овенистов, сенсимонизма, фурьеризма и нашего народничества, в основу которого, под влиянием Чернышевского, легли идеи названных социалистических школ.

Основные требования, общие всем „не научным“ школам, сводились к уничтожению наемного труда, эксплуатации человека капиталистом и землевладельцем, к передаче всех орудий производства свободным ассоциациям рабочих, земли и земледельческих орудий—свободным общинам и ассоциациям крестьян и земледельческих рабочих. Исходя из этих положений, и русское народничество, с самого своего зарождения в 60-х годах, неуклонно звало народ и рабочих к осуществлению тех форм общественности (социализма), при которых вольные артели (ассоциации) и самоуправляющиеся общины могли бы организовать пользование землей, орудиями труда, мастерскими и фабриками на началах равенства и солидарности.

Немцы же, с Энгельсом во главе, об'явили эти требования и стремления вздорными измышлениями невежд. По их уверениям, новая наука, построенная на великих открытиях немцев, а особенно Маркса и самого Энгельса, доказала, что, *для блага человечества*, крестьянство *должно* потерять землю, община должна быть уничтожена*), все сто-миллионное наше крестьянство должно превратиться в бездомного, безземельного поденщика, работающего не в свободных ассоциациях, а на фабриках, заводах, в мастерских, в имениях капиталистов и землевладельцев, и работать это разоренное крестьянство обязательно должно не меньше 8 часов в день за установленный заработок, а об уничтожении обязательной работы на капиталиста и об организации свободных ассоциаций равноправных работников могут говорить только утописты, невежды, анархисты и другие „враги рабочего класса“.

Эту проповедь всенародного разорения для блага

*) Министерство Столыпина, уничтожив общину яростным циркуляром, осуществило давнишние вождедения наших марксистов (см. Плеханова, Бельтова, Волгина и прочих).

человечества особенно энергично и систематично вели Энгельс, Каутский, Плеханов и другие ортодоксы (порусски—правоверные) новой науки марксизма. Целых двадцать лет велась эта проповедь. Фразы—наука и научность—отуманили простодушных людей. Темная и мертвящая реакция немецкого милитаризма, царящая с 1870 г., реакция во Франции после коммуны, мракобесие катково-победоносцево-плевевской системы в России прекрасно гармонировали с учением народного разорения и подчинения. Энгельс и его ученики стали пророками.

Но утописты и народники, особенно же мы анархисты, оскорбленные в самых заветных и священных мыслях и привязанностях, не раз ставили вопрос: „На чем же основаны противочеловеческие требования крестьянского разорения и продления до скончания веков капитализма и подчинения работников“?

— На наших великих открытиях, — Победоносно отвечал Энгельс.

— На величайших открытиях наших учителей, возглашали Бебель, Каутский, Плеханов и другие ученики хором... И стали они перечислять те великие открытия.

Первое открытие. Прибавочная стоимость была открыта Марксом, заявил Энгельс в 1878 г. в Анти-Дюринге. (см. стр. 176. По русски переведено под чудовищным заглавием „Философия, Политическая экономия, Социализм“ — все это в небольшой книжке)!

— Но, отвечали Энгельсу почтительно, прибавочная стоимость была установлена Сисмонди в „Nouveaux Principes d' Economie politique“ в 1819 г. т. е. ровно за год до вашего рождения. Потом в 1824 г. Вильям Томсон разработал теорию прибавочной стоимости в знаменитом труде, выдержавшем три издания.

Второе открытие. Трудовая теория ценности. — Опять ошибаетесь, отвечали анархисты и независимые ученые. Трудовую теорию ценности установил и разработал Адам Смит ровно за сто лет до появления „Капитала“ Маркса, При этом указывали им и страницы (1, 38, 39, 40, 43, 53) великого произведения Адама Смита.

Третье открытие. Экономическое объяснение истории.

Но об экономическом объяснении, о роли экономических факторов в истории писали Бланки, Огюстен Тьерри, Давид Юм, Гизо и другие еще тогда, когда Маркс и Энгельс грамоте только обучались. Из их современников, их вполне игнорировавших, писали о том же Годкинс, Бокль, Тороль Роджерс и другие, Роджерс и книгу целую издал под заглавием „Экономическое объяснение истории“.—Что же касается до эволюционного воззрения на историю и на естественное развитие человечества, то, начиная с Вико, Энциклопедистов (Вольней), Гердера, Фурье, Огюста Конта и кончая Боклем, Спенсером, Морганом... словом, вся индуктивная наука его разработала.

Четвертое открытие. Борьба классов в истории (см. Энгельса, Каутского, Плеханова и друг.).—И на это отвечали им, что о борьбе классов говорили и писали особенно у французов и англичан со времени великой революции, начиная с Сиейса, Томаса Пэна и Годвина, кончая Гизо, Луи Бланом, Ривьером, Бланки и другими.

Пятое открытие. Концентрация капитала, по которому число капиталистов с 1845 года все убывает, так как *„один капиталист убивает многих“* (Маркс).—Во первых, отвечали им, о концентрации капиталов писали за двадцать лет до Маркса французы Бюре, Виктор Консидеран и другие. А во вторых, статистика показала, что число капиталистов и эксплуататоров рабочих не убывает, а быстро возрастает. Их число с 1845 г. утроилось (см. мою статистическую работу во „Freedom“ август 1894 г.).

Шестое открытие. Рабочее парламентское представительство, задуманное немцами в 1867 г. и установленное как тактика партии научного социализма в 1873 г.

Опять им напомнили, что французские прудонисты Толен, Лимузен, Фрибург, Молен и другие еще в 1862 году выступали с рабочими кандидатурами; что сам Прудон начал в 1874 г. целый трактат „О политической способности рабочего класса“ (Переведено на русский язык в 1865 г.); что Джон Стюарт Милль в письме к трэдюнионисту и интернационалисту Оджеру настаивал еще в 1870 г. на рабочей кандидатуре, дабы вырвать у буржуазии (виги) уступки и реформы в пользу рабочих классов.

Седьмое открытие. Основание Марксом Интернацио-

нала. — Правда, отвечали им. Не обсуждая, хорошую или дурную роль играл Маркс в Интернационале, надобно признать, что участие и влияние его были громадны, хотя основан Интернационал был в 1862 г. выше названными прудонистами французскими рабочими Толеном и другими и английскими трэджюнионистами с Оджером и Юнгом во главе, а Маркс присоединился к нему спустя два года, осенью 1864 г. по пригласительному письму Юнга.

Восьмое открытие. Формула рабочего движения: Освобождение рабочих классов должно быть делом самих рабочих“. И на это почтительно заметили, что окончательный разрыв пролетариата с радикальной буржуазией совершился в кровавые дни июня 1848 г., на баррикадах Парижа, о чем свидетельствуют все историки, рабочие (Дежак) и современники (Гюго, Видадь, Прудон, Герцен в „С Того Берега“ — Тургенев в „Наши послали“). А внесли эту формулу в статуты Интернационала по требованию французских рабочих, которые настаивали даже на том, чтобы членами Интернационала принимались только живущие ручным трудом.

Девятое открытие. Диалектический метод. — На это отвечали, что еще Аристотель в своей логике описал этот метод и назвал его изобретателем Зенона Элейского, основателя школы софистов; что открывать его не приходилось, а вводить его в социализм дело очень вредное, так как он „уродует мысль“ (Вундт) и превратил марксистов в софистов.

Десятое открытие. „Индуктивный метод, перенесенный Бэконом и Локком в философию, создал метафизическое мышление“ (Энгельс).—И на это отвечали, что метафизику и метафизическое мышление описал давно все тот же Аристотель, что в новейшее время „императором“ метафизики, по словам Маркса, был Гегель, а Бэкон и Локк создали индуктивную науку и материализм естествознания и что никакого иного материализма ни экономического, ни диалектического — не существует, кроме как в головах безграмотных невежд и шарлатанов.

Одинадцатое открытие. Маркс и Энгельс первые указали на важность рабочего законодательства.—Опять наверно, отвечали им. Еще в 1802 году, задолго до рождения Маркса и Энгельса, по инициативе Роберта

Оуэна, министерство Пиля-отца провело первые фабричные законы, а потом в 1809, 1812, 1819 годах следовали законы за законами; что в 1836 году комиссия Садлера предложила введение десятичасового труда, а Маркс и Энгельс тогда еще учились подростками в Германии, где рабочие работали по 14, 16 и 18 часов в день. Двенадцатое открытие. Закон минимума заработной платы, открытый Энгельсом, по его словам, в 1844 году. Может быть вы и открыли. отвечали ему, но наука знала его как закон Тюрго-Рикардо, о котором писали Бюре, Милль, Лавелей, Лассаль и все экономисты.

Так почтительно, робко отвечали ученые и социалисты, а особенно же народники и анархисты. Но ученым отвечали с пренебрежением, что они буржуа, а социалистам и анархистам—что они невежественные утописты. Голоса возражателей заглушались громким хором славящих. И слава Маркса и Энгельса росла и укреплялась. Особенно громки были голоса прославителей из немцев.

„Германия, возвещал торжественно Бебель, стала руководительницей человечества в гигантской борьбе грядущего... То не простая случайность, что *динамические* законы общественного развития и научный базис социализма были открыты и положены немцами. Первое место между этими немцами принадлежит Марксу и Энгельсу“ (Бебель, „Женщина“).

„Открытие Марксом законов движения капиталистического способа производства является таким же непреходящим научным фактом, как открытие Кеплером и Ньютоном законов движения небесных тел... Капитал Маркса называли Библией рабочего класса... Но название гораздо больше подходит к Коммунистическому Манифесту... он составляет настоящую „квинт-эссенцию социализма“ (Каутский, Биография-панегирик Энгельса, писанная при жизни последнего и с его согласия).

„Со дня издания Коммунистического Манифеста открывается новая эра“ (Antonio Labriola).

Слава авторов „великого, хотя и необъемистого произведения“ (слова Плеханова) разрослась и заполнила мир, на всех языках славословили их науку, по которой крестьяне все для блага человечества, должны обнищать, потерять землю, а рабочие работать на капиталистов. Боль-

но и обидно было слушать друзьям народа карканье ворон нищеты и разорения, но вороны те были в павлиньих перьях, и мир любовался ими, пел хвалебные гимны их учености.

Одно только было странно: славили особенно Коммунистический Манифест, а о коммунизме в нем нет ни слова!.. даже девизы коммунистов— „равенство между людьми“; „каждому по потребностям, от каждого по способностям“—в манифесте не встречаются. Напротив, в нем говорится о монополиях государства, об армии труда, об обработке полей по общему плану, по приказу начальства, которому „*тупоумное*“, по Энгельсу, и разоренное крестьянство отдавалось в полное распоряжение.

— „Это не коммунизм, а проповедь солдатчины, дисциплины и рабства!—сказал я себе. Социалисты и коммунисты в 1848 году не говорили таким языком. Стал я сличать Манифест с писаниями людей сороковых годов и, к моему удивлению, нашел, что Манифест списан с Манифеста Виктора Консидерана, т. е. с произведения *не коммуниста и не революционера*. А знаменитые девять пунктов о монополии государства, об „армии труда, специально для земледелия“ оказались позаимствованными тоже у француза, тоже не коммуниста и не революционера, Видаля, который разрабатывал по пунктам, в форме законов и декретов (указов), целую систему *государственной* и общественной реформы. Нашел я книгу тоже *мирного реформатора* фурьериста, вернее—последователя Сисмонди, Евгения Бюре „О нищете рабочих классов в Англии и во Франции“, которая была увенчана французской академией наук в 1840 году, и которую Энгельс, двадцати-трех летний юноша, переделав на немецкий язык, выдал за свое произведение.

Профессор Андлер тоже говорит, что книга Энгельса переделка труда Бюре.

Тут для меня стало очевидным, что научная сокровищница врагов крестьянства была пустехонька... Никаких законов Маркс и Энгельс не открывали, а проповедь крестьянского обезземеления и разорения—плод дикого измышления человеконенавистничества. Нигде, ни в природе, ни в истории, ни в экономике, ни в социализме подобных гнусностей не бывало. Утверждать

именем науки благодетельность разорения крестьянства есть заведомое оскорбление науки, социализма и человечества.

Признаюсь, читатель, когда я убедился, что обнищание народу проповедывали плагиаторы и их легковерные и полуграмотные приспешники, радости моей не было конца. Радость свою я сообщил искренним друзьям народа. Они ободрили, поддержали меня нравственно, а когда, начиная с 1893 года, я стал в форме монографии, печатать мои исследования, то их стали излагать и даже переводить на все европейские языки. Только по-немецки, за исключением исследования о концентрации капитала, ничего не появлялось вплоть до конца прошлого года. Но в прошлом году, молодой немецкий анархист Пьер Рамус изложил мои исследования о плагиате Манифеста В. Консидерана, совершенного Марксом и Энгельсом, и о переделке и присвоении, уж одним Энгельсом, труда Бюре. К этому П. Рамус присоединил статью Артура Лабриола в моем переводе с итальянского, прилагаемую ниже.

Вот по поводу брошюры П. Рамуса и напечатал Каутский статью в 47 № Die Neue Zeit (18 августа 1906 г.), которая почти одновременно появилась отдельным изданием по-русски и фельетоном в грузинской социальдемократической газете. Статья написана, главным образом, против меня, так как Рамус только изложил мою работу, а Лабриола имел смелость, сличив манифесты Консидерана и Маркса—Энгельса, заявить печатно, что правде Черкезов,—действительно, Коммунистический Манифест переделан с манифеста В. Консидерана, и Маркс не прибавил „ни одного слога“ от себя.

Статья написана, главным образом, против меня, а работы моей, я вижу, Каутский не дал себе труда прочитать, как не читал он в итальянском оригинале и статьи Лабриола. В самом деле, мог ли Каутский, уличая меня в *идиотстве*, в невежестве и абсолютном незнакомстве с французской социалистической литературой 40-х годов, сказать (стр. 697) в назидание мое и Лабриола—„Луи Блан также писал в своей „Организации Труда“, появившейся еще в 1839 году“... мог ли бы, говорю, он указать мне это, когда в самом начале моих исследований, в первой главе, напечатанной в

1893 году, у меня сказано: „В своем журнале *Revue du Progres*, основанном в 1839 году, Луи Блан начал печатание своей системы“... Согласитесь, странно чуть ли не моими словами говорить о Луи Блане и тем доказывать мое незнакомство с его трудами?

А то вот еще на стр. 698-й, Каутский, уличая меня и Лабриола все в том же незнакомстве с социалистической литературой той эпохи, говорит: „Они могли бы все это найти в книжке Луи Блана или в любом социалистическом произведении того времени“. Если бы он читал мою работу, не мог он сказать приведенного, так как у меня сказано:

„В Коммунистическом Манифесте нет ни одной оригинальной мысли, и все его обобщения были ходячими истинами, общим местом у французских социалистов 30-х и 40-х годов, а равно, и среди немецких эмигрантов, бывших с ними в соприкосновении; не только отдельные мысли о борьбе классов, об оппозиции интересов пролетариата и буржуазии были высказаны Пекёром, Видалем, Прудоном, Бюре, Бланки, Виллегарделем, Ривиером, а за ними немцами Грюном, Вейтлингом, Шустером и другими, но еще: „У Маркса—Энгельса был в руках блестящий *свод* всех этих общераспространенных мыслей в замечательном произведении фурьериста Виктора Консидерана, издавшего тоже в форме Манифеста „*Принципы Социализма. Манифест Демократии XIX ст.*“

Мог ли Каутский рекомендовать мне ознакомиться с литературой, если он читал мою работу? А если он меня не читал, как никогда он, вероятно, не заглядывал в труды названных французских авторов, какое имел он право полемизировать со мной, он, претендующий на ученость и добросовестность литературную?

Не читал Каутский и статьи Лабриола в оригинале. У последнего начинается новый абзац словами: „*Maix non ha detto nemmeno una sillaba di piu*“, т. е. Маркс не прибавил ни единого *слога* к словам В. Консидерана, а у Каутского этой фразой заканчивается абзац и вместо слова *Sillab* (слог) стоит *Wort* (слово), как у П. Рамуса, переведшего Лабриола с моего французского перевода, в котором мною была передана эта фраза равносильным французским выражением „*pas*

ип mot". Ученому, кажется следовало бы знать, о чем он говорит.

А как слаб Каутский в защите сокровищ великих открытий Маркса и Энгельса! Если бы мы не знали, что именно он уподоблял Коммунистический Манифест Библии, а его творцов Ньютону и Кеплеру, то можно бы подумать, что он издевается над своими учителями и над читателем. Так, например, опровергая мои и Лабриола доказательства тому, что все основные мысли манифеста Маркса—Энгельса о борьбе классов, о концентрации капитала, о кризисах и перепроизводстве, о возмущении производительных сил против капитала... словом, все идеи, составляющие содержание Коммунистического Манифеста и марксизма, взяты у Консидерана, Каутский говорит: *„Без сомнения, все эти идеи находятся в Манифесте В. Консидерана (стр. 697).“*

Стало быть, Марксу и Энгельсу их открывать не приходилось? А зачем Каутский целых двадцать-пять лет утверждал, что все это было открыто Марксом и Энгельсом? Зачем уподоблял он их великому Ньютону?

Зачем Бебель уверяет немецких рабочих, что все социальные законы открыты Марксом и Энгельсом, если законы те были общими местами у французских социалистов в 40-х годах и талантливо, блестяще изложены у В. Консидерана на нескольких страницах его Манифеста?

Но Консидеран был забыт, торжественно заявляет Каутский. Даже ученики знаменитого фурьериста, например, Биоркли, будучи членами Интернационала, никогда не указывали на плагиат, совершенный Марксом и Энгельсом. Один ли Консидеран был забыт самими в 50-х и 60-х годах? Говорилось ли в секциях и в прессе Интернационала с 1862 по 1870 хоть слово о манифесте Маркса—Энгельса? Не Консидеран один, а вся социалистическая литература 40-х годов, включая и Коммунистический Манифест, была не знакома поколению рабочих шестидесятих годов. Реакция, последовавшая за февральской революцией 1848, беспощадно преследовала социалистов, истребляла их литературу.

„Социалисты, вынужденные скрываться, совершенно исчезли с арены политической жизни; правительства наученные революцией 1848 года, приняли меры против революционной пропаганды: движение, казалось,

потерпело полное поражение. Л. Рейбо (L. Reibaud), написавший историю социализма, сказал: Социализм умер, говорить о нем, значит произносить над ним надгробную речь" (Шарль Сеньобос. „Политическая история современной Европы“. Спб., 1903, стр. 604).

Сам Энгельс в предисловии к английскому изданию 1888 года признается, что их Манифест тоже был осужден на забвение (doomed to oblivion). Только в 1872 году, т. е. спустя 24 года, и после распада Интернационала, появилось второе немецкое издание. Что удивительного, если Биоркли и другие не говорили о забытом Манифесте, ставшем библиографической редкостью? Интернационалисты Манифеста не знали, им не занимались. Каутскому следовало бы это знать. Заговорили о Манифесте, и сильно, в восьмидесяти годах. Когда невежественные писаки убогих листков увидели в Манифесте новое откровение, своего рода Библию, а Маркса и Энгельса стали уподоблять Ньютону и Кеплеру, людям образованным пришлось напомнить зарпортованвшимся хвастунам, что только по своему невежеству они могли принять за откровение общие места социалистической литературы сороковых годов. Профессор Андлер в добросовестном и беспартийном исследовании доказал цитатами, что мнимые откровения были ходячими фразами среди социалистов всех школ до 1848 года. Уже цитированный Сеньобос, даже в общей истории Европы, напомнил нашему поколению, что:

Еще до 1848 года говорили об эксплуатации человека человеком, о праве на труд, о *прибавочной стоимости*, об анархии, о социальной демократии, о *борьбе классов*, о рабочей партии, о *международном объединении трудящихся*, об освобождении пролетариата, об организации труда, о союзе промышленности; предлагали... *законы в защиту рабочих*, обобществление собственности, прогрессивный налог, *всеобщую стачку, восьмичасовой рабочий день, рабочие конгрессы*" (стр. 600).

Вот эти идеи и были талантливо изложены в 1843 году в Манифесте В. Консидерана, из которого, чуть ли не дословно, Маркс и Энгельс заимствовали первую теоретическую главу их пресловутого Манифеста. Даже заглавие „Буржуа и пролетарии“ взято у Консидерана. Эта глава их манифеста состоит всего из 350 строчек, а сравнение текстов показало 36 совпадений; иными

словами, на каждую заимствованную мысль приходится всего по 9—10 строчек. Оба Манифеста Начинаются с исторических обобщений почти дословных, а заканчиваются теоретические рассуждения обоих Манифестов провозглашением *ассоциации* основной формой свободного и солидарного общества.

Для доказательства плагиата, пришлось все тридцать шесть совпадений брать отдельно и сопоставлять их последовательно. Каутскому это очень не нравится. Что бы показать несостоятельность моих сопоставлений, он берет только две первые цитаты начальных строк, в которых говорится о рабстве древнего мира, смягченного в крепостное право феодализмом, и с иронией спрашивает, не собственное ли открытие Консидерана рабство древности и крепостное право... Где же тут плагиат? спрашивает Каутский.

Плагиат в тех остальных 34 совпадениях основных идей, о которых умолчал Каутский, а начальные 2 цитаты служат для показания того, что и построение теоретической главы у Маркса и Энгельса взято у Консидерана. Каутский вслед за начальными цитатами спрашивает: „Где же те идеи, которые Маркс и Энгельс скрали у Консидерана?“ На странице 695-й он тех идей не находит, а на 697-й, как мы видели, он сам признается, что: „Без сомнения, все эти идеи (*alle diese Ideen*) содержатся уже в Манифесте Консидерана“. Что и требовалось доказать. Мерсі, за признание! Идеи совпадают, начало идентично, вывод об ассоциации тоже идентичен в обоих Манифестах... Это ли не плагиат?

— Нет! восклицает ученый представитель правоверного марксизма. „Вот, ежели бы Маркс и Энгельс утверждали, что социализм XIX столетия начинается с появления Коммунистического Манифеста, тогда они были бы плагиаторами (стр. 698).

Тогда, господин хранитель научности социалдемократии, они не плагиаторами, а глупцами были бы. В глупости же Маркса и Энгельса никто не обвинял. Не могли они говорить, что социализм начинается с Манифеста 1848 года, когда первые коммунисты Бабеф и его друзья погибли еще в Великую Революцию; когда Сен-Симон умер в 1825 году, оставив многочисленную школу, блиставшую гениальными талантами (Огюстен Тьерри, Адольф Бланки, Огюст Конт) и богатое лите-

ратурное движение; Фурье умер в 1837 году, фурьеризм наводнял Францию журналами, книгами и манифестами до 1848 года; Луи Блан и его „Организация Труда“ имели такое влияние, что вторая Республика организовала специальную комиссию социальных реформ под председательством его самого и *рабочего* механика Альбера, бывших в то же время членами правительства республики; и в Германии были социалисты до 1848 года; кроме Шустера, Вейтлинга и Грюна там многие писали о социализме; между прочими Лоренц Штейн издал превосходную книгу о французском социализме еще в 1842 году, а в 1847 году издал в двух томах второе обработанное издание.

Повторяю, было бы глупо говорить, что социализм до 1848 года произошел из крошечного Манифеста, изданного в нескольких стах экземплярах на немецком языке, да еще не в Германии, а в Лондоне, Они были слишком умны для подобной вульгарности. Маркс и Энгельс, *особенно последний*, поступили иначе. Они, собственно говоря, один Энгельс с молчаливого согласия Маркса, убедили в 80-х годах немецких рабочих, что у социализма до 1848 года не было никаких научных оснований, а имелись только одни порывы, грезы и благие пожелания, а все научные истины и основания социализма, те двенадцать мнимых открытий, о которых мы выше говорили, были совершены ими в 1845 году, а обнародованы в их Манифесте в 1848 году. Так, по крайней мере, говорил и писал неоднократно Энгельс.

В предисловиях к 3-му немецкому изданию 1883 года и к английскому 1888 года, Энгельс утверждал, что „Основная мысль Манифеста, гласящая: 1) что в каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбежно обусловленное им строение общества¹⁾ составляет основу политической и умственной истории; 2) что... вся история... была историей борьбы классов... 3) что борьба эта достигла той ступени, на которой... пролетариат не может освободить себя... не

¹⁾ Об этом в Манифесте нет ни слова. Эта претенциозная фраза впервые появилась у Маркса в предисловии „К Критике Политической Экономии“, 1859 г.

освободив... всего общества... эта основная мысль ¹⁾ принадлежит *единственно и исключительно Марксу*“ (предисловие к немецкому изданию). К этому в английском издании прибавлено:

„По моему убеждению, этому обобщению суждено совершить для истории то, что теория Дарвина совершила в биологии. К его выработке каждый из нас (Энгельс и Маркс) приближался постепенно еще 1845 года... Но когда весной этого года мы опять встретились в Брюсселе, оно было вполне выработано Марксом и он изложил мне его почти в тех же выражениях, в каких передаю я здесь“ (стр. 5—6 предисловия к английскому изданию Коммунистического Манифеста 1888 года).

Вы понимаете читатель?—Эволюционное об'яснение истории, учение о роли городов, коммун и общественных классов в истории Европы, а, наконец, формы и характер социальной эмансипации... все это только *одна* мысль и принадлежит не великому умственному и политическому движению Западной Европы XIX столетия, а Марксу и Энгельсу! Каутский говорит, что их можно было бы назвать плагиаторами, если бы они приписали себе только социализм XIX столетия... В приведенных словах Энгельс присвоивает себе не только социализм, а еще эволюционное воззрение на историю и политическое учение о борьбе классов, т. е. говоря по просту, всю политико-социальную и историческую науку минувшего столетия.

Как ни чудовищно подобное присвоение, мы все же не можем назвать это плагиатом. Если угодно, можно назвать это мегаломанией, манией величия, но не плагиатом. В литературе принято называть плагиатом, когда кто-нибудь спишет чужую мысль, страницу или целую книгу чужую переделает и напечатает под своим именем, не упоминая имени автора. Вот именно такое переписывание, такую переделку, не называя авторов, совершили Маркс и Энгельс с Манифестом Виктора Консидерана в 1848 году, а Энгельс самостоятельно в 1844 году с книгою Бюре „О нищете рабочих классов в Англии и Франции“.

¹⁾ Удивительная *одна* мысль! Тут и эволюционное воззрение на историю, и учение о борьбе классов, и о всеобщем освобождении путем социального обновления... т. е. весь социализм... И все это только *одна* мысль!

Претензию Энгельса на открытие можно осмеивать, но присвоение им чужих произведений должно выставить на публичный позор. В этом случае нет места партийности, ни направлению.

На этом наш ответ Каутскому можно бы закончить. Но в статье его очень много говорится о том, что В. Консидеран был не революционером, а сторонником мирных реформ. Кому же не известно, что фурьеристы вообще были люди мирной реформы? Сам Консидеран в рассматриваемом Манифесте называет свою партию мирной демократией (*Democratie pacifique*). Такою в действительности она была. Отсюда отнюдь не следует, что исторические и социально- философские идеи своего времени были чужды прекрасно образованному и талантливому писателю-фурьеристу. Кто потрудится проглядеть оба Манифеста, тот увидит, что мирный реформатор предвосхитил мнимых революционеров и с чисто французской ясностью рассуждал о классах и классовой борьбе, о концентрации капитала и о победе крупного производства над мелкими, о политическом господстве крупного капитала, о перепроизводстве и экономических кризисах, о всеобщей конкуренции и о погоне за международными рынками, о возрастающей нищете рабочих классов и об их возмущении против капитализма... обо всем том, что Энгельс приписал Марксу и себе, а Бебель, Каутский, Плеханов и другие выдают рабочим за исключительную собственность их партии мирного и легального парламентаризма.

Правда, Консидеран был человек мирной реформы. Но мирными реформаторами были все великие основатели социализма. Ни Сен-Симон, ни Фурье, ни Роберт Овен, ни их последователи не звали народ на баррикады. Тем не менее весь современный социализм, все формы и виды современного рабочего движения, включая ассоциации, кооперации, тред-юнионизм, всеобщую стачку и пр., были выработаны и формулированы ими. Не вздумают ли Каутский, Бебель и другие отрицать эти заслуги перед страждущим человечеством названных мыслителей и их школ? А ежели они вздумают отрицать, то уж не в качестве ли революционеров? Сомнительно.

Социальдемократы в Западной Европе, с их до-

ктриной марксизма, с формулой о всерешающей роли производственных отношений в социальной жизни, являются тоже мирными реформаторами. Производственные отношения—результат эволюции производства и обмена, а не инициативы и деятельности революционеров. При доктрине производственных отношений нет места революционерам. Лучшим тому доказательством служит сама социальдемократия. За почти полувековое существование, она не совершила ни одного революционного акта. Напротив, она их систематически осуждала в Испании, Италии и во Франции. Социальдемократия, повинувась Энгельсу, систематически отрицала даже и всеобщую стачку. Она направила все усилия на мирный захват власти путем парламентских выборов, и все последние тридцать пять лет ничем иным она не занималась.

Почему же Каутский, теоретик партии легального парламентаризма и выразитель доктрины эволюции, а не революции производственных отношений, вздумал укорять Консидерана за проповедь мирных реформ?

Не думает ли Каутский тем скомпрометировать Манифест Демократии и его автора?

Но Каутскому не удастся скомпрометировать в глазах грамотных людей знаменитого фурьериста, как не удалось ему снять несмываемого пятна литературного плагиата с памяти своих учителей.

В. Черкезов.

Приложение.

Каутский в своей статье не менее строг к Артуру Лабриола, подтвердившему мою работу. Приводим здесь целиком краткую, но чрезвычайно ясную статью Лабриола. Пусть читатели сами судят, правы ли мы в наших выводах.

(Avanti. № 1901, 24 марта 1902).

В своем новом этюде о Коммунистическом Манифесте, Шарль Андлер исследовал происхождение знаменитого произведения.

Случайно, на этих днях, я напал на документ, признаваемый с большим основанием Черкезовым за произведение, давшее не только основные тезы аргументации, но и самую форму изложения Манифеста. Речь идет об очень редкой брошюре В. Консидерана с названием: Основы (принципы) Социализма, Манифест Демократии XIX столетия, первый раз изданной фаланстерским книжным магазином 1 августа 1843 года и вышедшей вторым изданием в 1847 году. Таким образом, первое издание этого странного (?), но чрезвычайно поучительного манифеста предшествовало пятью годами появлению Манифеста Коммунистической Партии. Я сделал мою находку, роясь в груде странных и любопытных фурийеристских брошюр продававшейся

библиотеки какого-то неизвестного неаполитанского фурьериста, жившего, вероятно, около 1848 года.

Манифест Демократии распадается на две части: 1-я — Состояние общества; 2-я — Состояние воззрений. Он содержит 74 убогих страницы и разбит на главы и параграфы. 26 страниц первой части, порою фантастических по форме (?), но в основе верных, содержат все главные мысли первой главы Манифеста (Маркса — Энгельса). Во второй части разбираются с точки зрения фурьеристов учения и принципы различных французских политических партий.

Несомненно, что эта часть Манифеста Консидерана должна была навести Маркса и Энгельса на мысль о третьей главе их Манифеста, в которой обзревается состояние коммунистической литературы до 1847 года. Только Энгельс сделал обзор с интернациональной точки зрения, а фурьерист Консидеран — исключительно с французской.

Основные положения Коммунистического Манифеста, как известно, сводятся к следующим: 1) историческое развитие является результатом борьбы классов между собою; 2) пролетариат новейших времен вынужден силою вещей разрушить существующий социальный строй, так как экономическое развитие капиталистического общества обрекает его на нищету, все возрастающую; 3) непрерывное развитие капиталистической концентрации разоряет средние классы и обостряет столкновение пролетариата с буржуазией; 4) неспособность буржуазии управлять производством доказывается экономическими кризисами, вызываемыми перепроизводством.

И что же? — все эти положения, и еще множество других положений и второстепенных мыслей, мы находим в Манифесте Демократии, иногда в наивной и фантастической форме, но всегда ясными и определенными.

Манифест Консидерана устанавливает, что „новый общественный строй вытек из феодального, благодаря развитию промышленности, наук и человеческого труда, путем медленных, но несокрушимых побед рассудка над силою, творческого гения над войной“. Затем он утверждает, что Французская Революция совершила только отрицательную работу: она разрушила старый общественный порядок, но не создала нового соответственно

ее учению равенства перед законом (§ IV, стр. 5, изд 1847 г.)*... Хотя новое общественное право и не признает больше прирожденной неспособности личности или класса, а напротив очень демократически признает равную политическую и социальную правоспособность всех и во всем, тем не менее высшие и средние общественные состояния, почти все общественные должности и свободные профессии в действительности монополизированы высшими и средними классами, которые их удерживают за собою и передают друг другу. Создается новый феодализм, и порабощение народное увечивается.

„Причина этому явлению? — Свободная конкуренция“. (В. Консидеран, Манифест, § V, стр. 7).

„Каковы могли быть при подобных условиях плоды свободной промышленности, на которую возлагали столько надежд? или прославленного принципа свободной конкуренции, будто бы особенно благодетельного для демократической организации? Ничего другого, кроме всенародного порабощения, коллективного закрепощения (l'inféodation) народных масс, лишенных капиталов, орудий труда и воспитания, классу богатых и хорошо вооруженных.

„Под влиянием свободной конкуренции заработок рабочего постоянно понижается. В Ирландии, Англии, Бельгии и во Франции, повсюду где царит свободная конкуренция и ничто не задерживает беспорядочного роста промышленности, положение рабочих классов неизбежно становится нищенским и гнусным; им приходится бороться не только между собою, но также и с машиной, расходуемой всего несколько сантимов на человеческую силу!.. Закон свободной конкуренции порождает возрастающую нищету рабочих классов (§ VI) — он же разоряет классы средние“ (§ VII).

Ежели мы сравним все это с Коммунистическим Манифестом, мы увидим в нем все эти мысли, и выражены они почти теми же словами.

„Во всех странах, продолжает Виктор Консидеран, крупные капиталы господствуют над мелкими, крупные предприятия — над предприятиями малыми. Пар, машины, крупная мануфактура повсюду и легко восторжествовали над мелкими мастерскими. С их при-

ближением старые ремесла и мастера исчезли, уступив место фабрике и пролетариату...

„Деньги захватывают все; могущество крупных капиталов возрастает непрерывно; Они притягивают и поглащают малые капиталы и средние состояния во всех видах... Последствия этого явления чрезвычайно серьезны (§ III).

„Общество начинает делиться на два определенных класса; один — малочисленный, владеющий всем, или почти всем, неограниченный властитель всего по части собственности, торговли и промышленности; другой — многочисленный, лишенный всего, живущий в полной зависимости от обладателей капиталов и орудий труда, принужденный продавать за мелкий и все уменьшающийся заработок свои руки, таланты и силы феодалам современного общества.

„Богатству свойственно концентрироваться в руках все уменьшающегося числа обладателей.

„Наш индустриализм — могущественный и колоссальный механизм; он безостановочно выкачивает национальные богатства, концентрируя их в большие резервуары новой аристократии, и фабрикует легионы истощенных бедняков и пролетариев. Великобритания достигла наивысшего развития этого феномена концентрации капиталов в руках малочисленной аристократии, и уменьшения средних классов“...

Марксом не прибавлено ни одного слова к этому, Повидимому, теория возрастающей нищеты и концентрации капитала были общим местом социалистической критики до Маркса, и великий коммунист их усвоил без дальнейших рассуждений. (Велик, потому что списал и усвоил без рассуждений! Странное величие, — В. Ч.).

Можно сказать, что Манифест Демократии содержит почти все мысли будущего манифеста Маркса и Энгельса. Правительство определено в нем как орудие капиталистического феодализма (§ IX). Колониальный вопрос, называемый теперь империализмом, объяснен В. Консидераном совершенно так же, как потом у Маркса и Энгельса, т. е. потребностью торговли в новых рынках. Даже пример у Маркса и Энгельса принадлежит Консидерану — война с Китаем за опиум! В виду всего этого трудно отрицать, что настоящим от-

цом Коммунистического Манифеста был Манифест Демократии.

Ко всему этому еще великое достоинство Консидерана составляет его объяснение революционного движения пролетариата (§ X) как результат столкновения существующих классов и нищеты, в которую ввергло производителей современное капиталистическое общество. Он утверждает, что отрицание частной собственности рабочими классами есть результат того отрицания справедливости, жертвами которого они стали. Чартистское движение в Англии объясняется враждою классов, вызванной зрелищем растущей нищеты у одних, при увеличивающемся богатстве у других". — „Всеобщая монополия не может сосредоточиться в руках малочисленного класса без того, чтобы немедленно же не накопело против него глубочайшей ненависти“.

Ассоциация, как принцип фурьеристов, рекомендуется Консидераном за естественное и разумное средство против современных общественных недугов. В этом опять мы признаем первичную идею о зависимости явлений общественной жизни и социальных революций от экономического развития, идею, впоследствии развитую блестяще Марксом и Энгельсом и составляющую их главную заслугу. Но, признавая за ними эту заслугу, мы должны честно признать, что почти все основные мысли теории были установлены за много лет до появления Манифеста Коммунистической Партии.

Артур Лабриола.

Содержание.

Грузинский и русский анархист, критик Маркса и Энгельса (<i>Д. И. Рублёв</i>)	III
Предтечи Интернационала	3
Раскол среди социалистов-государственников	83
Наука ли это? (Доктрины марксизма)	97
Наконец-то сознались! (Ответ К. Каутскому)	174
Приложение (статья Артура Лабриола)	190

Другие книги нашего издательства:

URSS

Политология

- Валлерстайн И.* После либерализма.
- Пугачев В. П.* Управление свободой.
- Нэбб К.* Радость революции.
- Конапатов С. Н.* Военно-политическая ситуация в современном мире.
- Зинченко А. В.* Ядерная политика Франции.
- Луков В. В.* Международный терроризм: Новые подходы российских ученых.
- Соловьев Э. Г.* Трансформация террористических организаций в условиях глобализации.
- Ефимов Н. Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России.
- Барский Л. А.* Корни и лики террора. Историко-публицистический детектив.
- Петухов В. Б.* Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии.
- Сафронов А. П.* Радикальный популизм и мобилизационное участие.
- Шапиро В. Г.* Мораль и бомба: О моральной ответственности ученых и политиков.
- Никифорова М. Е.* Планетарное католичество: Ватикан и глобализация.
- Кузнецов Д. В.* Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения.
- Кузнецов Д. В.* События 11 сентября 2001 года и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения.
- Мусатов В. Л.* Россия и Восточная Европа: связь времен.
- Геловани В. А., Пионтковский А. А.* Эволюция концепций стратегической стабильности.
- Бузгалин А. В.* Ренессанс социализма.
- Бузгалин А. В.* Социальное освобождение и его друзья («Анти-Поппер»).
- Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал.
- Бузгалин А. В.* (ред.) Глобализация сопротивления: борьба в мире
- Бузгалин А. В.* (ред.) Альтерглобализм: теория и практика.
- Булака Л. А.* Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в России.
- Воейков М. И.* Предопределенность социально-экономич. стратегии: Дилемма Ленина.
- Раквиашвили А. А.* Человек, государство и демократия.
- Кочеткова Л. П.* Социальное государство: Опыт философского исследования.
- Ковалев А. М.* Человеческое сообщество на рубеже столетий.
- Фурман Е. Д.* Становление партийной системы в постсоветской Литве.
- Шестаков О. А.* Структура общества и структура власти или что такое демократия и есть ли она в России.
- Шапталов Б. Н.* Теория и практика экспансионизма: Опыт сильных держав.
- Серия «Из наследия мировой политологии»
- Черчилль У.* Мировой кризис. 1918–1925.
- Ллойд-Джордж Д.* Мир ли это? Европейский кризис 1922–1923 годов.
- Гобсон Дж.* Империализм.
- Фаге Э.* Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века.
- Самуэль Г.* Либерализм: Опыт изложения принципов и программы либерализма.
- Гофман В. А.* Слово оратора: Риторика и политика.
- Чичерин Б. Н.* Политические мыслители: От Древнего мира до эпохи Возрождения.
- Данте Алигьери.* Монархия.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Маркс, Энгельс — творцы научного социализма»

Маркс К. **Капитал: В общедоступной обработке Ю. Борхардта.**

Маркс К. **Нищета философии.**

Маркс К. **К критике политической экономии.**

Маркс К. **Труды по эпикурейской философии.**

Энгельс Ф. **К истории древних германцев. Франкский период.** Маркса.

Энгельс Ф. **История Ирландии; Каутский К.** Ирландия.

Маркс К., Энгельс Ф. **Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений.**

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями.

Серия «Размышляя о марксизме»

Бузгалин А. В. (ред.) **Марксизм: Альтернативы XXI века.**

Каутский К. **Путь к власти; Славяне и революция.**

Каутский К. **К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»).**

Каутский К. **Экономическое учение Карла Маркса.**

Каутский К. **Очерки и этюды по политической экономии.**

Каутский К. **Американский и русский рабочий.**

Каутский К. **Этика и материалистическое понимание истории.**

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). **Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса.**

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). **Философские очерки: Ответ философским критикам исторического материализма.**

Туган-Барановский М. И. **Теоретические основы марксизма.**

Туган-Барановский М. И. **Социализм как положительное учение.**

Богданов А. А. **Краткий курс экономической науки.**

Лафарг П. **Экономический детерминизм Карла Маркса.**

Покровский М. Н. **Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.**

Славин Б. Ф. **О социальном идеале Маркса.**

Лозинский Е. И. **Что же такое, наконец, интеллигенция?**

Претель Д. **От философии марксизма-ленинизма к философии Маркса.**

Завалько Г. А. **Понятие «революция» в философии и общественных науках.**

Паршаков Е. А. **Экономическое развитие общества.**

Корнфорт М. **В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма.**

<p>Тел./факс: (499) 135-42-46, (499) 135-42-16,</p> <p>E-mail: URSS@URSS.ru http://URSS.ru</p>	<p>Наши книги можно приобрести в магазинах:</p> <p>«Библио-Глобус» (и. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)</p> <p>«Московский дом книги» (и. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)</p> <p>«Молодая гвардия» (и. Полянка, ул. 6. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)</p> <p>«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)</p> <p>«Дом книги на Ладужской» (и. Бауманская, ул. Ладужская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)</p> <p>«Гнозис» (и. Университет, 1 гум. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)</p> <p>«У Кентавра» (РГТУ) (и. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)</p> <p>«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)</p>
---	---

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди выпущенных и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Размышляя об анархизме»

Кропоткин П. А. Речи бунтовщика.

Боровой А. А. Анархизм.

Реклю Э. Эволюция, революция и идеалы анархизма.

Грав Ж. Будущее общество.

Лурье С. Я. Антифонт — творец древнейшей анархической системы.

Маккей Дж. Г. Макс Штирнер: Его жизнь и творчество.

Моррис В. Вести ниоткуда: Утопия.

Ламье В. В. История анархо-синдикализма: Краткий очерк.

Бученков Д. Е. Анархисты в России в конце XX века.

Серия «Из наследия мировой философской мысли: социальная философия»

Новгородцев П. И. Об общественном идеале.

Писарев Д. И. Очерки из истории труда.

Богданов А. А. Новый мир; Вопросы социализма.

Ткачев П. И. Анархия мысли.

Фулье А. Современная наука об обществе.

Берг Л. Сверхчеловек в современной литературе.

Фогт А. Социальные утопии.

д'Эйхталь Е. Алексис Токвиль и либеральная демократия.

Николаи Г. Ф. Биология войны. Мысли естествоведа.

Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления.

Курчинский М. А. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии.

Серия «Политэкономические императивы советского марксизма. 1917–1941»

Лозовский А. Анархо-синдикализм и коммунизм.

Покровский М. И. Империалистская война: Сборник статей 1915–1930.

Слуцкина С. Экономическое учение социал-фашизма: Гильфердинг.

Серия «Будущая Россия»

Малинецкий Г. Г. (ред.) Будущее России. Вызовы и проекты. Кн.1, 2.

Осипов Г. В. (отв. ред.) Глобальный кризис западной цивилизации и Россия.

Ильин В. Н. Манифест русской цивилизации.

Геловани В. А. и др. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030).

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (499) 135-42-16, 135-42-46
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

Варлаам Николаевич ЧЕРКЕЗОВ

(Варлаам Асланович Черкезишвили; 1846–1925)

Российский мыслитель и публицист, яркий деятель анархистского движения. Родился в Тифлисской губернии, в семье обедневшего грузинского князя. В 1864 г. окончил 2-ю Московскую военную гимназию. В 1867 г. поступил в Петербургский университет, но уже в 1869 г. оставил учебу, целиком посвятив себя революционной деятельности. Был членом кружков Н. А. Ишутина и С. Г. Нечаева. В 1873 г. выслан в Томск. В 1876 г. бежал из ссылки за границу; жил в эмиграции в Лондоне. Сотрудничал с П. Л. Лавровым, затем примкнул к бакунистам. В конце 1870-х гг. сблизился с П. А. Кропоткиным. В 1890–1900-е гг. сотрудничал в наиболее влиятельных анархистских периодических изданиях Западной Европы и России. В 1917–1921 гг. жил в Грузии, затем вернулся в Лондон.

Анархо-коммунистические идеи В. Н. Черкезов воспринимал не как политическую доктрину, а скорее как тенденцию, неотъемлемо присущую народным движениям всех эпох в истории человечества. Главным направлением его публицистики 1890–1900-е гг. была критика идеологии и тактики социал-демократического движения. В начале XX века его труды имели большой резонанс — с их критикой выступали такие выдающиеся теоретики и пропагандисты марксизма, как К. Каутский и Г. В. Плеханов, а также будущие лидеры Советского государства. В. И. Ленин в 1903 г. в Париже участвовал в публичной дискуссии с В. Н. Черкезовым, а едва ли не первое значительное теоретическое выступление молодого грузинского большевика И. В. Сталина (цикл статей под общим названием «Анархизм или социализм?», 1906 г.) было попыткой оппонировать В. Н. Черкезову.

Наше издательство предлагает следующие книги:

8517 ID 110517

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>